МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ольга БАГНЮК, Михаил БАГНЮК,
Юлия КАРАСЕВА

АЛМАЗНЫЕ ГОРЫ. ДУШИ НИЖНИХ МИРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда ты ощутишь усталость и тебе захочется покоя, ты поймешь: все только начинается! А прошедшие испытания – это прелюдия, сон.

Хельга, воительница из боевого братства, прошла огонь и воду, и вот из ниоткуда раздался едва уловимый зов медных труб. Зов крови. И снова в поход! Армия тьмы выставит своих лучших бойцов в преддверии финальной битвы. «Сестра моя, мы пойдем с тобой разными дорогами к одной цели. Нам нужна окончательная победа, и компромиссов быть не может».

- Ольга Багнюк, Михаил Багнюк, Юлия Карасева
  -
  - Эпилог

Ольга Багнюк, Михаил Багнюк, Юлия Карасева
Алмазные горы. Души нижних миров

Звон стали заглушал голоса, общаться можно было только мысленно. Мы с Нерканном, привычно стоя спина к спине, рубились с карликами, пытаясь прорваться к Дарвингилю, которому приходилось куда тяжелее. Маленькие злобные существа запрыгивали эльфу на спину, стараясь повалить его на пол.

В тот момент, когда злобные коротышки повыпрыгивали из множества внезапно открывшихся порталов, почти мгновенно заполнив все свободное пространство, мы находились в противоположных концах огромного зала. Эльфийский принц и по совместительству мой наставник раскланивался с правителем альвингов, выказывая тому предписанное этикетом уважение. Наша мирная делегация прибыла в этот мир с целью выторговать необходимые для Братства магические камни. Мы с Нерканном, как и было оговорено заранее, скромно стояли у дверей, стараясь лишний раз не раздражать великого правителя своими недостойными мыслями.

Альвинги – очень странные, практически бестелесные существа, что-то среднее между совсем бесплотными призраками и людьми на самой пиковой точке развития сознания. Как сказал Шторм, основатель боевого Братства и мой возлюбленный, их мир находится на более высоком витке спирали развития, чем наш. Познав истинный замысел Всевышнего при сотворении вселенных, альвинги перешли на уровень, который предполагал существование духа и разума без телесных ограничений. Им не требуется пища в нашем понимании, они общаются, отправляя друг другу мысленные и эмоциональные сигналы, они занимаются искусством, усилием воли заставляя материи изменяться и принимать прекрасные формы. Вся их жизнь – сплошное созидание в гармонии с природой.

И вот к этим милым существам во время нашего дипломатического визита и прорвались злобные маленькие монстры: безглазые карлики с большими, почти слоновьими ушами и крупными дырками, заменяющими нос, которыми они всасывали несчастных, неспособных постоять за себя альвингов. Все преимущество, которое дарила высшая ступень развития, при

вторжении злобных карликов превратилось в ничто. Тех, что поменьше, засасывали по нескольку штук сразу. На заглатывание более взрослых, накопивших серьезное количество знаний и энергии, нападавшие затрачивали больше времени.

Мы влезли в схватку сразу, как только на наших глазах ушастики засосали первого альвинга. Точнее, схваткой нападение стало именно тогда, когда в дело вмешались мы. Безглазые карлики повытаскивали из-за поясов ятаганы, чтобы разобраться с наглыми заступниками их законной пищи. Позже выяснилось, что убить эту нечисть не так-то просто: отрубленные головы продолжали жить своей жизнью, ругаться, орать что-то неразборчивое и помахивать ушами-локаторами. Их уши – вообще отдельная история. Как я поняла в процессе битвы, уши компенсировали карликам отсутствие глаз. Они улавливали малейшие шорохи, отражения разночастотных волн от предметов и живых существ и таким способом ориентировались в пространстве. Причем ориентировались прекрасно! Нам пришлось изрядно попотеть, чтобы организовать приличную оборону от врага, многократно превосходящего нас количеством.

– Сзади! – кричала я Дарвингилю, видя, как очередной злобный карлик забирается стоящему рядом коротышке на плечи, чтобы запрыгнуть на спину моему наставнику.

– Двигайтесь быстрее! – командовал Дар, яростно защищая местного правителя, вжавшегося всем своим почти прозрачным телом в высокую спинку трона.

Мы с Нерком действительно продвигались слишком медленно, чтобы оказать существенную помощь нашему товарищу.

– Брось в них огнем, – посоветовал вампир, отрубая нападающему уши и руку, держащую ятаган.

– А если оставшиеся альвинги тоже сгорят? – не прекращая махать мечами, спросила я.

– Тогда придумай что-нибудь другое! – рыкнул на меня Нерканн.

– Сам придумай, – огрызнулась я, отсекая голову очередному уродцу. Та упала к моим ногам и, помахивая ушами, продолжала недовольно ворчать.

– Ты у нас дипломированный маг, вот и отрабатывай диплом! – кольнул в больное место вредный вампирюга.

Еще через пару минут сечи я обратила внимание, что выживают не все отрубленные головы, а только те, которые успели перед этим засосать хотя бы по одному местному жителю. Это значительно упрощало задачу, хотя и не снимало всей сложности ее решения.

Наконец мы протиснулись к Дару. Друзья совместно закрыли трон с правителем своими широкими спинами, куда и я не замедлила спрятаться, чтобы подготовить адекватное заклинание. Выплетая кружевной узор заклинания, я очень старалась сделать его таким, чтобы не навредить никому из своих, поэтому добавила побольше ментальной энергии местных жителей, которой здесь было намного больше, чем привычной энергии четырех стихий. Последний штрих, тугой узелок – и яркое фиолетово-голубое плетение накрыло зал и всех в нем присутствующих. Удар оказался мощным, уши заложило, я поняла, что падаю, попыталась устоять на ногах, но все-таки грохнулась, стукнувшись о золоченый подлокотник кресла правителя…

– Ну ты дала! – весело присвистнул Дар, обтирая мое лицо мокрой тряпицей.

– Что, леший всем вам в глотку, случилось? – выругалась я, открывая глаза. Голова раскалывалась.

– Заклинание твое сработало.

– И как? – отобрав у Дара тряпицу, спросила я.

– Не знаю, чего ты хотела добиться, но эффект получился стоящий. У этих мелких отказали их замечательные уши и мозги от удара переклинило. Пока они стояли и пытались понять, в чем дело и что дальше делать, мы поотрубали им головы. А властелин вызволил своих подданных из недр этих засранцев. – Дар пнул ближайшее к нему безголовое тело.

– Что теперь?

– Теперь домой, если не возражаешь.

– Не возражаю, – милостиво разрешила я.

И мы тут же перенеслись в цитадель боевого Братства, спрятанную в Алмазных горах.

* * *

– И как вообще эти злобные карлики попали к альвингам? – недоумевала я, забравшись с ногами в кресло под теплый плед перед камином в кабинете Шторма.

– В этом отчасти виноваты мы, – вздохнул мой возлюбленный Дракон. – Когда я отправил ментальный посыл их властелину с просьбой принять делегацию, он ослабил защиту над тронным залом, чтобы пропустить вас.

– А шаман этих уродов, – включился в разговор Нерк, вороша длинной кочергой угли в камине, – скорее всего, отследил изменения в защите с помощью своих демонов. И, пользуясь

моментом, пробил туда свои порталы.

– Но это должны были быть межмировые порталы! – воскликнула я, обращаясь к Шторму. – Неужели кому-то, кроме тебя, такое под силу?

– В данном случае не обошлось без жертвенной крови и помощи демонов, как уже сказал Нерк. Энергия убийства и крови невинных жертв очень сильна, как ты знаешь. И использовать ее можно в разных целях.

– Хорошо, что эти карлики прорвались только в тронный зал, где были мы, а то бы альвинги стали уже историей, – веско заметил Нерк.

– Что ты поручишь нам еще? – спросила я Шторма. – Мы ведь продемонстрировали тебе, что хорошо сработались как команда.

– Сначала отдохните, – ласково улыбнувшись, посоветовал мой почти всемогущий избранник. – Тебе надо потренироваться в нейтрализующих заклятиях.

– А что не так?

– Ты сама попала под воздействие плетения.

– Такое иногда случается, – беззаботно пожала я плечами.

– Мы не имеем права давать место случаю, – принялся объяснять Дракон. – Риск слишком велик и неоправдан.

– Но ничего же не произошло!

– Потому что рядом были Дарвингиль и Нерканн, – напомнил Шторм.

– Завтра пойду в хранилище и подберу книги на эту тему, – нехотя сдалась я, понимая, что он, как всегда, прав.

– Это, конечно, хорошо, но ничто не заменит личного опыта.

– Ты снова отправишь нас на задание? – радостно удивилась я.

– Когда-нибудь – обязательно, – заверил меня возлюбленный. – А сейчас тебе надо поучиться у Арканция. В вопросе плетения заклинаний, избирательно действующих на разных существ, он вне конкуренции, – безапелляционно заявил Шторм.

– Он зануда и постоянно ко мне придирается. – Я скривила недовольное лицо.

– Не обижай моего наставника. – Дарвингиль, дремавший в кресле во время нашего разбора полетов, открыл глаза.

– Он твой наставник, а не мой. К тому же ты знаешь, что я права.

– Знаю, – легко согласился эльф. – И благодаря занудству, которое я бы назвал дотошностью и привычкой уделять должное внимание мелочам, он сможет даже тебя заставить все выучить и сделать правильно.

Я вздохнула, но промолчала. Спорить было бесполезно и бессмысленно. К тому же они правы. Я недоучилась один год в школе Чародейского монастыря, досрочно получив диплом, и этот вроде бы небольшой пробел в стандартном магическом образовании проявлялся иногда в виде таких досадных и непредсказуемых последствий.

Нерк и Дар, попрощавшись, разошлись по комнатам, а мне было лень вылезать из теплого, уютного кресла. Шторм присел на широкий подлокотник и обнял меня за плечи. Некоторое время мы просто смотрели на огонь, наслаждаясь ощущением близости друг друга. В последнее время нам все реже удается побыть вдвоем, без посторонних. Хотя братьев сложно назвать посторонними, но все же при них невозможно открыто проявлять чувства и испытывать безмятежное умиротворение. Чем дольше я живу в своей новой семье, тем больше понимаю, что спокойной жизни нам не видать никогда. Вопрос, хотим ли мы ее, сейчас перед нами не стоит. Пока есть демоны, пока есть нижние миры и чернокнижники, приносящие в жертву невинных, мы без работы не останемся, а значит, о мирной совместной жизни для нас обоих не стоит и задумываться.

– Когда приступать к урокам? – спросила я, понимая, что учение-мучение у старшего наставника цитадели неизбежно и необходимо.

– Завтра с утра.

– Ладно, хотя бы ночью удастся отдохнуть.

– Смотря что ты подразумеваешь под отдыхом, – целуя кончики моих пальцев, сказал Дракон.

– Дверь закрой, – попросила я.

– Уже.

Повинуясь щелчку пальцев Шторма, дверь захлопнулась. Вокруг кабинета образовалась защитная сфера, не пропускающая через себя ни звуки, ни эмоции, ни магические вторжения. Даже если демоны из всех возможных миров сейчас заполнят цитадель, то они не смогут потревожить наш покой, потому что просто не заметят нас, как и мы не заметим их. И пусть кто-нибудь только посмеет нас в этом упрекнуть! Расщеплю на молекулы!

* * *

Минуло уже пять лет с того момента, как я безвозвратно потеряла старых и обрела новых друзей. Та ночная случайная встреча с вампиром в потайном зале монастыря, с которой началась моя новая жизнь, произошла ровно пять лет назад. Я

потеряла самого близкого мне человека, Юстинну, с которой мы вместе росли и долгие годы вместе вкушали горести и радости монастырской жизни.

Не успев толком оплакать подругу, я снова волей Судьбы и по желанию моего отца, который так и остался для меня посторонним ненавистным существом (что неудивительно, ведь именно он убил мою мать, оставив свою дочь сиротой), была вовлечена в жестокую кровавую круговерть войн и интриг.

Но нельзя гневить Всевышнего Создателя Миров, а потому я не стану лукавить и говорить, что на мою бедную голову сваливаются одни лишь несчастья. Судьба подарила мне двоих верных друзей и возлюбленного, который уже не раз ходил за Грань, чтобы вернуть меня в мир живых. Далеко не каждый мужчина способен так рисковать своей жизнью ради сопливой девчонки с отвратительным характером, пусть даже любимой.

Прошедшие в Братстве годы текли для меня более или менее спокойно. Шторм, как и обещал, показал мне несколько других миров. При этом он не забывал о долге, так что наши исследовательские прогулки были одновременно и боевыми заданиями.

Давая небольшие поручения (например, уничтожить секту чернокнижников и демонопоклонников), он отправлял нас троих – Нерканна, Дарвингиля и меня – в миры, близкие по структуре и образованию к нашему родному. Мне пока так и не довелось увидеть ни один из техногенных миров наподобие того, откуда Августо смог выудить космические корабли. Этот колдун, с помощью зелий изменивший себя до состояния демоноподобного существа, сумел не только подмять под себя островных вампиров, но и отлично подготовил целую сеть предателей с целью свергнуть императора Софинии и правителей дружественных империи государств. Ценой больших потерь нам удалось помешать его замыслам, а ведь именно для установления господства над этим миром Августо и повытаскивал к нам разные технические новшества из далеких миров. Я просила Шторма отправить меня в одно из таких мест, но он ответил, что в технологических мирах практически нет магии, именно поэтому они и развиваются технически, а я, по его мнению, не готова идти во враждебную среду, лишенная магических возможностей, пусть даже под прикрытием надежных друзей.

Дарвингиль, мой официальный наставник, с ним полностью согласен. Хотя мне кажется, он просто уступает мнению старшего по званию. До чего же обидно! Ведь все признали мое боевое крещение там, на острове кровососов. И пусть я почти погибла (и погибла бы, если бы Шторм меня снова не спас), но, как рассказал

Дарвингиль, никому из членов Братства не приходилось выходить с неприкрытой спиной против такого огромного числа чудовищ. После всего пережитого на Черном острове нынешние задания, пусть и в других мирах, выглядят детской прогулкой. Даже стыдно порой бывает применять заклинания, когда в руках родные клинки и спину прикрывают верные товарищи. Я считаю, зря Шторм так волнуется, но легче сдвинуть голыми руками исполинский дуб, чем переубедить моего любимого.

Последние пять лет, словно боясь потерять свою непоседливую возлюбленную, Шторм не отпускает меня одну даже полетать вокруг цитадели. Со мной постоянно летает Нерк. Нет, я не жалуюсь и вовсе не против его компании – лучший друг как-никак. Но мне начинает казаться, что я становлюсь обузой для друзей, что они опекают меня в ущерб собственным делам и желаниям.

Вот и Дарвингиль, чтобы подстроиться под планы Нерка и Шторма и не терять меня из виду, трижды откладывал свадьбу с Хризастелией. Эльфийка оказалась тоже королевских кровей, правда, из клана, враждебного правящему клану Эль'Аллионе. Но отец Дарвингиля, король Эллании Сорвенго Эль'Аллионе, оказался благоразумным стариканом (если определение «старикан» вообще подходит для эльфа). Он рассудил, что со временем подобный союз может поспособствовать окончанию вражды и клан Хризастелии оставит свои притязания на престол.

– Пусть вы не стремитесь к власти и отказались от титулов и кровного родства, – вещал король Сорвенго жениху и невесте, – но я надеюсь, что хотя бы один из ваших детей сядет на трон Эллании и положит конец распрям.

Примерно то же самое сказал и отец невесты, высказав пожелание, чтобы его будущий внук занял трон, давно отнятый у клана Эль'Ланильон. Дарвингиль и Хризастелия, пока еще не помышлявшие о детях, были настолько рады благословению обоих отцов, что даже согласились сыграть свадьбу в родных краях. Вот только со списком гостей снова вышел скандал. Эльфы – народ скрытный и ко всем остальным расам относятся с презрением. Помня о старых предательствах, они закрыли Элланию от других народов, исключение составили лишь дриады, но они для эльфов – кровная родня. А в списке гостей жениха и невесты значилась добрая половина всего Братства (те его члены, что могли спокойно афишировать принадлежность к семье Дракона): люди, вампиры, орки, гномы… Короче, представители практически всех населяющих наш мир рас и народностей.

Царственная мамаша Дарвингиля сговорилась с родительницей Хризастелии (дамы весьма сдружилась в ходе

свадебных приготовлений), и обе закатили совместную истерику мужьям, которые, в общем, были с ними согласны, и жениху с невестой. Знатная получилась сцена с заламыванием рук, закатыванием глаз, истерическими подвываниями: «Какой позор! С кем вы якшаетесь? Мы не позволим! Вы не посмеете! Подумайте о чести кланов!» – и так далее, и тому подобное.

Дар и Хриза с молчаливым царственным спокойствием выслушали претензии (предполагаю, на это время они отключились от внешнего мира и общались исключительно мысленно, обсуждая более приятные вещи) и с ледяным спокойствием заявили, что очень уважают традиции своего народа и мнение родивших их женщин, а потому свадебные приготовления следует свернуть и забыть о внуках, как о проплывающих мимо облаках.

К чести заносчивых эльфиек, они сразу поняли, что дети не шутят, и мгновенно прекратили концерт, перейдя на деловой тон переговоров. Слезы высохли по мановению руки, голоса утратили заунывность и истеричность. В результате было решено, что:

– гости приглашаются согласно списку жениха и невесты, без редактирования;

– гости неэльфийских рас прибудут все одновременно одним порталом сразу к месту празднования;

– никакого оружия при гостях не будет;

– гостям запрещено выходить за пределы городской стены столицы Эллании – города, где будет проходить торжество;

– гости покинут страну и город одновременно все сразу и одним порталом после окончания празднования.

Было еще несколько пунктов, но их наличие никак не отразилось на нашем присутствии в эльфийском государстве.

Могу поведать также, что Дарвингиль ни разу не пренебрег своими обязанностями наставника меня неразумной и не отменил ни одной утренней тренировки, чем сильно удивил и взволновал своих сородичей. Но об этом позже.

Свадьба Дарвингиля и Хризастелии была назначена на день весеннего равноденствия. Половина Братства собралась в цитадели на площади у фонтана – излюбленном месте открытия больших порталов моего Дракона. Среди членов Братства есть немало представителей царственных семей различных государств. Поэтому в этот раз мы выглядели не как армия убийц демонов, вооруженная до зубов (каковой, по сути, и являемся), а словно сборище придворных, наряженных для королевского бала.

Когда Шторм поручил Нерку, брату владыки Милителии, привести меня в порядок для торжества, я сказала решительное «нет!». Воспоминания об одеянии шауранской принцессы

оставили глубокий след в моей ранимой душе и теле, привыкшем к кожаным доспехам. Но через пару дней я обнаружила в своем шкафу чудесное платье свободного покроя из белоснежного шелка. Оно доходило мне до щиколоток, а высокие разрезы по бокам позволяли легко двигаться, не стесняя движений. По золотой вышивке я сразу узнала руку милительского мастера, у которого когда-то Нерк заказывал для меня тунику. Отказаться от такого платья я была не в силах, и мое решительное «нет!» сменилось восторженным «да!». Я даже сама сделала себе изысканную прическу, обильно снабдив ее колюще-режущими спицами, больше похожими на тонкие кинжалы, припомнив «рецепт» старшей жены клана Харут из далекого солнечного Шаурана. Дополняли наряд изящные туфельки на каблучке с окантовкой мысов и набойками из желтого металла, очень похожего на золото.

Шторм только удовлетворенно хмыкал, благодарно кивая Нерку. Он безуспешно пытался связаться со мной в течение двух часов, пока я осваивала парикмахерское искусство и наряжалась, и в итоге решился подглядеть за моими манипуляциями с помощью магического зрения.

Когда я появилась у фонтана, то оказалась если и не краше всех, то уж точно не выбиваясь из общей массы «придворных», чем заслужила похвалу возлюбленного.

– Тебе надо срочно переодеться! – нахмурившись, строго сказал он. – Иначе королева Эллании и все эльфийки утопятся от зависти к тебе, а король и эльфы – от зависти ко мне. – Шторм широко улыбнулся. – Разве мы можем допустить уничтожение целого народа? – шутливо воскликнул он.

– Поженим Дара и Хризастелию, и они нарожают новых эльфят, с которых начнется возрождение нации! – Я охотно поддержала шутку, ужасно довольная высказыванием Шторма.

Сам он был одет в белый камзол с тонкой золотой окантовкой, сапоги с золотыми пряжками и белые шелковые штаны. В общем, сразу видно – наши костюмы тщательно подобраны и соответствуют друг другу, так что ни у кого не должно возникнуть сомнений в том, что мы вместе. Спасибо мастерам его владычества Варга, правителя Милителии!

Я пригляделась к собравшимся у входа в портал. Похоже, третий пункт свадебного договора между родителями и детьми, гласящий: «Никакого оружия при гостях не будет», остальные поняли так же, как и я. Шторм открыл портал в тронный зал короля Эллании, и мы – кто парами, согласно этикету, а кто по одному – начали отбывать к месту торжества. Я и Шторм замыкали шествие, проход портала за нами закрылся.

Можно было бы сказать, что тронный зал сиял великолепием и поражал воображение изысканной утонченностью лепнины и живыми деревьями с растущими на них вместо листьев рубинами, сапфирами, изумрудами и другими сверкающими самоцветами. Однако после пяти лет воспитания в боевом Братстве, познания всех возможностей созидательной магии и достижений разных миров понимаешь, что нет ничего невозможного. Но любая, даже самая прекрасная вещь – ничто по сравнению с жизнями живых существ. И некому будет творить и восхищаться творимым, если демоны поглотят творящих и восхищающихся.

Охрана эльфийского короля встретила нас, ощетинившись копьями. Если эльфы ожидали увидеть перед собой хулиганскую банду, то они сильно просчитались. Члены Братства, несмотря на копья, по очереди подходили к трону, на котором восседал король, кланялись и проходили в глубь зала, освобождая место для вновь прибывших. Эльфы смотрели на нас во все свои прекрасные, слегка раскосые глаза, будто на обитателей зверинцев. Неудивительно, ведь многие из них никогда не выезжали за пределы собственной страны, закрытой от всех остальных рас. Одни разглядывали нас с откровенным любопытством, однако многие – с нескрываемым отвращением и пренебрежением. Было неприятно, но вполне терпимо – опираясь на надежную стальную руку Шторма, я в состоянии выдержать любые взгляды и даже насмешки. Насмешек, впрочем, не последовало. Никто не рискнул испортить свадьбу престолонаследника, пусть и заблудшего по ошибке в какое-то дремучее Братство. Король Сорвенго не простил бы такого неуважения ни одному из своих подданных. И они это прекрасно понимали.

* * *

Роскошная и помпезная церемония бракосочетания проходила под открытым небом, если не считать увитых диковинными перламутровыми розами беседок. Миниатюрные водопады, берущие свое начало из парящих на уровне эльфийского роста белоснежных облаков, искрились в ярких лучах весеннего солнца. Они появлялись то тут, то там, но умудрялись никого не намочить.

Прекрасная Хризастелия в пышном одеянии из нежно-розовых лилий сама была похожа на чудесный магический цветок. Я завороженно смотрела на нее и Дарвингиля, не понимая ни слова из их брачных клятв, которые звучали подобно песне на

дивном древнеэльфийском языке. Я чувствовала счастье, переполняющее души молодоженов. Мы все его чувствовали, вдыхали его, наслаждались им. Они стояли друг против друга, смотрели глаза в глаза, обменивались словами, браслетами и касаниями рук. В тот момент я отчетливо поняла, что, если, упаси Создатель, сейчас случится нападение демонов, я готова пожертвовать всеми эльфами и доброй половиной братьев, лишь бы осталась в живых эта пара, обретшая на двоих одну душу…

Когда Дарвингиль и Хризастелия закончили произносить ритуальные клятвы, я и не заметила, любуясь их чудесным новообразованным союзом. Молодожены повернулись лицом к свидетелям бракосочетания, коими являлись все собравшиеся, Дарвингиль поднял жену на руки, та сняла с головы венок из розовых лилий и бросила в толпу гостей. Послышались поздравительно-восторженные выкрики, а я так и не поняла, каким образом на моей голове оказался эльфийский свадебный головной убор. Я не пыталась его поймать, и уж тем более надеть на себя. Тихонько стянув венок со своей чудо-прически, я протиснулась мимо нескольких молодых, злобно шипящих на меня эльфиек и протянула венок обратно его обладательнице.

– Теперь он твой, – отодвигая от себя мою руку с венком, сказала Хризастелия. – Смотри – мое платье стало белым. Душа родной земли приняла клятвы и скрепила наш союз. Розовые лилии может носить только невеста.

– Но я не невеста, – не согласилась я.

– Теперь уже – да, – хмыкнул Дар и пожал руку протиснувшемуся вслед за мной Шторму. – Поздравляю!

– И я тебя поздравляю, Дарвингиль! Будь счастлив! – принимая рукопожатие, ответил мой Дракон, затем сгреб меня в охапку и крепко поцеловал в губы, нисколько не стесняясь такого скопления народа, чего раньше никогда себе не позволял. – Надеюсь, ты не против стать моей невестой?

– Вижу, ты осведомлен о местных обычаях, – пробурчала я.

– Открою тайну, – прошептал мне на ухо жених, – многие из них я сам устанавливал.

Недовольные эльфийки продолжали злобно шептаться за моей спиной. Видно, они рассчитывали на этот венок, а тут я так некстати подвернулась.

Застолье уравняло всех. Чопорные эльфы после третьего бокала за здоровье молодых, гномы – после четвертой кружки, остальные – после нескольких емкостей в зависимости от расовой принадлежности – в общем, все стали куда более общительными и дружелюбными. Особо брезгливые и заносчивые эльфы, а также оставшиеся без венка эльфийки сразу после церемонии

удалились. Началось веселье с неограниченным распитием хмельных напитков, дивными эльфийскими песнями и разудалыми танцами. Даже мой уже жених позволил себе немного захмелеть, после того как унесли вдрызг пьяного короля, а большинство его министров и советников улеглись кто под лавками, кто под окружавшими свадебную поляну деревьями, уютно свернувшись клубочком. Праздник продолжался далеко за полночь.

Сколько часов оставалось до рассвета, когда мы отправились спать, я не считала. Все-таки в Эллании время течет немного по-другому. Но на тот момент, когда Дарвингиль по праву моего официального наставника деликатно постучал в дверь спальни, выспаться я совершенно не успела. О чем ему прямо и сказала, когда он снес дверь с петель, а коварный Шторм предательски выпихнул меня из постели, где я так хорошо пригрелась у него под боком.

– Тренировки может отменить только смерть, – напомнил мне Дракон одно из правил Братства.

Я нехотя поднялась и потянулась, зло глядя на своего наставника. Одетый в свободные тренировочные штаны и с голым торсом, он был бодр, свеж и улыбался. Мне аж противно стало – я-то после празднества не нашла в себе сил даже раздеться перед сном!

– Переодеваться будешь? – весело спросил мой мучитель.

– Нет! – рявкнула я и швырнула ему в лицо короткую спицу из прически.

Дарвингиль легко увернулся, и настроение его еще больше улучшилось.

– Я вижу, ты во всеоружии и днем, и ночью! – воскликнул он. – Молодец! Уроки не прошли для тебя зря.

От этих слов я озверела окончательно, грязно выругалась на всех языках, о которых только имела представление, схватила высокий золоченый канделябр, из которого сразу высыпались свечи, и погналась за развеселым Дарвингилем. Тот успел выскочить на балкон и уже карабкался с него на крышу папиного дворца.

– Убью гада! – пообещала я напоследок Дракону.

– Попробуй, – милостиво согласился глава Братства и мой жених в одном лице, повернулся на другой бок и снова уснул.

Тут нужно добавить, что стучавшегося в нашу спальню полуголого молодожена видела служанка, о чем не замедлила доложить его величеству и всем, кого встретила в этот ранний час. Сплетня почти мгновенно облетела всех обитателей дворца и жителей близлежащих домов. Поэтому наш поединок на крыше

наблюдали все. Только два существа спокойно продолжали спать, прекрасно зная, что на самом деле происходит на крыше. Это были Шторм и Хризастелия.

К молодой жене Дарвингиля прибежала мать и, взволнованно теребя дочь, рассказала, что ее муж в одних подштанниках ворвался в спальню к чужой невесте и теперь они сражаются на крыше.

– Мама, дай поспать, – взмолилась Хризастелия. – Дар – наставник этой девочки, у них утренняя тренировка.

– Что? – выпучила глаза вельможная эльфийка. – Он принц! И твой муж!

Но на Хризастелию эти вопли должного эффекта не произвели, она вновь закрыла очи и отошла ко сну. Теща Дарвингиля выскочила из спальни молодых и понеслась в башню, откуда большинство членов королевской семьи наблюдали за дракой принца и его воспитанницы.

Должна сказать, что крыша дворца короля Эллании представляла собой весьма причудливое сооружение: туго переплетенные ветки деревьев, укрытые широкими гладкими листьями, чтобы во время дождей вода стекала вдоль стен. И все это было живое! Ноги скользили и проваливались в промежутки между крупными ветвями. Могу поклясться, что ветви специально раздвигались, делая ямы для моих ног, и плотнее сдвигались под ногами Дарвингиля, поворачивая листья шершавой нескользкой стороной. Но я не сдавалась! Перехватив канделябр одной рукой посередине, я использовала его как боевой шест. Правда, длина слегка подкачала, но я постаралась компенсировать этот недостаток другим способом: свободной рукой выдергивала из прически острые спицы и метала в нахального наставника.

– Она убьет принца! – раздавались из окон смотровой башни панические вопли венценосной мамаши.

Эльфийка яростно теребила рукав халата своего супруга, требуя, чтобы тот отдал приказ охранникам застрелить из лука девицу, представляющую угрозу для жизни ее сына. Король Сорвенго вяло отмахивался от паникующей жены, с интересом наблюдая за схваткой.

– И пусть убьет! – злорадно комментировала оскорбленная в лучших чувствах родительница Хризастелии. – Каков бесстыдник, в одних подштанниках!

Дарвингиль умело уворачивался от моих атак, выдавая на суд благодарной публики лихие кульбиты и изящные пируэты. Я изрядно запыхалась, а Дар выглядел по-прежнему бодрым и свежим. Мышцы его накачанного тела под загорелой кожей играли в оранжевых отблесках рассветного солнца, заставляя

придворных дам в смотровой башне восторженно вздыхать. Меня же это зрелище, как и томно вздыхающие зрительницы, только сильнее раздражало. В прическе осталась последняя, самая длинная и самая острая спица. Раздражение зашкаливало, и я решилась на крайние меры: метнула оставшееся колющее оружие под ноги наставнику. Спица вонзилась в ветку, на которой стоял Дар. Ветка дернулась в сторону, принц не успел среагировать и упал. Я была готова к этому и, мгновенно воспользовавшись ситуацией, подскочила к Дару и прижала его шею мощными ножками канделябра. В смотровой башне раздался испуганный писк.

– Тренировка окончена? – злобно прошипела я, но просчиталась.

Коварные ветки, разозленные причиненным ранением, скрутили меня по рукам и ногам, превратив в подобие куколки бабочки, оставив свободной только голову. Я больно грохнулась в горизонтальное положение, Дар же, наоборот, поднялся на ноги.

– Теперь окончена, – довольно хмыкнув, ответил наставник.

Он перешагнул через меня, помахал родителям, затем взвалил мое связанное тело на плечо, поднес к краю крыши и аккуратно спустил на балкон.

– Она была молодцом, – проинформировал он Шторма, сгружая меня на прикроватный коврик.

– Я знаю, – щелчком пальцев превращая в пыль ветки-веревки, отозвался мой жених.

Даже во сне он не упускал меня из виду, чтобы вовремя успеть, если понадобится помощь. Все-таки мы находились на чужой и потенциально враждебной территории, несмотря на то что это была родная земля Дарвингиля и Хризастелии.

Я с досадой оглядела некогда нарядное, а теперь больше похожее на половую тряпку платье. Придется выкинуть. Тяжело вздохнув, я отправилась умываться.

– Мне нужно во что-то переодеться, – пожаловалась я Шторму.

Мой избранник, не поднимаясь с постели, сотворил небольшой портал, просунул в него руку и вытащил одно из немногочисленных платьев моего гардероба. Которое я и обнаружила, вернувшись после водных процедур из ванной комнаты. Платье было красивое, но… черного цвета.

– Не хочешь еще подремать? – открыв глаза, поинтересовался Шторм, сдвигаясь на край широченной кровати и освобождая мне место рядом.

– Твой воспитанник отбил всякую охоту ко сну, – натянув платье, сообщила я.

– Воин всегда должен быть в форме. Дарвингиль все делает правильно.

– Ага! – взбеленилась я. – Расскажи это королю Сорвенго, его придворным и мамаше Хризастелии! Как теперь им на глаза показаться? И такое платье изуродовал! Не мог дать пару минут, чтобы переодеться! – стукнув от злости ни в чем не повинную стену, закончила я жаловаться.

– Не сердись, я все улажу. – Нежно поцеловав меня, Шторм поднялся с кровати и принялся одеваться.

В дверь, снесенную Дарвингилем и теперь стоявшую около стеночки, осторожно постучали.

– Входи, Нерканн, – разрешил Дракон.

– Почему в черном? – окидывая оценивающим взором мой новый наряд, недовольно скривился вампир. – При дворе тебя неправильно поймут.

– Отмечаю поминки своей холостой свободной жизни, – буркнула я.

Шторм, застегивающий рубаху, замер:

– Не думал, что тебя тяготит союз со мной.

– Я тебя люблю и счастлива быть рядом с тобой, но терпеть не могу, когда решают за меня. Надеюсь, ты не будешь торопить с определением даты свадьбы.

– Дату должны назначить Дарвингиль и Хризастелия на сегодняшнем приеме. – Шторм тщательно изучал рисунок на полу у себя под ногами. – Это тоже традиция, – виновато пожав плечами, сказал он.

От злости я издала утробный рык и отправилась разбираться с коварными молодоженами. Должна признаться, искать их апартаменты пришлось довольно долго. Я носилась по дворцу подобно взбешенной фурии, вся прислуга, завидев меня издалека, разбегалась, прекрасно помня, как час назад я чуть не накостыляла их любимому принцу. Наконец мне удалось поймать эльфенка. Он сидел в одной из галерей на карнизе, свесив ноги, и колошматил голыми пятками по шикарным портьерам, расшитым изумрудами.

– Привет! – поздоровалась я.

– Привет! – разглядывая меня, словно диковинную зверушку, ответил маленький эльф.

– Ты что так высоко забрался? Слезай! – потребовала я.

Эльфенок замотал головой и покрепче вцепился в карниз, перестав болтать ногами.

– Слезай, я не кусаюсь!

– Зато дерешься! – справедливо заметил малыш.

– Маленьких не обижаю.

– Я не маленький! – запетушился эльфенок.

– Тогда слезай.

– А драться не будешь? – Он подозрительно прищурил свои огромные голубые глаза.

– Не буду! – клятвенно пообещала я.

Малыш отцепился от карниза и грациозно спрыгнул с высоты пятнадцать локтей. На нем был надет зеленый костюм, похожий на наряд для верховой езды. Не хватало лишь явно потерянных где-то сапог и шапочки.

– Ты давно там сидишь? – указывая на карниз, спросила я.

– Вы мимо меня успели три раза оббежать по кругу, – почесав за остроконечным ухом, ответил малыш.

– Коридоры закольцованы? – удивилась я.

– Надо было просто вовремя свернуть в другое крыло дворца, – пожал плечами эльф.

– Почему же ты меня не предупредил?

– Вы так забавно фыркали и резво разгоняли нянек-дриад, которые собирались снять меня и отвести к учителям, что я решил немного подождать, – признался проказник.

– Тебя как звать?

– Нельзя говорить свое имя посторонним, – насторожился эльфенок. – Так мама учила.

– Маму надо слушаться, – твердо заявила я, подтверждая правоту малыша. – Мое имя Хельга. Я ищу Дарвингиля и его жену Хризастелию. Ты знаешь, где их комнаты?

– Знаю, – утвердительно кивнул юный эльф.

– А мне покажешь?

– Нет, – замотал головой малыш. – Даже если ты меня будешь пытать, – храбро добавил он.

– Почему? – очень удивилась я.

– Ты хочешь убить принца, чтобы трон остался без наследника, а Элланию начали раздирать на части склоки и гражданские войны! – воинственно выпятив грудь вперед, изрек эльфенок, в довершение всего топнув босой ногой. – Не бывать этому!

Я с большим трудом сдерживала рвущийся наружу хохот.

– Кто тебе это рассказал? – Я уже давилась сглатываемым смехом.

– Никто, – засмущался отважный защитник Эллании. – Я слышал…

– Подслушал! – перебила я его.

– Нет, я слышал, как дядя короля убеждал.

– Сидя под потолком. И они тебя не видели, – хмыкнула я.

Малыш обреченно кивнул. Скорее всего, за такое поведение

его по головке не погладят.

– Вы на меня наябедничаете? – глядя исподлобья, спросил он.

– Если покажешь, где живут молодые, то не наябедничаю, – заверила я и поспешила добавить: – Я не собираюсь убивать вашего принца. Честное слово!

– Это потому, что он победил тебя сегодня утром?

От накатившего раздражения я чуть не зарычала, эльфенок же воспринял это как обиду за напоминание об утреннем поражении.

Он повел меня по извилистым коридорам дворца, весело рассказывая занимательные истории из жизни королевской четы и придворных. Я слушала вполуха, разглядывая диковинные деревья, растущие прямо из пола, а в двух галереях нам попались ползущие по полу и стенам лианы. Их листья и стебли различной окраски причудливо переплетались, создавая уникальный, плавно изменяющийся узор. Эльфенок открыл дверь, которую я бы приняла за вход в одну из гостевых спален, и мы очутились в холле с широкой лестницей. Лестница уходила вверх и вниз, изящно изгибаясь вдоль двух противоположных стен; тонкие резные перила были такие же, как у балкончиков, по которым некоторое время назад мне пришлось карабкаться на коварную крышу.

– Тебе наверх, – указал путь мой проводник.

– Ты меня дальше не проводишь?

– Нет, – покачал головой малыш. – Весь следующий этаж перестраивали для принца и принцессы. Не заблудитесь. А мне еще надо успеть спрятаться в саду, пока дриады не отловили.

Он махнул мне рукой и начал стремительный спуск, оседлав лестничные перила.

Общение с маленьким эльфом отвлекло меня от цели визита к молодоженам, поэтому к их апартаментам я поднялась не такая взбешенная. Большая часть запала была растрачена в бессмысленной гонке по кругу.

Хризастелия встретила меня в дверях.

– Обещай, что не будешь убивать, – с шутливой серьезностью потребовала она.

– Ты чувствуешь во мне злость и жажду мести? – Я удивленно вскинула бровь.

Эльфийка прислушалась ко мне.

– Нет, только обиду и раздражение, – ответила она, пропуская меня внутрь. – Но двадцать минут назад дворец трещал по швам от твоих разбушевавшихся негативных эмоций.

– Значит, вам повезло, что я не нашла вас двадцать минут назад, – садясь в уютное кресло напротив Дарвингиля, ответила

я. – Я хотела поговорить.

– Я больше не буду, – выставил руки ладонями вперед Дар.

– Конечно, не будешь, ведь сегодня вечером мы уже вернемся домой в цитадель, – напомнила я. – Я не о твоих утренних художествах.

– Тогда о чем? – Хризастелия села на колени супругу, диван стоял слишком далеко для приватной беседы.

– Я тут случайно узнала, что сегодня вы должны объявить дату моей свадьбы.

– Не только твоей, а твоей и Шторма, – напомнила Хризастелия.

– Как раз личность жениха не вызывает во мне протеста. Я люблю его.

– И он тебя любит.

– Его душа закрыта от меня. Я чувствую вас, ваше счастье. Я чувствую остальных братьев, как все мы чувствуем друг друга. Шторм знает мои мысли, видит меня насквозь. А я его – нет.

– Он рисковал жизнью, чтобы спасти тебя! – горячо заступился за друга и шефа Дарвингиль.

– Он также не раз рисковал ради тебя, ради других братьев и даже совсем незнакомых ему существ из иных миров, – возразила я.

Дар замолчал, отрицать очевидное было бессмысленно.

Пауза затянулась, каждый думал о своем. Хризастелия первой нарушила молчание:

– Что мы можем сделать для тебя?

– Вы уже вчера все сделали, – хмыкнула я, намекая на брошенный не в ту сторону венок.

– Прости, – почти хором извинились молодожены.

– Прощаю. – Я обреченно махнула рукой. – Вы можете назначить дату свадьбы попозже?

– Запросто! – быстро пообещал Дар.

– Лет через сто, например.

– Ты можешь и не дожить, – заметила Хризастелия.

– Зато Дракон точно доживет, а мне так будет намного спокойнее.

– Понимаешь, Хеля, – аккуратно начал Дарвингиль, и я сразу поняла, что здорово вляпалась, ничего для этого не сделав. – Традиции – вещь сложная и требующая уважения…

– К чему ты клонишь? – перебила я вступительную речь наставника.

– Мы свободны в выборе даты в рамках одного эльфийского года.

Я схватилась за голову:

– Бред какой-то! Я ведь не эльфийка, Шторм не эльф, да и вы оба давно признали законы Братства выше всех остальных!

– Тут не все так просто, – подала голос Хризастелия. – Для эльфийского народа наш союз – чисто политический. Он связывает руки интриганам, пытающимся стравить кланы, претендующие на трон.

– Вы уже поженились. Ваша – как там правильно? – природа-мать признала союз, на церемонии твое платье окрасилось в белый цвет. Можно пренебречь хотя бы одной глупой традицией?

– Не все так просто, – повторил за женой Дарвингиль. – Мы с Хризастелией любим друг друга давно и замечательно обходились без всяких церемоний, но мой наставник Тиджикх подсчитал, что Эллания погибнет в течение ближайших пятидесяти лет в междоусобных войнах, если ничего не предпринять. Эльфы как раса просто перестанут существовать в нашем мире. В этом виноват и я. С моим уходом в Братство Эллания лишилась законного наследника престола.

– Если у недоброжелателей будет хотя бы один повод объявить наш брачный союз вне закона, они вцепятся в него клещами и добьются своего, – продолжила за Дарвингиля его жена. – Если мы не сможем продолжить священную традицию брачных союзов, это будет достаточной причиной для признания нашего брака неполноценным и несостоявшимся.

– Эльфы рождаются редко, – вновь взял слово Дар. – Мы медленно взрослеем, нечасто влюбляемся по-настоящему и почти никогда не женимся по собственной воле. Брачная традиция дает гарантию, что ежегодно будет создаваться по крайней мере одна семья, и это способствует поддержанию рождаемости.

– Если пара, благословленная моим венком на нашей свадьбе, откажется от брака или мы начнем придумывать, как обойти традицию, то хранители обычаев быстро аннулируют наш брак, – закончила зачитывать приговор Хризастелия.

– О! Как все запущено… – только и смогла вымолвить я. Поднявшись на ватных ногах, я пошла бродить по пустынному, как мне показалось, дворцу.

Ноги сами вывели в сад у дальней стены. Сказочные деревья, переплетающиеся кронами, образовывали беседки; уютные палисадники со скамеечками и миниатюрными водопадами зазывали тихим шелестом листвы кустарниковых роз. Здесь царили спокойствие и умиротворение. Шауранские садовники, славящиеся созданием самых прекрасных оранжерей, удавились бы от зависти, взглянув хоть одним глазком на эту гармонию и роскошь природы.

Однако мою голову, очумевшую от утренних встрясок,

посещали мрачные думы даже среди этих созидательных красот. «Если сейчас, – думала я, – Шторм мне и шагу не дает ступить самостоятельно, то что будет после замужества? Он запрет меня в подвалах цитадели на веки вечные?» Я отлично понимала, что Шторм – любовь всей моей жизни. Любовь с большой буквы. И сейчас, когда я в тяжких раздумьях, а его нет рядом, мне все больше кажется, что чувство мое безответно. Я всего лишь очередная человеческая кукла – игрушка для великого и ужасного Дракона. Любимая вещь, не более того.

Садовая тропинка легко ложилась под ноги, каждый раз выводя на новое место возможного отдыха. На водах крохотного хрустального озера призывно покачивалась лодочка; лианы, сплетенные в гамак, ластились к коже. Но нигде не хотелось останавливаться. Я упорно топтала несчастную, отчаявшуюся угодить мне тропинку до тех пор, пока ноги совсем не отказались нести свою хозяйку. Тогда я опустилась на колени и заплакала. Впервые за долгие годы. Растения тут же подстроились под мое новое положение: тропинка пропала, из-под земли прямо подо мной быстро выросла мягкая перина с подушками, покрытыми бархатистыми листьями, кроны деревьев сомкнулись над головой.

Я выплакала в услужливые подушки все свои обиды на возлюбленного, на друзей и на потерянных родителей. Подушки впитывали слезы и почти мгновенно высыхали, так что уснула я на сухой и очень уютной постели.

К моему успокоению, никто меня не потревожил. Хозяева дворца, видимо, решили не связываться с полоумной гостьей, пытавшейся убить их сына. Либо Шторм, как всегда, чувствовал мое состояние и предпочел не вмешиваться, либо магия сада не позволяла посторонним беспокоить отдыхающих против их воли.

* * *

Мне снился сон…

Ночь. Я стою на скале и любуюсь на лунную дорожку, бегущую по морю к горизонту. Поднимаю глаза к небу и не узнаю созвездий. У меня были не самые лучшие отметки по астрономическим наукам, но пять-шесть знакомых созвездий я всегда нахожу быстро и легко. Удивление смешивается с подозрением: кажется, я вижу другой мир. Вглядываюсь в луну и убеждаюсь: эта, с пятнами, не похожа ни на одну из наших. В нос бьет приторно-сладковатый запах каких-то цветов. В голове слышен слабый отзвук: «Я здесь…» – и отчаянный зов: «Помоги!» Продолжаю смотреть на чужую луну. Теперь она смотрит на меня

глазами моей Юстинны.

Просыпаюсь в холодном поту.

Вокруг темно.

Кричу. Ветки раздвигаются, пропуская ко мне лучи заходящего солнца. Спустя пять лет мой страх, моя боль и потеря дали о себе знать.

Я больше не хочу быть одна.

В голове звучит просящий голос Шторма: «Позволь мне прийти к тебе».

Позволяю.

В тот же миг деревья и кустарники расступились, давая дорогу моему возлюбленному Дракону.

Ни слова не говоря, он присел рядом, гладя меня по голове и целуя заплаканное лицо.

– Хочу домой, – прошептала я.

– Пойдем, – согласился Шторм, открывая портал.

* * *

В отличие от Эллании, в Алмазных горах, где расположена цитадель Братства, вечер хоть и наступил, но до заката было еще далеко.

Стараясь не думать ни о чем постороннем, я присоединилась к двум братьям, плетущим из веревок канаты, а из канатов – навесной мост. Пару лет назад от нечего делать меня очень увлекло такое рукоделие. Силы отнимает, как после хорошего боя, требует усидчивости, успокаивает нервы, дает возможность потренироваться в магии. А главное – всегда приятно посмотреть на серьезную нужную вещь, сделанную своими руками и приносящую пользу.

Вот и в этот раз за беззаботной болтовней и обсуждением недавних походов быстро скручивались тугие жгуты, накладывались огнестойкие и водоустойчивые заклятия.

– Ты помнишь, как стучала в эту калитку? – с добродушной усмешкой спросил мой рыжий друг, успевший здорово повзрослеть, и указал на единственный вход в монолитной стене.

– Помню, – протянула я. – Все помню.

– И как коленки дрожали, помнишь?

Я хмыкнула и кивнула.

– Теперь смешно вспоминать, – понятливо покачал головой его наставник, который и учил всех нас непростому делу изготовления навесных мостов. – А если бы вас снова за ту калитку – вмиг не до смеха стало бы.

– Что, и такое возможно? – Я удивленно подняла глаза от прикрепляемой перекладины.

– Всякое бывало.

– И если кто-то захочет уйти, его отпустят?

– А ты так этого хочешь?

– Я просто спросила, – смутилась я. – Чисто теоретически.

– Сама видишь, никого в Братстве насильно не держат. Но и без Братства никому из нас теперь не выжить.

* * *

Ночью мне вновь приснился тот странный мир с одной пятнистой луной. Только теперь здесь был день. Я узнала этот мир по дурманящему запаху диковинных растений.

Стою на высокой скале, нависшей над бескрайним морем. На лазурном небе ярко светит солнце. Стая дельфинов синхронно выпрыгивает из воды, делает головокружительный переворот и с оглушительным всплеском ныряет обратно в морскую пучину. Мне на лицо попадают брызги. Пробую на вкус – соленые. «Какой красивый и чудесный мир!» – восторгаюсь я. Оборачиваюсь.

В эти края только пришла золотая осень. Некоторые деревья уже позволили себе разбавить зеленый наряд багровыми и желтоватыми оттенками. Позади меня скалы сменяются горной грядой, поросшей растениями с нежно-сиреневыми цветами, источающими уже знакомый приторный запах. Подхожу ближе, запах становится вовсе невыносимым, раздвигаю ветви кустарников.

В лощине приютилось горное селение: крепкие каменные дома и маленькие домики; деревянные сараи и плетеные изгороди; на веревках сушится белье; на ветке дерева с едва слышным поскрипыванием раскачиваются детские качели. Узкие улочки сбегают вниз к побережью. Поражала тишина, совсем несвойственная для обжитого места. «Наверное, жителям пришлось уходить очень быстро, раз они не успели даже белье с веревок снять», – подумала я.

Подхожу ближе, заглядываю в ближайший дом и в ужасе захлопываю дверь. Кругом трупы. Аромат цветущих растений щедро разбавляется запахом крови, смерти и страха. Мертвые тела жителей горного селения я нашла практически в каждом доме. Все черноволосые, черноглазые, со смуглой кожей. Их лица не выражали ничего, кроме презрения, даже у совсем маленьких детей, но запах их страха ощущался повсюду. Взрослые мужчины, женщины, дети, старики. И никого в живых. Было сразу видно,

что они даже не пытались сопротивляться: никаких следов борьбы, никаких следов нападения, ничего не сломано.

Целое селение убивали быстро и с ювелирной точностью, вырывая сердца и выпивая кровь. Тела обескровлены, зато на полу и на вещах ее более чем достаточно. Кровь еще не успела подсохнуть, алые капли тягучей жидкости медленно стекают по стенам, оставляя за собой пачкающие дорожки.

Я опоздала. Совсем чуть-чуть. Приди я всего на несколько минут раньше, сумела бы хоть кого-нибудь спасти.

Очарование этим миром, окутавшее меня при любовании морем, сменилось резким отвращением. Я с омерзением заглянула в последний дом, уже точно зная, что там увижу, и зашагала прочь. Собираясь перепрыгнуть через плетеный забор, случайно опустила глаза, взгляд наткнулся на клок рыжих волос. Спутанная прядь огненно-рыжих человеческих волос ложится мне в руку. Сомнений больше нет – Юстинна здесь. И она жива. Вот только где это – «здесь»? Как определить, что это за место и где оно находится во всем множестве и многообразии миров, придуманных и воплощенных в реальность Создателем?

Ухожу обратно, в сторону скалистого побережья. Грохот за спиной заставляет обернуться. Чувствую мощную магическую волну, которой меня отбрасывает почти на край скалы. На селение сползает часть горы, не одно поколение защищавшей его от холодного северного ветра. Растерзанный чьими-то когтями и клыками город остался погребенным под толстым слоем глины и горной породы.

Для меня в этом месте больше нет ничего полезного. Все, что было нужно, я уже увидела.

* * *

С этой мыслью я и проснулась, стараясь не забыть ничего из своего странного и пугающего сна.

За окном очень раннее утро, даже солнце еще не окрасило горизонт на востоке. Подавляя в себе жгучее желание пойти отомстить Дарвингилю, я оделась и отправилась на аудиенцию к возлюбленному, который теперь получил статус моего официального жениха.

– Доброе утро. – Я без стука зашла в кабинет.

– Доброе, доброе, – в один голос отозвались Тиджикх и Шторм.

Огромный стол, как обычно, был завален свитками, звездными картами и листами с длинными колонками подсчетов

вероятностей.

– Я хотела с тобой поговорить, – поведала я.

– Мы как раз обсуждаем нашу проблему с эльфами, – заранее поспешил успокоить меня Шторм.

– Тут у меня нарисовалась еще одна проблема, никак с эльфами не связанная, – «обрадовала» я его.

– Где нарисовалась? – поинтересовался Тиджикх.

– Во сне, – честно ответила я.

– Мне поприсутствовать или уйти? – вновь спросил наставник Дарвингиля.

Я безразлично пожала плечами, Шторм кивнул, разрешая Тиджикху остаться. Я села в удобное глубокое кресло, щелчком пальцев зажгла камин, с удовольствием протягивая озябшие пальцы к огню. Весело затрещали сухие дрова. Пляшущие язычки оранжевого пламени игриво облизывали мне руки, согревая, но не обжигая. Несмотря на то что огонь – не моя родная стихия, в пределах цитадели он слушается меня беспрекословно. Мы даже подружились, и пламя не столько служит мне, сколько ему нравится находиться рядом и играть со мной.

Мужчины расположились в соседних креслах, на маленьком столике появились шоколад и прочие сладости. Шторм заботливо подал мне чашку с горячим травяным отваром, я приняла ее с благодарной улыбкой и подробно рассказала об обоих снах.

– Из всего увиденного я могу сделать несколько выводов, – перешла я к главному, закончив повествование о снах. – Во-первых, Юстинна не погибла в той бойне, как это признано официально. Во-вторых, она просит у меня помощи. Но…

Шторм не дал мне продолжить, закончив мысль за меня:

– Но у тебя все эти выводы вызвали больше вопросов, чем ответов.

– Да. – Я кивнула головой, делая очередной глоток бодрящего горячего отвара.

– Задавай, – милостиво разрешил Шторм. – Только по одному, – зная мою манеру засыпать собеседника вопросами, попросил он.

– Как Юстинна могла попасть в тот мир, если здесь все считают ее погибшей?

Тиджикх бросил взор на Шторма, тот кивнул, разрешая ответить.

– Думаю, – серьезно посмотрел на меня наставник Дарвингиля, – она была смертельно ранена. Кто-то из демонов, обладающих зачатками интеллекта, захватил ее с собой в нижний мир в качестве подарка своему господину – высшему демону. Жизненной и магической силой одного такого мага, как

послушник вашего монастыря, несколько высших демонов, запертых в нижних мирах, могут питаться годами. Поэтому девушку вылечили, позволили восстановиться и используют как донора.

– Но тот мир не был нижним, – запротестовала я. – Он жесток, но красив. В нем живут люди, птицы, рыбы. Там есть море, настоящий чистый воздух.

– Могу предположить, что высший демон, к которому попала твоя подруга, сумел, используя ее энергию, пробить канал в ближайший мирок. Он параллелен нашему миру, поэтому ты и смогла услышать ее зов. Из нижнего мира такие послания не доходят. Любой энергетический посыл там моментально съедается изголодавшими без магии демонами.

– Отсюда вытекает мой следующий вопрос. Как я смогла, пусть даже во сне, переместиться туда? Я шла, сама выбирала дорогу, решала, какие объекты следует осмотреть и когда настала пора уходить. Меня никто не направлял, никто не открывал портал. Из всех известных мне существ такие способности есть только у тебя! – Я с вызовом посмотрела на Шторма.

Не дожидаясь приказа основателя Братства, Тиджикх молча удалился, позволяя нам самим разобраться в этом, как я поняла по его уходу, весьма непростом вопросе.

Мы не боялись быть услышанными или подслушанными, несмотря на мысленную и эмоциональную связь между братьями. Именно благодаря этой связи каждый может быть уверен, что его не потревожат, если он сам того не хочет и закрыт для общения. Шторм собирался с мыслями, я с несвойственным мне терпением ожидала рассказа.

– Видишь ли, девочка моя, – ласково начал Дракон, пересаживаясь ко мне поближе.

– Что-то начало мне не нравится, – буркнула я.

Огонь в камине вспыхнул ярче, реагируя на мое раздражение.

– Четыре с половиной года назад твое нездоровое чувство ответственности и жажда приключений привели тебя на Черный остров.

– Почему это оно нездоровое? – запротестовала я, мгновенно восстанавливая в памяти те страшные события.

– Нездоровое – потому что чрезмерное, – примирительно пояснил Шторм и продолжил: – Ты ведь погибла тогда, – прикрывая глаза, чтобы я не увидела плескающейся в них бездны, сообщил он.

– Почти погибла, – поправила я его.

– Нет, – не открывая глаз, твердо проговорил мой Дракон. – Твое тело умерло. Совсем. Из тебя выпили слишком много крови.

Сердце остановилось.

– Но я же все помню! Ты пришел за мной и спас! – вскрикнула я, вскакивая с места. – Разверзлись облака, и я увидела тебя!

– А в это время тебя высасывали вампиры, – напомнил он.

– Если все, что ты говоришь, правда, тогда как я оказалась в мире живых? – Нервно вышагивая по кабинету, я наконец задала первый правильный вопрос.

– Очень кстати и очень вовремя к берегу пристала «Королева ночи». Владыка Варг смог провести ритуал и вернуть тебя к жизни.

– Ты сказал, из меня высосали почти всю кровь, тогда откуда…

– Он взял ее у меня.

Шторм открыл глаза, которые приобрели обычный цвет, значит, все самое важное и страшное он мне уже поведал.

– Но ты не человек, мое сердце могло не принять то, что течет в твоих жилах, – останавливаясь возле кресла, в котором продолжал сидеть Шторм, сказала я.

– Могло, – покорно согласился он.

– Ты мог погибнуть!

– Мог, – так же спокойно признал Дракон.

– Ты хоть понимаешь, что сделал? – Напряжение зашкаливало, мои нервы – тоже.

– Понимаю.

– Кто я теперь? Кукла, созданная тобой по принципу зомби? Или твоя кровная сестра?!

– Моя единственная, любимая, желанная… – Одной рукой Шторм прижимал меня к себе, ладонью другой удерживал мое лицо, покрывая его поцелуями. Я так и не смогла уловить момент, когда он встал из кресла и оказался рядом.

Вскоре ему удалось заставить меня успокоиться и переключиться на более приятное занятие, нежели крики и истерика…

Через некоторое время я сидела и кормила его дольками шоколада.

– Могу преподнести тебе еще одну новость, если ты обещаешь воспринять ее спокойно, – уворачиваясь от очередной порции лакомства, заинтриговал меня Шторм.

– Обещаю, – согласилась я.

– Я пару лет назад провел некоторые тесты. В общем, после того переливания мы стали совместимы и у нас могут быть дети.

– Чего?!

– Чисто теоретически, – поспешил успокоить меня возлюбленный.

Я вздохнула:

– Мы тогда оба могли погибнуть, а ты думаешь о всякой ерунде.

– Мы оба выжили. И, как сейчас выяснилось, ты приобрела некоторые мои способности, пусть отчасти в ином виде. Ты смогла самостоятельно перемещаться во сне.

– Ага, – усмехнулась я. – Не зная куда, зачем и почему.

– Да, – протянул Шторм. – Миров – великое множество. Даже если исключить нижние и верхние, то пройдет много времени, прежде чем мы найдем твою подругу.

– Именно времени у нее и нет, раз она решилась позвать меня.

* * *

К вечеру того же дня Шторм застал Хельгу в спальне укладывающей дорожный мешок.

– Далеко собираешься? – недовольно спросил он.

– Навещу родителя. Думаю, он знает намного больше того, что рассказал на Совете старейшин и императору о той бойне с демонами нижнего мира. И ему в той лжи очень помогли магистры монастыря.

– Ты хочешь сказать, кто-то может знать о нижних мирах больше меня? – с вызовом спросил Шторм.

– Я хочу сказать, что тебя там не было. Ты в это время спасал меня. Но есть очевидцы тех событий, которых я хочу расспросить.

– Почему ты думаешь, что они станут с тобой откровенничать, даже если действительно что-то знают? – буркнул Шторм, злобно сверля мне взглядом спину.

– Я их об этом очень попрошу. – Хельга обернулась к Шторму и плотоядно улыбнулась. – Передавай привет братьям!

Она открыла дверь и шагнула за порог.

– Нерк еще не собрался, – сказал ей вслед Шторм. – Я только что видел его на внешнем кольце.

– Я иду одна, – уже из коридора ответила девушка.

– Нет! – Шторм материализовался прямо перед ней.

Не успев остановиться, Хельга ткнулась носом в его широкую грудь.

– Я иду одна, – четко выговаривая каждое слово, повторила Хельга, отступая назад. – Хватит помыкать мной, я тебе не жена и не ручная собачка.

– Так вот в чем дело! Ты все это затеяла из-за предстоящей свадьбы.

– Как вижу, для тебя свадьба – вопрос решенный.

– Даже если так, это не повод сбегать.

– Как ты не хочешь понять – моя подруга в беде! Я не прощу себе, если потеряю ее снова. Но мое мнение давно перестало тебя интересовать! Раньше ты более уважительно относился к моим чувствам и стремлениям!

– Из-за своих стремлений ты постоянно рискуешь погибнуть! Пора повзрослеть и понять, что вокруг – любящие люди, которые переживают за тебя.

– Во-первых, ты не человек. Во-вторых, любовь – это стремление сделать счастливым близкое существо. А в последнее время я что-то не чувствую, не вижу и не слышу, что ты стремишься сделать меня счастливой! Или ты думаешь, навязывание мне своей точки зрения и пренебрежение моими интересами – это и есть любовь? Такая любовь мне не нужна!

После ссоры с возлюбленным Хельга вернулась в свою комнату, заперла дверь и призвала магическую мощь цитадели для построения портала. Ей самой такое было почти не под силу, слишком энергозатратным было порталопостроение. Цитадель Братства, созданная с помощью магии и дышащая магической силой, легко откликнулась. Хельге осталось лишь правильно задать координаты, в точности представив место, куда необходимо попасть. Окинув прощальным взором столь полюбившуюся ей комнату и проверив, легко ли выходят мечи из заплечной перевязи, девушка уверенно шагнула в серебристый провал портала.

* * *

Местом выхода из портала Хельга выбрала хорошо знакомую ей полянку недалеко от селения Старожилы. Пеший путь до ближайшего трактира занял достаточно времени, чтобы успеть изрядно проголодаться, но девушка понимала, что совсем без лошади ей придется туго. А потому она направилась к конюшне местного старосты, у которого всегда имелись лошадки на продажу. Конечно, можно было купить транспорт на птичьем базаре, где и выбор побольше, и поторговаться можно, но Хельге нужна была лошадь не только для передвижений, ей нужен друг и боевой товарищ в одном лице, точнее, в одной морде.

Ей предстоит не один бой, в этом девушка не сомневалась. Да и из чародейского монастыря придется уходить в спешном порядке, учитывая нелегальное проникновение внутрь. Вот и шагала голодная воительница к конюшням старосты, чьи лошади

в посвященных кругах славились не только выносливостью, но и незаурядным умом, а также способностью дружить и нести на себе седока, находящегося в бесчувственном состоянии.

Поговаривали, что какой-то бродяга сумел поймать милительского жеребца и за бутыль хмельного продал его старосте Старожил. Тот не растерялся и, вместо того чтобы перепродать уникальное животное, скрестил его со своими кобылами, активно занялся селекцией и вывел новую породу.

Хельга имела счастье дружить (да-да, именно дружить, а не только ездить верхом) с милительской кобылой и прекрасно знала способности этих чудесных лошадок к откусыванию конечностей и разбиванию кирпичных стен толчком одного копыта. Поверить в то, что кто-нибудь, уж тем более бродяга, смог поймать милительского жеребца, Хельга не могла. А сам староста лишних вопросов не любил и не стремился делиться своими секретами.

Однако факт оставался фактом: лошадей лучших, чем у старосты Старожил, нет даже у императора Софинии. Умные друзья, выносливые бойцы и надежные товарищи – вот кем были эти замечательные животные. Стоили они, правда, в три раза дороже самых быстрых скакунов на базаре, но за это чудо не жалко было заплатить любые деньги. При их наличии, естественно.

– Мира вам, госпожа чародейка, – пробасил тролль, работающий у старосты конюхом и охранником одновременно.

– И тебе мира, счастья и добра, Кадлук, – ответила Хельга, проходя в широко распахнутые ворота на огромный двор.

Пять лет назад у Хельги состоялось не очень приятное знакомство с Кадлуком и его бандой, промышлявшими в Разнотравном лесу. Хельга, тогда еще будучи юной послушницей чародейского монастыря, здорово испугалась, однако не растерялась и ушла от бандитов живой и даже сохранила все свое имущество. Она случайно убила одного из членов банды, но Кадлук не обиделся – наоборот, проникся уважением. Снова встретив Хельгу через несколько месяцев в лесу между Старыми Урочищами и Старожилами, тролль попросил нанять его и друзей-разбойников в монастырь выполнять хозяйственные работы. Хельга по понятным причинам отклонила просьбу, однако, когда в ее жизни наступил относительный мир и покой, вспомнила о незадачливом тролле, миролюбивом отпрыске воинственного короля равнинных троллей, и пристроила его вместе с друзьями на службу к местному старосте, который был давним другом вампира Нерканна.

– Лошадок показать? – кивая на бревенчатое строение,

спросил конюх у Хельги.

– Да, пешком далеко не уйдешь, – согласилась девушка.

– А где ваша прежняя кобылка? Уж не пала ли? – с простодушной прямотой поинтересовался Кадлук.

– У нее отпуск, – избегая скользкой темы, ответила Хельга (не объяснять же троллю, что та лошадь была чужая) и перевела разговор в другое русло, указывая на новое каменное строение: – Староста новый дом поставил, молодец! А почему одноэтажный?

– Нет, – в привычной манере замахал огромными ручищами тролль. – Это не дом, а новая жеребятня. Там молодняк сил набирается. Буйные они, пока молодые и без дрессировки. Стены копытами бьют, а мне потом дыры заделывать. Балки грызть повадились – опасно, вдруг крыша упадет! Вот хозяин и решил стены сложить из камня и крышу повыше сделать, чтобы мордами не доставали.

В конюшне царили чистота и порядок – Кадлук со товарищи честно отрабатывали как ставку охранников, так и конюхов. Аккуратные, ухоженные лошадки в стойлах по обе стороны от двери высунули морды, услышав скрип открывающейся двери. Двадцать пар больших умных глаз уставились на Хельгу с немым вопросом: «Чего пришла?»

– Вам жеребца или кобылу? – услужливо поинтересовался тролль, шикнув на своих друзей – бывших бандитов, пришедших посмотреть на нового покупателя.

– Добрый вечер, мальчики. – Хельга приветливо помахала им рукой, и троллей как ветром сдуло: связываться вновь со зловредной чародейкой им не хотелось.

– Куда мне жеребца, я и с кобылами-то с трудом договариваюсь, – ответила на вопрос Кадлука девушка, как только его помощники скрылись из виду.

– Тогда – вот! – Тролль торжественно подошел к одной из лошадей, которая тут же фыркнула и отвернулась. Но сильные руки Кадлука развернули морду так, чтобы покупательница смогла рассмотреть товар. – Веди себя хорошо, Зара, – наставлял он упрямое животное.

Темно-шоколадного цвета, с черной гривой и черной же полумаской на морде, кобыла выглядела очень солидно.

– Такую гнедую красавицу – только в подарок императору, – вздохнула Хельга. – Мне бы что-нибудь попроще.

В ответ на эти слова лошадка состроила презрительное выражение морды, вырвалась из рук тролля и вновь отвернулась.

– Вы не понимаете, от чего отказываетесь, – зашептал на ухо Хельге Кадлук, для этого ему пришлось согнуться в три погибели. – Она очень умная. Понимает с полувзгляда. У меня тут

один шаман знакомый из племени… – Кадлук немного замялся, поняв, что сболтнул лишнего, но все же продолжил: – Так вот, он проверял всех в конюшне на устойчивость к магии, а от Зары убежал, сказал, что не вернется, пока не продадим ее, потому как она мысли читать умеет!

– Так ты мне ее сватаешь, чтобы шаман побыстрее вернулся и за работу принялся?

– Что вы! Что вы! – замахал ручищами тролль. – Она же самая лучшая! Выносливая! Может и как скаковая, и груз потянет, если что.

– И сколько стоит это чудо? – поддалась на уговоры Хельга. Зара с интересом повернула к ней голову и начала откровенно разглядывать потенциальную хозяйку.

Кадлук назвал цену. Хельга знала, что лошади здесь стоят недешево, поэтому была к этому готова. И цена ее устраивала. Торговаться с простодушным бывшим разбойником в ее планы не входило. В комплект к лошади тролль подарил седло, подпругу и множество необходимых мелочей для комфортного путешествия верхом.

– Это подарок хозяина для дорогих клиентов, – заявил он чародейке, изъявившей желание оплатить все это добро.

Девушка отсчитала нужную сумму, накинув еще десять процентов Кадлуку за заботу, взяла под уздцы новое приобретение и, попрощавшись, вышла за ворота. Теперь можно позаботиться и об ужине с ночлегом.

Покупая кобылу, Хельга даже не догадывалась, что тролль взял с нее сумму, в несколько раз меньшую, чем в действительности стоила эта лошадь. Он был настолько благодарен чародейке за новую работу, которая обеспечила ему спокойную сытую жизнь без разбоя на большом тракте, что вложил собственные деньги, чтобы покрыть хозяину полную стоимость его четвероногого товара.

* * *

Хельга сидела в таверне и жадно поглощала ароматный горячий суп. Варево благодатно разливалось внутри, разнося приятное тепло. Менестрель исполнял песню за песней, компания за соседним столом поощряла его восхищенными выкриками. И хозяин, довольный тем, что щедрые посетители расположились надолго, принес менестрелю горячее блюдо в знак признательности.

Менестрель поблагодарил и спросил слугу, подававшего на

стол:

– Что это за блюдо, любезный?

– Это седло ягненка под гранатовым соусом с зеленью, – гордо произнес слуга, обнажая щедрость своего хозяина.

– Еда пока слишком горячая, и я, пожалуй, успею спеть еще одну песню. Вы не боитесь страшных сказок, господа? – обратился менестрель к собравшимся.

Все выказали храбрость, и менестрель настроил лютню и запел. Хельга подняла ложку и замерла, заслушавшись.

Менестрель запел красиво поставленным голосом. Казалось, он начал повествование.

Город, помнишь, *как* двести лет назад
В дверь тебе стучал продающий ад?
Колокол завыл, и зажглись костры,
Ночью у застав не уснут посты.

Парни, выразившие желание послушать «страшные сказки», раскачивались в такт мелодии. Менестрель продолжал, и голос его становился все более зловещим:

Площадь в эту ночь не была темна,
Словно всех вела вера и вина,
Жестко бил озноб руки палача,
Страх застыл в глазах местного врача.
Страннику поднес крест святой монах,
Рассмеялся тот: «Сгинешь, к праху – прах!»

Менестрель преобразился. Он был и палачом, и ужасным странником из песни. Компания уже не плыла за плавными аккордами мелодии. На столе остывали сытные окорока, и легкий жар от ароматного мяса, казалось, застывал от пугающих слов древней баллады.

Вздрогнул пыльный тракт и полынь-трава,
Он из мертвых уст выдохнул слова:
«Двести лет назад я сдержал свой страх,
Чтоб спустя века город ввергнуть в прах!»

Мелодия тем временем изменилась, голос менестреля стал вкрадчивым и приторно-сладким. Он словно спрашивал каждого: «Чем вы готовы заплатить за вечную молодость и красоту?» Но

холод потянулся от одного посетителя к другому...

Догорает плоть в огненных печах.
Он к равнине шел с ношей на плечах…

Неясные миазмы заполняли зал таверны. Призраками вставали картины древних гравюр, на которых люди в пугающих одеждах совершали жертвоприношения. Хельге подумалось вначале, что это ее воспоминание о том случае, когда ее закинули в храм с монахами в белых рясах – тогда она еще проходила обучение в монастыре. Но после появления призрака гигантских печей, куда закладывались, словно дрова, трупы истощенных человеческих тел, Хельга поняла: эти видения далеки от ее собственных воспоминаний. С трудом она вернулась от этих жутких призраков в реальность. Менестрель уже был судьей! Голос его звучал так, будто он допрашивал сидящих в зале…

Перед ним дворцы шумных городов...
Разделить тот груз кто из вас готов?

И опять спокойно лилась мелодия баллады. Менестрель опустил голову. Теперь он показался Хельге намного старше, чем она восприняла его поначалу.

Мудрость – что змея, с возрастом – длинней.
Город! Он вошел в свет твоих огней,
Он с собой принес каждому свое,
А вослед ему вилось воронье.

Парни, заказавшие песню, расправили плечи. Хельга ощутила их готовность встать на посты и спасти призрачный город. Этот порыв живым теплом прогонял сумрачный холод древней баллады. К блюдам робко возвращался рассеявшийся аромат. Менестрель, завершая, ударил по струнам и с призывной силой, будто и впрямь бил в колокол, пропел:

Черная душа продавала ад!
Город не уснул – город бил в набат!

Пока не смолкла последняя струна, возбужденная рукой менестреля, Хельга оставалась неподвижной. Наваждение какое-то: эта песня объясняла ее вчерашний сон. Перед глазами

проплыл уничтоженный демоном город. Опять темная, сумрачная тревога навалилась на плечи тяжким бременем. Суп утратил аромат и вкус, есть больше не хотелось.

Хельга встала, бросила в оплату обеда монету на стол и вышла на свежий воздух. Монета долго вращалась на ребре и наконец легла на столешницу. Менестрель подошел к тому месту, где только что обедала Хельга. Монета легла орлом. Он улыбнулся, вернулся на свое место и продолжил трапезу.

«Получается, демон, сожженный людьми того городка столетия назад и прозябающий все это время в нижнем мире, вернулся с помощью Юстинны к своим обидчикам и отомстил им, – рассуждала чародейка. – Какие пакости он еще задумал? И как найти тот злополучный мир?»

Сна, как и аппетита, не было и в помине. Решив не откладывать визит в родные пенаты до утра, Хельга поднялась в комнату постоялого двора, забрала свой дорожный мешок и вернулась в темный двор. Недавно приобретенный транспорт стоял возле крыльца и нетерпеливо бил копытом.

– А ты действительно умница, – похвалила девушка лошадку, ласково погладив ее по черной морде.

В ответ Зара презрительно фыркнула, выражая недовольство Хельгиным сомнением в ее способностях.

* * *

Поднявшись с кресла, страдальчески скрипнувшего зеленой кожей, седовласый мужчина подошел к окну кабинета и спросил своего заместителя, собиравшего документы:

– Ну и что ты об этом думаешь?

Зам оставил документы в покое и, опершись подбородком на руку, несколько раз сдавил полные щеки большим и указательным пальцами. Шеф, хорошо изучивший манеры коллеги за долгие годы совместной работы, угадал крайнюю степень напряженных раздумий. «С чего вдруг? Вопрос, кажется, пустяковый, а он так серьезно его воспринял», – подумал мужчина и поежился от внезапно пробежавшего по спине холодка.

– Плохо пахнет, Иваныч, – наконец выразил свое мнение зам.

– А по-моему, это «Диор», – отшутился шеф.

Однако зам шутки не воспринял:

– У девчонки «Диор» и сильнейшая анемия. А вот связываться с Сатиным… – Зам опять с усилием помассировал подбородок. – Связываться с ним все-таки нельзя. Воняет от него. Чем – пока не пойму, но чувствую – нельзя.

Напряжение, не покидавшее Валентина Ивановича в течение всего времени, что длилась встреча, сменилось ироничным настроением, сработавшим как своего рода предохранитель.

– Ну, если ты девчонке диагноз ставишь с первого взгляда и к «Диору» еще чутье не потерял… Остается только поверить тебе на слово. – И согласно кивнул, когда его зам и старинный товарищ, улыбнувшись, выразительно повел подбородком в сторону бара. – Да, по пятьдесят сейчас в самый раз, а то что-то знобит….

За окном на солнечных проталинах пышного сада благоухали роскошные июльские розы.

* * *

Они шли по звонкой брусчатке между некрополем и крытыми торговыми рядами. Жаркое летнее солнышко вспыхивало бликами на куполах соборов и, отражаясь от них, отбрасывало фонтаны золотых лучей, пронзая камни брусчатки и прохожих. Сатин предусмотрительно перешел на теневую сторону.

Имея некоторое представление о грядущем и минувшем, он увидел призрачный силуэт некогда разрушенного храма. Взглянув на солнце, с неудовольствием подумал: «Если решатся все-таки восстановить свою церковь и здесь, то ходить по этой площади станет практически невозможно».

В этот момент, отвлекшись на разглядывание золоченых крестов, он едва не столкнулся с темноволосым невысоким человечком с раскосыми глазами и смуглой кожей. Тот тоже озирался по сторонам и вздрогнул, едва не налетев на Сатина.

– Извините, не подскажите, где находится ЦУМ?

Сатин изумился, что какой-то смерд рискнул так близко к нему подойти.

– ЦУМ? Знаю… – широко улыбнулся он незатейливо одетому мужчине, на которого покорно смотрела свита из двух женщин в хиджабах. – Это рядом с Большим театром!

Маленький человечек, недоумевая, переспросил:

– А где Большой театр?

– Большой театр на гастролях! – торжественно заключил Сатин и, крепче сжав пальцы на предплечье своей спутницы, энергично пошел дальше. А растерянный мужичонка некоторое время смотрел перед собой, пытаясь разгадать загадочные перипетии столичных маршрутов.

– Представляешь, – обратился к девушке Сатин, – приехать из дремучей глубинки в столицу, наторговав на базарах жалкого бабла, и искать все тот же базар! И не замечать прекрасную

архитектуру, не подозревать, что существует опера, балет… Из такой биомассы, Изольда, можно лепить что угодно! Все так просто, что скучно!

Юстиниана, которую Сатин называл Изольдой, пристально смотрела на крест, венчавший узорный купол витиеватого собора.

Сатин с досадой перехватил ее взгляд, но постарался скрыть свое раздражение:

– Кстати, о балете – пойдем сегодня в ночной клуб? Надо бы подзарядиться, а то переговоры буксуют.

Но сегодняшний день явно оказался неудачным для Сати – таково было его настоящее имя. Напуганный чем-то голубь, сорвавшийся с крыши, выплеснул ему на плечо горячую струю едкого помета. Сати чертыхнулся, достал из кармана шелковый платок и стал быстро оттирать слизистую белесую кашицу с лацкана пиджака.

– Не зря голубей прозвали летающим сортиром! Навалил, поганец… – Сати не договорил и рванул к Юстинне, отошедшей от него метра на три: – Ты что делаешь?

Девушка под действием глубокого транса стояла рядом с Сати, пока тот отчищал одежду от голубиного помета, и в то же самое время к ней протянула руку старуха-нищенка, прося подаяния. Словно сквозь вату, как золотые лучи сквозь грозовое небо, к Юстиниане пробивались отблески сознания. Подать нищенке ей было нечего, но руки сами собой торопливо отстегнули замок бриллиантовой серьги, и девушка вложила украшение в сухую, морщинистую руку старухи. В этот самый момент Сати уже метнулся к ним.

– Храни тебя Господь, – торопливо проговорила нищенка.

Сати схватил Юстиниану за руку и попытался ухватить старуху, но та с удивительным проворством неуловимым образом скрылась в толпе.

– Идиотка! – минуту спустя орал на Юстиниану Сати. – Тех денег, что стоит эта сережка, хватит, чтобы вот они, – он пальцем указал на прохожих, остановившихся поротозейничать, услышав его крики, – жили беззаботно лет пять!

Выкинуть как мелочь, подумать только!

Его истерика оживила Юстиниану. По мраморно-бледным щекам пробежал едва заметный румянец. Сати отступил, состояние и настроение девушки серьезно его заботили.

– Ладно, пойдем купим тебе что-нибудь новенькое. – Сати быстро овладел собой и вернулся к привычному иронично-назидательному тону. – Не будешь же ты у меня ходить в одной сережке, как малазийский флибустьер…

* * *

Экипировка Изольды была в некотором роде и его визитной карточкой. Поэтому Сати решил не откладывать в долгий ящик восстановление утраченного лоска. Они зашли в сумеречную прохладу ювелирного бутика. На бордовых витринах сверкали бриллианты, не терпящие конкуренции другого сияния. Длинноногая менеджер приветливо встретила потенциальных покупателей, жестом предложив присесть в уютные, усыпляющие расчетливость, пышные кресла.

Сати провел рукой, указав на опустевшее ушко Изольды.

– Моя девушка потеряла сережку. Я хотел бы подобрать точно такую же.

Менеджер изумилась: «Ни фига себе! Потеряла! Охренеть! Такие деньжищи!» – но виду не подала.

– Мы не можем продать вам одну серьгу, – покачала она головой. – У нас они продаются парами, но можно сделать заказ, и, если это наше изделие, ювелиры восстановят утрату.

– И в течение какого срока я смогу получить недостающую серьгу?

Менеджер задумалась. Такого заказа они еще не исполняли.

– Не могу навскидку назвать вам сроки, но, полагаю, месяца три-четыре.

– Месяца?! – возмутился Сати. – Для меня три-четыре часа ожидания – это уже долго!

На несколько секунд повисла пауза.

– Вот что, любезная, – Сати пригляделся к прицепленному на груди у продавца бейджику, – Анюта, принесите нам или такие же, или что-то в этом роде.

Анна рысью двинулась к прилавку: похоже, светила недельная выручка как минимум. У зеркальной стены она на секунду остановилась, чтобы поправить волосы. Сати, хоть и мимоходом, с удовольствием покопался в ее кукольной головке.

«Ничего себе! Мужик за нее такие бабки выкладывает, а она сидит как статуя! Ни улыбки, ни слова! Во девке повезло! И чем я хуже ее?»

Приняв осанку и в меру выпятив грудь, Анна поглядела в благородное зеркало. В умеренном полумраке при тонко рассчитанном освещении на нее смотрела уставшая женщина. Четко прорисовывались темные припухшие круги под глазами, не очень удачно замазанные пудрой, которая скаталась в мелкие сеточки морщинок «куриные лапки». Подводка, старательно нанесенная утром, размазалась, сделав глаза «грязными». Анна вздрогнула. «Такое освещение», – попыталась она успокоить себя.

Сати наслаждался ее паникой. Любимая шутка – состарить кокетку лет на пятнадцать в одно мгновение, пусть полюбуется!

Но выдержка все-таки не покинула продавщицу, и она с честью продолжила выполнять свой долг, обернувшись к посетителям с радушной улыбкой:

– Может, чай или кофе?

– Да, пожалуй, кофе! – согласился довольный Сати.

Анна перевела взгляд на посетительницу. Та сидела безукоризненно прямо и по-прежнему безучастно смотрела перед собой. Ее кожа была свежа и естественна, не выдавая и малейшего присутствия косметики. Благородная природная красота не искажалась никакими преломлениями света.

И тут совершенно неожиданно для Сати мысли Анны приняли совершенно другое направление: «И мужик-то с ней вроде завидный, а девчонка – как в ступоре. Наверняка какой-нибудь козел. Извращенец. Мучает ее, бедняжку, а потом грехи подарками замаливает. Думает, что за брюлики она ему все простит».

Сати был возмущен. Ну что за народ! Менталитет: от ненависти до любви… какой там шаг – полмысли! Сама на дохлой курице две недели живет из-за неоплаченных кредитов, а миллионершу жалеет! Девочке, видите ли, козел попался! А саму-то собственный козел в чужом городе на улицу не выбросил с ребенком? Нет, с такими людьми совершенно невозможно работать.

Сати почувствовал, как он устал за эти дни.

Менеджер принесла серебристый поднос с минимальной сервировкой и обратилась с вопросом к Юстиниане:

– Вам сахар или сливки?

– Ничего не нужно, – ответил за девушку Сати, но и сейчас он опоздал. Анна неясным порывом протянула руку к сахарнице, и ее рука встретилась с ледяными пальцами Юстинны.

Как ток, пробежало живое прикосновение по нервам пленницы, она подняла на Анну полные глубокой муки зеленые глаза и встретила взгляд сострадания. И во второй раз за день на щеках Юстинианы проступил легкий, едва уловимый румянец. Словно замороженная кровь чуть оттаяла.

Из далеких воспоминаний неожиданно возник аромат вишневого пирога, которым замаливала свои грехи непоседа Хельга. Юстиниана вздрогнула. «Хельга! Если бы ты могла услышать… если бы только знала!»

* * *

«Одна магичка – это не больше, чем капля в море, – думал Мо Ши. – Сата проделал огромную работу, но этого недостаточно, чтобы развернуться в полную силу. Его донор чахнет при малейшей нагрузке, а захват мира Земли потребует колоссального напряжения». Мо Ши встал и подошел к изящно оформленной карте Софинской империи. Здесь. Именно здесь он найдет источник необходимой энергии. Юстиниана – первая ласточка. Затем он откроет врата, и полчища демонов ринутся в бой. Орки и еще… Мо Ши задумался, глядя на многоцветный рельеф карты. Еще… Кто же еще? Ему не хватит времени, чтобы приобрести как можно больше союзников. Несмотря на разногласия, жители этого двухлунного мира в ущерб собственным амбициям не спешат заключать союзы против друг друга. Обладая большим энергетическим потенциалом, они боятся открытого конфликта.

Совсем другое дело – столь желанная Земля. Противоречия между ее жителями буквально разрывают мир на части. По сути, большинство землян все еще остаются невежественными каннибалами, готовыми откусить голову своему ближнему за стеклянные бусы и жестянку из-под консервов.

Слуга, подававший Мо Ши вечерний чай, все-таки рискнул перебить поток мыслей хозяина:

– Простите меня, господин, но вы размышляете вслух!

Старик позволил себе эту дерзость, поскольку знал: кара за не сделанное вовремя предупреждение может оказаться более ужасной, чем гнев, который хозяин обрушит на него сейчас.

Но, к удивлению слуги, господин не рассердился.

– А ты… – Мо Ши поймал себя на мысли, что за века службы так и не удосужился узнать имя своего верного слуги. – Ты сам, – нашелся он после недолгой паузы, – хотел бы стать господином?

В мудрых раскосых глазах слуги промелькнул неподдельный ужас. Старик растерялся. Он глубже вжал голову в плечи и пролепетал:

– Я никогда не мог позволить себе думать ни о чем другом, кроме как об исполнении вашего приказа.

Мо Ши рассмеялся:

– Я не ошибся, когда выбрал тебя!

Слуга облегченно вздохнул. Кажется, обошлось. «Чернильный мастер», как звучало имя Мо Ши на родном северном диалекте старца, мог стереть из свитков судьбы имя любого, кто вызвал у него мимолетное недовольство. Четкие графемы иероглифов жизни осторожного старика на этот раз не оборвались. Он сгорбился и, пятясь, бесшумно скользнул за ширмы.

Мо Ши принялся расставлять фигуры на шахматной доске.

Он начинал новую партию. Эта древняя игра увлекала его, и иногда он просиживал долгие месяцы за обдумыванием одного-единственного хода. Случалось, финал партии вызывал его бурное ликование. А порой он с гневом сметал фигуры с доски, и тогда за далеким мерцанием звезд в чернильном холоде неба фиолетовые всполохи рвали облака и с куполов далеких планет сыпались огненные стрелы. Власть над затерянными мирами – это только плацдарм. Мо Ши устал ждать…

Сумерки смазали краски разноцветной черепицы остроугольных крыш и золоченых шпилей. Цветущие кусты потихоньку начали поднимать вверх прибитые проливным дождем пышные ветви. Мо Ши распахнул окно и полной грудью вдохнул прохладный аромат вечера. Маленькая пичуга – по всей видимости, неосторожный слеток – прыгнула на подоконник. Ее привлек зеленый жучок, который до этого спрятался в щель рамы, а теперь во все лопатки удирал с гладкой поверхности. Увидев Мо Ши, птичка присела на тоненьких лапках и, поворачивая крохотную головку, смотрела то на жучка, то на страшного человека. Мо Ши с улыбкой взирал на трогательное существо. Он не шевелился, и птичка сделала прыжок к привлекшему ее жучку. В этот момент широкая ладонь замахнулась и прихлопнула пушистый комочек. Мо Ши приподнял руку и с интересом уставился на кровяные полосочки, разбежавшиеся по линиям ладони. Словно пытался прочесть предопределенные знаки.

Тень слуги неслышно двигалась за спиной господина.

– Убери с окна эти перья, – брезгливо приказал Мо Ши, отряхивая ладонь.

Он вернулся к нефритовой шахматной доске и наконец сделал ход. Лучи изображенной на стене пентаграммы вспыхнули слабым фиолетовым огнем подобно разгорающимся углям костра.

* * *

Еще не остыл бархатный сезон, а поселок почти полностью обезлюдел. Вместе с беззаботным бытом курорта жизнь совсем ушла из маленького поселения. Но это лишь самообман. На самом деле жизнь покинула селение более века назад. Жители побережья незаметно приняли в свои дома пустоту и праздность. Город, утратив большую часть населения, стал поселком, который вскоре грозил вымереть окончательно.

Некогда изгнанный сожжением чернокнижник теперь въезжал в город на шикарном авто, и не в мантии, как когда-то, а в строгом костюме от известного модельера. Его роскошь слепила и

затягивала все глубже и глубже. Жалкими торговцами стояли люди на блошиных рынках, будто ненужную рухлядь, предлагая свои души. Чернокнижник брезгливо и разборчиво щупал товар. Он не торопился покупать и сбавлял цену. Он мстил им за то, что двести лет назад его сожгли на этом самом рынке полные негодования горожане. Он помнил все, словно это случилось вчера…

Пятнадцатилетняя селянка проснулась на рассвете.

Свежесть и радость заполняли уставший от серой ночной сырости городок. На влажной оранжевой черепице, поднявшись на тоненьких ножках, сверкая черными бусинками глазенок, выводит невероятно звонкую задорную песенку зарянка. В густой зелени широколистного клена просыпается соловей. О, это главная партия! Заливистая трель разрывает сердце от счастья и боли в предчувствии чуда. Пропахшие рыбой сети свежи и легко колышутся, как прозрачные декорации в театре. Море ласково целует песчаный берег – нет в целом мире нежнее любовника! С каждым вдохом грудь раскрывается все шире, и уже обнажено незащищенное сердце. Каждая жилочка – как струна чудесной арфы: поет и переливается в невероятной музыкальной гармонии. И зовет тебя к самой кромке моря. Навстречу сияющим бригом выплывает заря…

Такие души стоили затраченных трудов. Они пропитаны светом. Какое наслаждение – гасить яркий светоч!

Чернокнижник затащил девушку в темный сырой грот и, еще не умертвив окончательно, начал пожирать ее печень. Солнечный свет вытягивал из него слишком много сил, ему была необходима пища. Чудесное сияние девушки заполняло мертвую плоть демона. В глубине грота он почуял присутствие смертного, но слишком велико было наслаждение плотоядного духа, а потому демон не стал прерываться.

Мальчик, грезивший отыскать в гроте клад контрабандистов, замер от ужаса, увидев, как недавно приехавший в селение врач обращается в чудовище. Он уже ничем не мог помочь соседской девчонке и, пятясь, отступил к щели, через которую пробивался неровный свет. Чудо было в том, что мальчик оказался довольно маленьким и щуплым, а ветер и вода изъяли достаточно грунта, чтобы образовалась широкая щель, которая выпустила его на свободу.

Мальчик выбрался на небольшой уступ над самым обрывом. «Кошкой» цепляясь за отвесную скалу, он добрался до тропинки и кинулся в селение. Добежав до площади, паренек истошно заорал. Из домов выходили встревоженные жители: рыбаки, контрабандисты, булочники, ремесленники и их жены. Задыхаясь

от ужаса, мальчик поведал им о том, что произошло в гроте.

Вооружившись садовым инвентарем, горожане не промедлили ни минуты. Зверь был застигнут врасплох прямо над несчастной жертвой. Еще несколько тел нашли тут же. Те, кого еще недавно считали утопшими, предстали перед содрогнувшимися горожанами в виде истерзанных останков.

Чернокнижник не стал отпираться. Он смеялся жителям в лицо. Женщинам припоминал, как чудодейственные крема из подкожного жира новорожденных младенцев продлевали сомнительную молодость и красоту их кожи.

– Вы разве не знали, сударыни, чем вы скрывали свою дряблость? – хохотал он. – А вы, распутные детоубийцы, разве вам не все равно, в каком виде сгниют свидетельства вашего греха?

Город задохнулся от возмущения. Общиной решили, не сообщая властям, сжечь колдуна немедленно со всем его скарбом. Дрожа от ужаса и ненависти, горожане привязали изрыгающего проклятия чернокнижника к столбу. К ногам его летели склянки с эликсирами и мазями, стопки древних книг, перевязанные бечевками из пеньки. Демон визжал и бесновался. Он разоблачал жителей, прибегавших к его услугам, одного за другим. Но молча смотрели они на то, как языки пламени чадящего костра начали пожирать стянутое веревками тело. Плотно сжав зубы, стояли ошарашенные люди, связанные воедино праведным гневом и неискупленным грехом.

– Ага! – вопил бес. – Я так и знал! Здесь недостает пяти флаконов! Наталья, сколько ты оставила себе?

Он щедро раскидывал семена вражды и подозрительности, пока его горло не превратилось в кипящую пенящуюся массу.

Одного не учли несчастные жители: среди догорающих углей еле заметно билось обугленное сердце демона. Ночью пришел к пепелищу черный пес и проглотил его целиком, в это же мгновение черный дым втек в разинутую пасть пса. Верный телохранитель уносил своего хозяина подальше от проклятого города, туда, где им предстояло долго-долго зализывать горячие раны…

Теперь все иначе. Нет сетей и баркасов. Ленивые вороны долбят жесткими клювами пластиковый пакет из любопытства, дескать, что же там такое? Они не голодны, свалка сытно кормит всех: крыс, ворон, нежить и заблудших… Шакалоподобные псы бродят по улицам без страха. Милый городок!

Сати приехал сюда отдохнуть на пару дней.

Расторопный хозяин гостиницы, опережая шофера, суетливо кинулся к багажу, на ходу слащавой скороговоркой приговаривая:

– Вот хорошо, что вы приехали! Уж мы ждали-ждали…

Сати улыбался. Солнце больше не досаждало ему. С ним всюду была его великолепная Изольда, в достатке снабжающая своим сиянием и кровью.

– Тебе пойдет на пользу морской воздух, моя девочка! – Сати подал руку, помогая выйти из автомобиля своему донору.

Определенно она начинает иссякать. Ей нужен отдых. В этом благодатном климате вполне подберется пара-тройка одноразовых источников плоти, пока Изольда немного восстановится.

* * *

Юстиниана брела по пустынному берегу моря… Она всеми силами пыталась устоять, не потерять память и не смириться. Иногда ей казалось, что смерть – самый лучший способ избавиться от нескончаемого кошмара. Но что-то, какие-то детали, которые никак не укладывались в логическую цепочку, рождали в ней надежду. Она сможет. Что именно сможет, Юстиниана не знала. Изо дня в день она вспоминала стихотворные строки древних поэтов, не подозревая, что именно зарифмованные в четком ритме слова удерживали в ее сознании память, вызывали волновые сигналы, летевшие через бесконечность к тому, кто сумеет их принять.

«В моей душе… В душе моей только песчаные дюны, штрихи нечеткого змеиного следа, ускользающего в серые заросли колючего кустарника. В глазах моих – пустынное море, застывшее в штиле. В ушах моих – стон дудука. Я слышу, как расцветает абрикосовое дерево, и чувствую прохладу лунной ночи. Свежий запах морских водорослей не перебивает ни одна струя аромата цветов и берега. Я могу слышать то, что я захочу! Я могу обонять те запахи, которые мне нужны. Я могу видеть то, что даст мне возможность сохранить память», – беспрестанно крутилось в голове Юстинианы.

Серой тенью в нескольких метрах позади нее тащился телохранитель и верный пес Сати, готовый к любой неожиданности.

* * *

Сати, отправив шофера выгуливать Изольду, почувствовал, что он жутко голоден. Он сам сел за руль своего сверкающего

«порше». Выскочивший проводить его хозяин кинулся открывать ворота.

– Девочек по-прежнему можно найти на набережной? – с тлетворной улыбкой поинтересовался Сати у лысенького содержателя гостиницы.

– Да, – радуясь вниманию господина, откликнулся тот. – Они стоят там до последнего отдыхающего, до самых дождей.

– Хорошо! – отозвался довольный господин. – Захвачу парочку – развлечься!

– Девчонки ничего – красотки! – прокричал вслед резко стартовавшему авто хозяин гостиницы.

Настроение у Сати было великолепное. С вульгарно накрашенными девчушками, еще не достигшими и шестнадцати лет, даже торговаться не пришлось. Едва он открыл дверь, как они, демонстрируя опытность, сами запрыгнули в машину. Сати сделал погромче музыку и направил многосильную машину к спуску, ведущему к самому морю. Ему не терпелось войти в сырую прохладу грота.

– А мы куда едем, мужчина? – с игривой развязностью обратилась к нему одна из девушек.

– Мы едем в сказку! – улыбаясь, ответил Сати.

– Сказка – там! – указала девушка на огни набережной. – А море уже холодное и штормит.

– А ты, пожалуй, права. – Сати вспомнил, как во время приливов вода доходила почти до самого входа в грот. Хлопотно будет убеждать этих шлюх идти в пещеру по колено в холодной воде. Они нынче куда менее наивны, чем прежние, которых можно было заманить сказками про сундук с сокровищами и прочей чепухой.

– Поехали сразу в гостиницу, – предложил он.

– А где вы остановились, мужчина? – поинтересовалась самая смелая.

– Почему ты зовешь меня так? – спросил Сати.

– Ну мы же не познакомились еще, – ответила малолетняя нахалка.

– Правда? – изумился Сати. – Ну зови меня Алик!

– А я – Натуся!

– Оч-чень приятно, – проявила осведомленность в этикете вторая. – Ася! – И протянула руку в гипюровой перчатке с обрезанными пальцами из маминого старенького комода, которой очень гордилась.

– Так едем-то куда, Алик?

– В «Эжени».

– Не, я туда не поеду! – вдруг заартачилась Ася.

Сати поморщился:

– Может, ты тогда пешком прогуляешься?

– Не… я просто в «Эжени» не могу, – поторопилась убедить в своей готовности Ася.

Сати еще раз досадливо скривил рот:

– Ладно… Давайте по бокалу шампанского и поищем райский уголок!

– А где шампанское, Алик? – оживилась Натуся.

– В багажнике! – радостно сообщил Сати. – Ну-ка, девчонки, вылезайте, поможете достать, там еще фрукты.

Они вышли из машины, все трое…

Сати вернулся в прекрасном расположении духа. Он насытился не только плотью, но и страданием и смертью. Изольду он поглощал понемногу, не переходя допустимую границу. И теперь чувствовал себя окончательно удовлетворенным, целуя ее тонкую руку:

– Набирайся сил, девочка! Ты же знаешь, как ты мне нужна.

Юстиниана выказала полное безразличие. Она должна молчать, она должна сохранить эту маску безучастия, чтобы демон не догадался о ее способности мыслить.

* * *

Милицейский патруль был в ужасе от находки, обнаруженной на обочине дороги.

Собаки, без меры расплодившиеся в поселке, раскопали два присыпанных землей свежих трупа. Псы еще только начали рвать тела, как в том же месте проезжавшие мимо курортники остановились выгулять своего подвывающего пуделя. Тот выскочил из машины и по дурашливой наивности побежал к пирующим бродяжкам. Собаки сбились в истошно визжащий и рычащий клубок. Туда же на выручку своему питомцу ринулся хозяин…

Пару минут спустя он рванул вперед, виляя на дороге. Увидав патрульную машину, засигналил и замигал фарами.

Опознать трупы не составило труда. Страшную весть сообщили родным.

– А мне ведь Асечка сказала, что с подружкой пойдет заниматься, – горестно прошептал отец одной из девушек. Он вспомнил их короткий разговор вечером…

– Ты куда на ночь глядя?! – Отец почти сорвался на крик.

– Я к Натусе! Языком заниматься, – отмахнулась от прицепившегося вдруг предка малолетняя гетера.

– Толку-то! Твоя Натуся – такая же троечница, как и ты, – вздохнул родитель. – Лучше бы матери помогла.

– Да ну ее!

– Ишь как заговорила! Как деньги – так «дай», а как помочь – так «да ну»!

Но дочь, уже не слушая вовсе, выскочила за ворота.

– И не смей так одеваться! – крикнул ей вслед отец. Но он и сам прекрасно понимал, что слова его – не более чем ветер. Не суждено им долететь до ушей дочери, к которой он тщетно взывал. Дети давно перестали хоть сколько-нибудь считаться с родителями, воспринимая их как некий источник жалкого благосостояния.

Но все это уже не имело никакого значения. Продолжения не будет. Отец в отчаянии разрыдался. Жена билась в истерике. Родня пыталась ее утешить лошадиными дозами снотворного. Чтобы хоть как-то отвлечься, убитый горем мужчина занялся тем, чем и следовало: пошел на работу.

Будучи содержателем гостиницы, он легко нашел себе занятие. Заменил текущий водопроводный кран, подтянул провисшую в петлях дверь и, наконец, начал мыть машину важного постояльца. То, что он нашел на заднем сиденье автомобиля, поразило его как гром посреди ясного неба. Хозяин гостиницы стоял некоторое время в оцепенении, судорожно сопоставляя факты.

Ирония во фразе дочери: «Языком заниматься», ее наряд… Вопрос гостя: «Девочек по-прежнему можно снять на набережной?» То, в чем хозяин помогал богатому гостю в прежние годы: огромные черные сумки, которые он сбрасывал в море…

И эти гипюровые перчатки, которые когда-то были элементом свадебного наряда его жены, теперь лежали на заднем сиденье «порше».

Безумный гнев овладел несчастным отцом. Он схватил металлический лом и метнулся к покоям гостя.

Тихонько – казалось, его сердце в груди колотится громче, – постучал в дверь.

– Кто там? – спросил Сати.

– Хозяин, – не то назвавшись, не то обращаясь, хрипло пробормотал мужчина.

Не подозревая подвоха, Сати открыл дверь. Халат темно-синего шелка распахнулся на бледной груди. Туда-то и вонзил отчаявшийся отец тяжелую острогу.

– А! А-а-а!!! – взревел Сати, утратив человеческий облик. Не вынимая из груди железного прута, он кинулся на своего обидчика и впился ему в горло. Когда с нижнего этажа на помощь

Сати прибежал телохранитель, тот уже держал в лапах голову хозяина гостиницы и вглядывался в угасающие глаза жертвы:

– Ты – червь! Ты опять извиваешься и хочешь моей крови?

Юстиниана, преодолевая невероятную тяжесть невидимых пут, попыталась подняться с кровати, но уже в следующее мгновение демон впился ей зубами в бок и потянул дымящийся напиток, придающий ему мощь. Он так надолго присосался к ней, что даже его слуга позволил себе вмешаться:

– Она, похоже, умирает, хозяин!

С досадой демон оторвал от Юстинианы свою смердящую пасть и взревел над ее израненным телом. Потом обернулся к слуге:

– Дай ей воды и отнеси в машину. Если она умрет, я съем тебя!

Слуга покорно склонился и, взяв девушку на руки, двинулся к двери.

– И ждите! – крикнул Сати ему вслед.

Наконец демон вырвал из грудного киля острогу и с ревом вылетел из номера.

Еще раз погибать в этом городишке безнаказанно он не собирался! Ему казалось, они понесли достаточное наказание и смирились с его полной властью. Но нет, их допотопные родительские инстинкты, видите ли, позволяют взбунтоваться и убить его, Сати!

Он врывался в дома без разбору, запускал лапу в грудную клетку человеческого остова, вырывал трепещущее сердце и пожирал его, глядя в глаза жертве. Никто не мог ему противостоять. Некоторые мужчины, услыхав шум в дверях, хватались за оружие, но та светящаяся энергия, которую он сегодня в избытке выкачал из Юстинианы, позволяла перемещаться в пространстве в десять раз быстрее человека. Он не пропустил ни одного дома, ни одной жизни. Страшным смерчем пролетел по поселку. С воем носились стаи бродячих собак, принимая щедрое наследство своего господина.

Слуга с дрожью зализал рану на боку Юстинианы, заживляя ее обнаженную печень. Капельки крови будоражили его, наполняя силой, но он, сделав над собой невероятное усилие, все же выделил вязкую слюну, склеившую разорванные ткани. Телохранитель закутал умирающего донора в теплый плед и, поместив на заднее сиденье автомобиля, отпаивал красным вином, пытаясь хоть как-то привести девушку в чувство.

Сати появился из неоткуда. Обретя человеческий облик, он указал слуге на место за рулем, а сам уселся рядом с Юстинианой и продолжил спасать ту, которую совсем недавно чуть не убил.

Когда проехали километра полтора, Сати приказал слуге:

– Открой окно! Ей нужен воздух! Остановись!

Юстиниана находилась на грани жизни и смерти.

Слуга мгновенно исполнил приказание.

Ветер сорвал с осенних лавандовых зарослей прохладный аромат. Наконец-то Юстиниана сделала первый глубокий вдох.

В этот момент с ними поравнялся встречный автомобиль. Их компанию внимательно оглядел молодой милиционер, возвращающийся из района в поселок.

– Едем, – снова приказал Сати.

Минуты тревожного ожидания падали, как капли лекарства, дозируемого капельницей. Юстиниана дышала неслышно, но ровно.

– Наконец-то, девочка моя! Как же ты меня напугала! – И, не сдерживая издевки, нарочито погрозил пальцем: – Никогда больше так не делай.

Еще несколько минут спустя Сати опять обратился к шоферу:

– Останови! А то совсем было забыл.

Он вышел из машины и, собрав сгусток энергии, метнул его в покинутые им горы. Мощный селевой оползень стер поселок с лица земли.

* * *

Три недели спустя лейтенант милиции Козырев пришел в себя. То, что он попытался рассказать, привело медиков к заключению о глубоком поражении психики. Впрочем, длительное пребывание под обломками строений, будучи буквально погребенным заживо, не могло пройти без последствий. А описание предполагаемого преступника и некоторые детали, по-видимому, являлись издержками профессиональной деятельности пациента.

* * *

Дальнейшая дорога к монастырю пролегала через Разнотравный лес. Уже давно минуло то время, когда Хельга опасалась ночных путешествий. Мелкая нечисть была для нее безопасна, а крупная в этих краях не обитала. Пять лет назад переход через Разнотравный лес едва не стоил ей жизни, и не только из-за банды Кадлука. Леший натравил своих лесных подопечных на путешествующую верхом девушку. Воспоминания, снова воспоминания…

Поля, засеянные рожью, пшеницей и овсом, быстро остались позади, лес неприветливой черной стеной на фоне яркого звездного неба выглядел неприступной крепостью. Рисковать и плутать по неведомым дорожкам с подстроенными лешим ловушками Хельге не хотелось, поэтому она принялась звать хозяина леса, едва передние копыта Зары ступили в перелесок.

– Что за грязь да бурелом? Лес-то, видать, бесхозный! – громко выкрикивала чародейка оскорбления в адрес лешего. – Вот это безобразия! Гнезда на земле лежат! Деревья-то, деревья кривые, косые да засохшие!

– Кто тут смеет сквернословить? – пропыхтел за спиной у девушки огромный зеленый медведь. – Лес не нравится – езжай своей дорогой! – увеличиваясь в росте до столетней сосны, отрубил косолапый.

– О, наконец-то! – воскликнула Хельга, разворачивая кобылу мордой к лешему, которого Зара собиралась уже хорошенечко лягнуть. – Кричу тут, кричу, а тебя все нет и нет. Подумала даже, что тебя сняли с занимаемой должности за несоответствие.

– Ты что такое говоришь? – уменьшаясь до нормальных размеров, замахал руками-ветками леший. – Кто это меня

снимет?

– Ясное дело кто, – продолжала наезжать девушка. – Кто назначал, тот и снимет. Настоятель монастыря небось сильно недоволен, что ты его личную ученицу, лучшую выпускницу и родную дочь не встречаешь да к воротам самой короткой дорогой не ведешь!

– Так я же не знал! – засуетился леший, принявший вид деревенского старичка.

– Почту надо вовремя читать, – наставительным тоном ответила Хельга. – Тебе еще неделю назад сову с посланием отправили.

– Так я почту раз в месяц разбираю, – совсем растерялся грозный леший.

– Ты, никак, не признал меня? – удивилась девушка.

– Теперь признал, как такую наглую не признать, – сознался леший. – Давненько тебя не видно было.

– После твоего гостеприимства снова заглядывать в лес как-то не хотелось.

– Это правильно, – протянул леший, довольный высокой оценкой своих приемов и методов по отпугиванию незваных гостей. – Что же ты тогда не сказала, что дочка настоятеля? Я бы все честь по чести: ковровую дорожку, квас, мед!

– Да я и сама не знала, – честно призналась Хельга – леший вранье распознавал звериным чутьем, обманывать было бессмысленно. – Вот теперь ты все знаешь. Так где дорожка и все остальное?

Оставшийся без ужина желудок давал знать о своих злоключениях неприятным урчанием.

– Пойдем за мной, сейчас все будет.

И действительно, тут же в подтверждение своих слов леший вывел Хельгу к бревенчатой избушке.

– Открывай, хозяйка! Гостя дорогого привел! – пробасил леший, вновь изменивший лик.

На этот раз он предстал в образе богатыря – зрелого, напитанного мудростью годов, но не растерявшего молодецкой удали мужа. С длинными льняными волосами до плеч, гладкой, аккуратно подстриженной на уровне ключиц бородой, в зеленой рубахе, подпоясанной бечевой.

Дверь избушки отворила женщина, по внешнему виду подходящая лешему: тощая и длинная как жердь, угловатая, с жидкими грязно-рыжеватыми волосами, в нестираном платье сине-голубого цвета. Довершали образ узкие, уродующие лицо любой женщины очки. «Кикимора», – догадалась Хельга.

– Вот, Елена, гостью привел!

– Зачем это? – неприветливо отозвалась Елена. – Своих забот, что ли, мало?

– Мало не мало, а на стол живо накрывай! – прикрикнул леший. – А то я тебя быстро на сестру твою сменю. Разговорилась что-то ты совсем. Да щи у тебя кислить начали!

– У меня – кислить?! – всплеснула руками женщина. – Я сейчас мигом стол накрою, а ты, гостюшка, оценишь мою стряпню, – добавила она, обращаясь к Хельге.

Ожидая обещанного отдыха и ужина, девушка принялась распрягать Зару. Та стояла не шелохнувшись, но с таким достоинством, что каждому сразу было понятно: лошадка из милости позволяет чародейке ухаживать за собой. Хельга не обижалась, характер у Зары был не в пример лучше, чем у ее прежних лошадей. Девушка терпеливо, с лаской и заботой, влажными, а затем сухими тряпицами протирала бока лошади. Леший уже наполнил пшеницей и овсом кормушки, а в поилках плескалась ключевая вода. Войдя в загон, заросший сочной травой и заменяющий конюшню, Зара осмотрела угощение в кормушках, потом подножный корм – и осталась вполне довольна, бросив мимолетный благодарный взгляд на новую хозяйку. Хельга поцеловала свой транспорт в шелковистую морду, лошадка радостно фыркнула и рванула к ключевой воде.

Стол, накрытый кикиморой, ломился от яств, большинство из которых вызывали серьезные опасения на предмет съедобности. Варенье из мухоморов, например, девушка пробовать наотрез отказалась, сославшись на аллергию. Суп из неизвестных ягод тоже доверия не вызывал, да и соленые якобы лисички здорово напоминали поганки. Зато хлеб и козье молоко хорошо утолили голод. А из сушеной малины, заваренной крутым кипятком, вышел отличный чай. Леший целый вечер переругивался с Еленой, дочерью лешего Николая, как узнала в процессе затрапезной беседы Хельга. Точнее, это кикимора болезненно реагировала на замечания хозяина леса, обвиняя его в постоянном недовольстве.

– Вот ты мне скажи, – испив за ужином настойки на волчьих ягодах, спрашивал чародейку леший, – разве можно жить с такой неумехой?

– Раз живешь, значит, можно, – аккуратно ответила девушка.

– Мне ее отец, леший Николай, сватает другую свою дочь. Говорит, та все умеет.

– Поменять хочет? – призадумалась чародейка. – А может, та еще хуже? Вот он ее тебе и сватает.

– Нет! – отмахнулся от подозрений Хельги леший. – Та в болоте прозябает, вот всему и научилась, чтобы выгодно замуж

отдали. А Николаю стыдно за Елену, реабилитироваться передо мной хочет. Ту ко мне, а эту в болото. Там тоже стражница очень нужна, а с Елениным характером – самое оно.

– Тебе жить – тебе и решать, – пожала плечами девушка. – Если я сейчас посоветую Елену оставить, а ты ею недоволен будешь, то и меня винить станешь за свою сварливую кикимору. А если посоветую другую в хозяйки взять, а она хуже нынешней окажется, тоже меня винить станешь за плохой совет да Елену добрым словом вспоминать.

– И то правда, – сыто икнул леший. – А может, все-таки посоветуешь? Взгляд со стороны он верней бывает.

– Если и посоветую чего, то только утром. – Хельге совсем не улыбалось бодрствовать всю ночь, вскакивать от каждого шороха и ждать, когда острые зубы кикиморы постараются отгрызть от ее молодого тела кусочек в отместку за неверный совет. – Разбуди меня за часок до рассвета. К батюшке с восходом солнца явлюсь.

– Правильно это, – одобрил решение леший. – Иди отдыхай. Постель готова уже.

Хельге постелили на сеновале. Душистое сено безжалостно впивалось в бока через тонкий хлопок постельного белья. Как и ожидала чародейка, после восхода большой луны кикимора бесшумно прокралась на сеновал. Хельга даже своим звериным чутьем не смогла засечь подругу лешего, пока та не вползла наверх по узкой приставной лестнице. Глаза кикиморы в темноте светились ярко-зеленым светом, очков на носу уже не было.

– Ты что там хозяину леса насоветовала? – зашипела Елена, видя, что гостья не только не спит, но еще и встречает ее в боевой стойке с обнаженными мечами.

– Ты же подслушивала, – хмыкнула чародейка. – Сама все знаешь.

– Я обратно в болото не собираюсь, так что решила дать тебе наставление к утреннему разговору, – продолжала шипеть кикимора.

– Нет, милочка! – отпустив заготовленное заранее заклятие, прервала ее Хельга. Заклятие рвануло в залитое серебристым лунным светом окно. – Это я тебе дам наставление.

Со двора раздался истошный вой, и Хельга продолжила:

– Волчков своих убери, они мне не помеха, только погубишь зря. И пакостить больше не смей, а то я тебя и без советов уделаю на фарш да котлетки твоему благоверному скормлю. – Чародейка кувыркнулась через себя, взмахнула руками-крыльями, не выпуская мечей, и отрезала Елене прядь волос.

Остаток ночи прошел спокойно, Хельга смогла выспаться, укутавшись в свой дорожный плащ. Незадолго до рассвета

девушка проснулась от петушиного крика. Довольно потянувшись, она быстро сложила плащ в дорожный мешок, переплела волосы и выглянула в окно в поисках не переставшего кукарекать петуха. Нашелся он довольно быстро: хозяин леса стоял на крыльце избушки и во все горло кричал по-петушиному. Получалось у него намного лучше, чем у настоящих домашних пернатых.

От завтрака Хельга отказалась, напомнив гостеприимному домовому, что едет к отцу, а тот ждать не любит. Напоследок леший припомнил ей вчерашнее обещание.

– Ты сделай вот как, – решилась дать совет Хельга. – Отправь Елену в отпуск, а сам в это время возьми на замену ее сестру.

– Как это «в отпуск»? – не понял леший.

– У нее в других лесах родня есть?

– Есть, как не быть!

– Вот к какой-нибудь троюродной тетке по материнской линии и отправь погостить, отдохнуть, так сказать, от трудов праведных, скажем, на месяц.

– Как же я один с хозяйством так долго управляться буду? – До лешего, изрядно принявшего на грудь с утра горячительной настойки, никак не доходил смысл «отпуска».

– А на это время возьми себе в помощь ее сестру из болота.

– А, тогда можно, – согласился леший.

– И через месяц, когда твоя кикимора вернется, ты уже будешь знать, какую из них двоих готов видеть своей хозяйкой.

– Эк ты закрутила, чародейка! – то ли восхитился, то ли возмутился хозяин леса. – Так и сделаю! – хлопнул он себя ладонями по коленкам.

От дома лешего к воротам монастыря побежала ровная широкая тропа без ям, оврагов, без бурелома и сухих веток под ногами. Деревья и кусты перед ней вежливо расступались. Заре настолько понравился такой способ путешествия, что некоторое время она весело гарцевала, красиво поднимая стройные мускулистые ноги. Хельга позволила лошадке порезвиться, не рискнув ее одергивать.

Как только впереди между деревьями стала проглядывать монастырская стена, Хельга свернула с дорожки. Точнее, она только подумала, что надо бы свернуть, даже не успев натянуть поводья, а Зара уже исполнила требуемое и нырнула в густой кустарник.

Чародейка планировала проникнуть в монастырь около девятой Закатной башни. Недаром Нерк в свое время выбрал именно это место. Охрана там минимальная, да и потайная комната рядом, можно, в случае чего, спрятаться и переждать

обход или смену караула на стенах. Рассветное солнце начало выползать из-за горизонта, окрашивая бронзовые шпили башен в ярко-розовый цвет. У послушников, если режим не поменялся, время утреннего построения. Надо торопиться, пока настоятель проверяет ровные ряды ставших по стойке «смирно» послушников и дает очередное наставление.

* * *

В перелеске, так, чтобы ее нельзя было увидеть со стен, Хельга слезла с лошади, повесила дорожный мешок на сук дерева и быстро переоделась в видавшую множество битв и сражений вампирью форму. Предстать перед отцом в чем мама родила ей совсем не хотелось. Серебряное кольцо-артефакт, блокирующее защиту и позволяющее проникнуть сквозь защитный купол, надето на мизинец левой ноги. С его помощью Нерк, обернувшись летучей мышью, не раз проникал в монастырь. Как он рассказал, положение кольца очень важно. Если надеть на руку, то во время трансформации артефакт самоуничтожится и защитный купол сожжет нарушителя. Хельгу такой вариант не устраивал, поэтому она еще раз проверила правильность местоположения кольца Нерканна и приготовила несколько маскирующих ауру заклятий.

Чутье подсказывало, что Зара и без привязи далеко уходить не станет и не выдаст своего нахождения под стенами чародейского монастыря, самого закрытого заведения, где обучали боевых магов и целителей. Хельга погладила лошадь по черной морде и, охваченная внезапным порывом нежности, почесала за ухом.

– Я постараюсь скоро вернуться, будь умницей! – попросила она красавицу Зару.

Та ткнулась носом девушке в волосы, как будто собираясь попробовать их на вкус.

Хельга свернулась клубком и трансформировалась. Вампирья форма сводила к минимуму неприятные ощущения, всегда сопутствующие смене ипостаси: притупляла боль в мышцах и суставах, ускоряла трансформацию костей и отключала, насколько это возможно, мозговые центры, отвечающие за физические страдания. Мысленно попросив благословения у Всевышнего и у Громовержца, его наместника в этом мире, большая белая сова взвилась над лесом и пересекла невидимую черту охранного купола над стеной монастыря.

Переход получился на удивление легким, и вот уже птица спокойно летела, стараясь не попадать под первые лучи

рассветного розового солнца. Человеческая охрана ничего подозрительного не заметила, и даже пришедший в утреннюю смену караула стражник, завидев пернатую, не придал этому должного значения, продолжая обходить периметр. Поэтому Хельга направилась прямиком к дворцу настоятеля. Не хотелось раньше времени обнаруживать себя, но уже не было того всепоглощающего страха перед магистрами. Отец не даст ее в обиду – в этом она была уверена. Как выяснилось позже – напрасно.

Найти окно кабинета не представляло трудностей, все-таки долгие годы монастырь был ее домом, пусть не очень родным, зато настоящим и единственным.

Окно оказалось закрытым, но не запертым. С охранными заклятиями тоже особых хлопот не возникло. Два толчка могучего пернатого тела – и створка приоткрылась, а большего и не надо. Девушка ждала отца в человеческом обличье. Он хоть и знал о Хельгиных возможностях оборотня, но ее мать убил именно за способность перекидываться в птицу. Провоцировать его на поединок желания не было – может быть, в другой раз. А сейчас она пришла за информацией. Ждать пришлось недолго. «Утренние проповеди сильно сократили», – подумала Хельга, услышав за дверью голоса настоятеля и настоятельницы.

Почувствовав в своем кабинете посторонних, настоятель отослал женщину.

– Иди проверь младшие курсы, – велел он грозной напарнице. – Что-то таланты многих из них кажутся мне слишком слабыми для обучения у нас. Подготовь листы на перевод в прислугу нашим старейшинам.

– Мы не можем позволить себе так разбрасываться послушниками, – попыталась возразить начальнику чародейка.

– Мы не можем позволить себе тратить время на бездарностей только потому, что родителям эти дети не нужны, – тоном, не терпящим препирательств, заявил отец Хельги. – Пусть у нас останется всего десяток послушников, но они станут магистрами и старейшинами, а деревенским ведунам у нас не место.

Настоятельница быстрым шагом удалилась, стук ее подкованных каблуков отдавался гулким эхом.

– Здравствуй, дочка, – отпирая дверь кабинета, устало проговорил настоятель чародейского монастыря.

– Как ты понял, что это я? – выходя из-за шкафа, за которым пряталась, спросила Хельга.

– Очень просто, – снимая узкие очки и откладывая их в сторону на стопку бумаг, ответил настоятель. – Никто из магов

этого мира не может попасть за стены монастыря, а тем более в мой кабинет, не потревожив защиту и сигнальные маяки. Это могли быть ты либо ваш Дракон, предводитель Братства. Для него я неинтересен: запретных экспериментов не провожу, с демонами, представляющими опасность для человечества, не связываюсь. Другим членам вашего Братства у меня тоже делать нечего, а у тебя может появиться желание повидать престарелого отца.

При этих словах Хельга невольно усмехнулась, но быстро задавила в себе желание смеяться. Настоятель продолжил:

– Возможно, тебе просто захотелось навестить преподавателей и родные стены, взрастившие тебя.

– А также возможно, у меня есть вопрос, на который способен ответить только ты, – продолжила за него девушка.

– Не самый худший вариант, – протянул настоятель, садясь в кресло. – Спрашивай.

– Как найти тот нижний мир, из которого вышли демоны, сожравшие моих сокурсников? – прямо спросила Хельга.

– Ты решила мстить? – удивленно поинтересовался чародей.

– Ты разрешил задать вопрос, я задала его. Отвечай и не пытайся устроить мне допрос, – грубо оборвала расспросы его дочь.

– Боюсь разочаровать тебя, но у меня нет ответа.

– Но ты знаешь того, у кого он есть, – изрекла Хельга, уловив в ответе отца желание отвести от себя подозрение.

– Скажем так, я догадываюсь, у кого может быть подобная информация.

– Далеко?

– Третья Закатная башня.

– Магистр Луций? – От удивления брови Хельги поползли вверх.

– Ты схватываешь все на лету, – похвалил настоятель дочь. – Но я должен тебя разочаровать: тебе вряд ли удастся добраться до него.

– Ты сдашь меня страже? – не поверила своим ушам чародейка.

– Что делать, – картинно развел руками ее отец. – Таковы правила. Каждый обязан доложить охране о нарушителе.

– А охрана должна доложить тебе.

– Это так, – не стал отрицать очевидное настоятель. – И я обязан сделать все от меня зависящее для поимки нарушителя.

– Если я тебе позволю! – Парные клинки девушки, описав дугу, скрестились у шеи нерадивого отца. – Одно движение – и я отрежу твою голову, предатель!

– Ну к чему такие громкие слова?! – подавшись назад к

спинке кресла, выдохнул настоятель. – Ты слишком редкий гость, чтобы я позволил тебе уйти просто так. Кто знает, когда ты заглянешь в следующий раз.

– В следующий раз я приду за твоей головой, – пригрозила дочь отцу и вылетела в открытую дверь.

– Нарушитель у главного корпуса! Нарушитель у главного корпуса! – активизировав артефакт, доносящий его голос в самые дальние уголки монастыря, кричал настоятель.

Стражники спешно выбегали из казарм, старшие послушники выпускали поисковые заклятия на предмет обнаружения посторонних на территории.

Хельга тем временем уже спустилась на второй уровень подвального лабиринта. Несколько поисковиков столкнулись с ней, но, распознав послушницу, хоть и бывшую, полетели дальше на поиски. Хорошо, что отец побоялся раскрывать во всеуслышание имя и принадлежность нарушителя. Не учел настоятель и того, что Хельга и ее подруга Юстиниана еще в детстве успели облазить добрую половину подземелий под монастырем. Основные поисковые мероприятия проводились на поверхности, чем Хельга и торопилась воспользоваться.

Пришлось принять человеческий облик – широкий размах крыльев крупной совы не позволял перемещаться по узким туннелям. По сложившейся за годы привычке Хельга включила ночное птичье зрение, она не хотела обнаруживать свое присутствие раньше времени пламенем горящего факела. Мало ли как могли измениться подземелья за пять лет. Вдруг кто-то из магистров оборудовал себе новую лабораторию и сейчас он сам или его помощники случайно наткнутся на прячущуюся чародейку?

Настоятель знал, что магический уровень Хельги, учитывая ее принадлежность к Братству, по некоторым параметрам превосходит даже возможности его самого. Но он сделал правильный расчет, прекрасно понимая: дочь не станет использовать силу и мощь, чтобы убить ни в чем не повинных стражников и тем более послушников. Ее загонят в угол и заставят уйти в глухую оборону, тогда ему не составит труда пленить мятежного отпрыска.

Хельга быстро мчалась по узким темным коридорам, останавливаясь лишь на развилках, чтобы не спутать направление. До подвалов магистра некромантии Луция был долгий путь, и преодолеть его нужно до того, как магистры догадаются выставить охрану на выходе из подземелий третьей Закатной башни. Свою магию Хельга применять не могла, понимая, что сеть, заботливо раскинутая ее родителем,

моментально сработает на любое чужое заклинание и обнаружит местонахождение нарушителя.

Бег закончился внезапно. Чародейка натолкнулась на мощную магическую завесу и остановилась, дыша как загнанная лошадь. Короткое упражнение позволило быстро восстановить дыхание и подумать. Откуда внутри монастыря столь мощная защита, отражающая атаки взломщиков и отводящая глаза? Вытатуированный дракон на плече недовольно заскреб когтями, давая понять, что ему очень не нравится то, перед чем находится его носительница. Завеса была качественная, над ней явно поработал один из старейшин. А Хельге удалось беспрепятственно ее почуять именно с помощью дракона, нейтрализующего заклинание, отводящее глаза.

Магическая татуировка – артефакт, которым были снабжены все члены Братства, вел себя довольно практично. Он всегда предупреждал об угрозах, классифицируя их по степени опасности для жизни и здоровья.

Хельга сделала шаг вперед, дракон впился в плечо всеми шестнадцатью когтями, заставив девушку вскрикнуть от боли и отступить назад. Хватка когтей ослабла, боль унялась. Никогда раньше он так себя не вел, даже в ходе самых жутких переделок, в которых Хельге приходилось оказываться неоднократно.

– Мне нужно идти вперед, – шепотом проговорила чародейка, снова делая шаг и переступая невидимую черту магической завесы.

Когти снова впились в плечо, девушка стиснула зубы, чтобы не закричать, и обнажила мечи. По мере приближения к цели дракон ослаблял хватку. Зато он в ускоренном порядке активизировал силы и средства для борьбы с нечистью нижних миров, заставляя тело чародейки мелко подрагивать. «Может, здесь и есть вход в тот самый нижний мир, вот дракон и волнуется? – размышляла Хельга. – Если так, то в Братстве просто обязаны об этом знать».

За ближайшим поворотом дальнейший путь преградила мощная кованая решетка, которая была еще и замагичена. Пришлось основательно повозиться – открыть ее оказалось намного сложнее, чем окно в кабинете настоятеля. Здесь использовались заклинания, основанные на крови жертв. Хельгу передернуло от омерзения, в ее памяти всплыл бой у Торгийского перевала, когда голодные кровососы, не прекращая драку, отрывали головы бойцам и пили бьющую фонтаном кровь. Это было очень страшно, но страх перекрывало отвращение.

Вот и сейчас появилось гадливое чувство от понимания того, что кто-то, имеющий слабенькие способности в магии, старается

компенсировать свои недостатки кровью невинных жертв. Маг, который убивает ради самой магии, разительно отличается от вампира, который просто не может существовать без чужой крови. Кровавый чародей, который поработал над этой решеткой, намного хуже и опаснее любого вампира.

Хельга порезала палец, стараясь выдавить как можно больше крови из малюсенького надреза. Получалось с трудом, пришлось сделать еще один порез. Как и все заклинания на крови, это плетение отпустило от себя одну нить, которая стала быстро поглощать кровь с ладони чародейки. Девушке оставалось быстро, пока нить была в ее руках, расширить проем в рисунке, чуть-чуть поднять решетку и проползти под ней на другую сторону. У нее все получилось. «Опыт не пропьешь», – говорят гномы, а эти знают толк и в работе, и в выпивке.

Снова темный пустынный коридор подземелья. Черной жертвенной энергии здесь столько, что захлебнуться можно. Даже воздух стал противно тягучим, как туманная дымка, которую хочется разогнать руками. Хельга замедлила шаг, и именно это спасло ее от смерти. При следующем шаге нога нащупала пустоту. Дымку все-таки пришлось разогнать, дабы увидеть, что ждет впереди.

Открывшийся обзор поражал размахом: огромный подземный зал кишел разнообразными тварями, которым позавидовал бы любой зверинец. Ни один из монстров, которые предстали сейчас перед взором Хельги, не был порождением этого мира. Теперь стало понятно, почему использовалась магия на крови, – никакие другие заклятия на этих демонов не действуют, они не смогли бы удержать их взаперти.

Чародейка стояла сейчас над залом. Подземный туннель вывел ее к одной из смотровых площадок в двух десятках локтей над чудищами. Змееподобные, собакоподобные, с множеством лап, щупальцев, несколькими рядами зубов… Точной классификации всего многообразия тварей нижних миров просто не существует. Хельга стояла и широко раскрытыми от ужаса глазами взирала на бестиарий, раскинувшийся под ее ногами. Островные вампиры – просто малые дети по сравнению с этими монстрами.

Твари вели себя достаточно спокойно, они были сытыми и пока что не учуяли потенциальную пищу. Осознав это, Хельга сделала шаг назад, отогнав предательский ужас, охвативший ее поначалу. Ох, сюда бы сейчас ее возлюбленного Шторма, да вот только гордость не позволяет обратиться за помощью. Впрочем, охранное заклинание, скорее всего, не пропустит зов.

Надо срочно уходить! Еще шаг назад. Твари зашипели, почуяв

чародейку, девушка развернулась и помчалась обратно. Но решетка, через которую Хельга вошла, с этой стороны была монолитной стеной, и даже с помощью магического зрения не удавалось рассмотреть рисунок охранного заклинания. Маг, установивший здесь защиту, сделал это специально, чтобы лишить чудищ с зачатками интеллекта даже малейшего шанса сбежать. Ведь наверху – ничем не защищенные от монстров послушники.

Долго раздумывать Хельге не дали. Возможности некоторых демонов не ограничивались когтями, зубами и щупальцами, кое-какие из тварей имели и крылья. Шелест этих самых крыльев и тяжелое дыхание за спиной заставили чародейку обернуться и поймать на меч первую добравшуюся до нее тварь. Вторая лишилась головы в прыжке, так и не достигнув цели. Следующие не заставили себя долго ждать: они влетали и вползали в единственно возможное убежище магички.

Хельга уперлась спиной в зачарованную стену и, как говорят воины, ушла в глухую оборону. Пока спасало то, что тоннель был слишком узок для проникновения крупных монстров, а мелкие могли нападать только по двое: один с воздуха, другой ползком по каменному полу. Несмотря на эти существенные ограничения в количестве нападавших, девушке приходилось весьма нелегко.

Ее левой рукой управлял магический дракон, специально созданный Штормом для таких битв. Бой кипел, не давая возможности перевести дух и собраться с мыслями. Вдруг одной из ползучих тварей удалось вцепиться Хельге в ногу. «Надеюсь, она не заразная», – мельком подумала чародейка, отсекая клыкастую пасть от извивающегося тела. Струи черной, зеленой, красой, желтой крови, шипя, стекали по клинкам на руки, пачкая тело и одежду.

Вот только думать о таких мелочах времени не было. Горка трупов неуклонно росла, создавая естественный защитный барьер перед чародейкой.

* * *

Раздался тонкий, едва уловимый свист. И, как почувствовала девушка, очередь за ее потрохами стала быстро редеть. Лишь несколько тварей, распаленных запахом крови и близостью добычи, отчаянно клацали зубами и кидались в атаку, пока не лишились голов. Остальные уже покинули злополучный коридор. Любопытство пересилило страх, и Хельга направилась посмотреть, куда и почему ушли демоны.

Несколько девичьих и мальчишеских криков возвестили о том, что Хельга опоздала. Перед ней простирался все тот же зал, только демоны хрумкали и чавкали человеческой плотью, уже разодранной ими на более удобные для потребления куски. Ответ оказался прост: демоны отстали от Хельги, потому что их позвали кушать.

А позади Хельги слышались завывания: хозяин бестиария громко оплакивал своих питомцев. Чародейка подошла к месту недавней битвы.

– Ах ты, тварь! – взревел магистр Луций, поднимая на девушку полные ненависти и злобы глаза. – Ты хоть знаешь, сколько лет я их собирал по разным мирам?!

– Мне достаточно того, что я знаю, чем ты их кормишь, – возразила Хельга, приставляя меч к горлу преподавателя.

– Убери меч или я скормлю им тебя! – рявкнул Луций.

– Они уже поели, тем легче будет их добить, – хладнокровно заявила чародейка. И откуда взялась эта сталь в голосе, присущая ее любимому Дракону? Впрочем, народная мудрость гласит: «С кем поведешься – так тебе и надо».

Магистр, глянув на внушительную горку трупов его питомцев, от слов чародейки сник.

– Значит, так, – не давая ему опомниться, продолжила Хельга. – Мы сейчас идем отсюда в твой кабинет в третьей башне. Я сохраняю тебе жизнь только по одной причине. Настоятель предположил, что, возможно, – на последнем слове девушка сделала внушительный акцент, – у тебя есть нужная мне информация. Если я решу, что у тебя ее нет, ты упокоишься вместе со своим зверинцем.

Преподаватель некромантии был в слишком подавленном состоянии, вызванном массовой смертью своих подопечных. Сейчас он не мог просчитать, что воительница, обошедшая его защиту и сразившая почти сотню тварей из нижнего мира, просто не может отсюда выйти. Если бы он мог рассуждать здраво, то шансы Хельги на выживание были бы равны нулю. Но ей повезло: Луций послушно открыл проем в стене, который тут же закрылся за спинами магистра и бывшей послушницы, едва они прошли.

Кабинет магистра некромантии мало чем отличался от кабинетов других преподавателей: массивный стол, заваленный административными бумагами, магическими свитками, научными фолиантами и курсовыми работами послушников; узкие высокие шкафы; три стула, свободным из которых был только один – для самого преподавателя. Отличительной чертой было лишь отсутствие здесь окон. Хельга небрежным движением смахнула с ближайшего стула стопку запыленных книг, кинула

охранную сеть на дверь. На самого магистра надела одну из последних разработок Братства, основанную на древних знаниях правящего шауранского клана Шариф, – браслет из замагиченных бусин, блокирующих магию носителя. Руки магистру Луцию чародейка связала за спиной.

– Что тебе нужно? – подал голос преподаватель, расстроенный последними событиями.

Хельга поставила стул напротив профессорского места и уселась на него верхом так, чтобы высокая спинка закрывала от возможных сюрпризов ее грудь, а меч свободно доставал до горла Луция.

– Ты помнишь, как скормил своим питомцам целый выпускной курс пять лет назад? – вопросом на вопрос ответила девушка.

– Это были не мои питомцы, клянусь! – горячо заверил ее пленник.

– Но ты знаешь чьи!

– Знаю, – не стал отрицать магистр.

– Свой зверинец ты набрал в нижних мирах, значит, у тебя есть постоянный вход туда.

– Все обстоит немного иначе. Я собирал эту коллекцию долгие годы. Когда кто-то из коллег вызывал демонов, я старался быть рядом и отлавливал себе по паре-тройке особей. С ними очень трудно работать, они же совсем невосприимчивы к традиционной магии…

– Я знаю, – перебила его девушка. – Мне надо попасть в тот нижний мир, демоны которого сожрали моих сокурсников. Как это сделать?

– Это глупо, там нет шансов выжить, – попытался возразить Луций. – Даже мои подготовленные коллеги…

– Чернокнижники, – внесла ясность девушка.

– Да, чернокнижники, – решил не спорить с опасной противницей магистр. – Так вот, даже они не суются туда, пробивая дыры лишь для вызова демонов в наш мир.

– Я не спрашиваю о шансах выжить. Мне нужна дорога и способ попасть в тот конкретный мир! И одно могу тебе сказать точно: раз уж я вынуждена просить у тебя помощи, кое-кому удалось тогда выжить и этот «кое-кто» жив до сих пор.

– Этого не может быть!

– У меня нет желания убеждать тебя в обратном. Просто дай координаты того мира, откуда вышли тогда твои монстры.

– Тех демонов вызывал не я.

– Кто?

– Я скажу имена, только эти люди, скорее всего, помочь не

смогут. У них нет точных координат. Тот портал пробивали сразу несколько магов, всех интересовала лишь точка выхода в нашем мире. А из какого из миров прибудут демоны, никого не волновало.

– Значит, ты укажешь имена и местонахождение их всех. Остальное – мои трудности.

– Ты сохранишь мне жизнь? – удивился Луций.

– Да. Несмотря на то что ты загубил множество душ, я не склонна тебя убивать. Уничтожь своих демонов – и можешь жить дальше.

В этот момент в дверь кабинета ожесточенно замолотили.

– Это за тобой? – спросил магистр.

– Все может быть, – пожала плечами девушка. – Иди! – Она заставила преподавателя подняться и вытолкнула, продолжая угрожать мечом, в холл.

– Кто там ломится? Совсем совесть потеряли? – подойдя к двери, выкрикнул Луций.

– Господин магистр, у нас тревога, нарушитель на территории, – ответил взволнованный голос за дверью.

– Вот и ловите, а меня оставьте в покое! Я занят!

– Ты не лучше своих зверушек, теперь здесь соберется вся охрана и полмонастыря в придачу! – рассердилась Хельга.

– Нет, совсем наоборот. Они уйдут искать в других местах, я веду затворническую жизнь и выхожу только для преподавания.

– Никто не поверит, что ты добровольно отказался от охоты за нарушителем.

– Дела монастыря меня мало волнуют. Я даже готовлю сам, у меня своя кухня на втором уровне, пойдем покажу, – постарался заверить Хельгу в своей искренности магистр.

– Ладно, живи пока, если не врешь. – Девушка устало опустилась на стул, магистр сел напротив нее.

– У меня была одна способная ученица, – словно решившись на что-то, начал говорить Луций. – Ты должна помнить, ее имя Раста.

– Она училась на параллельном потоке, – припомнила Хельга.

– Наверное, она сможет дать тебе то, что ты хочешь.

– Как, она тоже прибилась к чернокнижникам?!

– Нет, она обманула меня, – хихикнул преподаватель. – Несколько лет она пудрила мне мозги, давая понять, что готова стать одной из нас. Я поверил ей и раскрыл многие секреты, недоступные даже старейшинам. А перед посвящением она послала весь Черный Круг к демонам и ушла через портал, который никто из нас не смог отследить. Очень способная была ученица.

– Чем она занимается сейчас? Почему ты думаешь, что она сумеет мне помочь?

– Доподлинно известно, что Раста много экспериментирует, основываясь на полученных знаниях. У нее потрясающий, необычный склад ума. Выводы, сделанные ею, больше никому в голову не придут. Уверен, она достигла больших успехов, только слава ей не нужна. Она работает ради работы и занимается наукой ради науки.

– Имена своих сподвижников ты мне дашь все равно, – грозно заявила Хельга.

Луций обреченно кивнул, вот уже во второй раз его вынуждали совершить предательство против Черного Круга.

– И скажи мне, как найти Расту, – мрачно подытожила чародейка.

* * *

Выбраться из монастыря не составило никакого труда. Несмотря на всеобщую охоту, объявленную на нее отцом, Хельга спокойно поднялась на самый верх башни, в которой обитал Луций, перекинулась в птицу и быстро пересекла границу, которая отделяла монастырь от всего остального мира.

Умница Зара, к огромному удивлению чародейки, ожидала ее возле того участка стены, откуда она вылетела наружу, а вовсе не там, где хозяйка ее оставила. Хельга несказанно обрадовалась, увидев свою лошадь живой и невредимой, к тому же вся поклажа оказалась на месте.

Теперь их путь лежал в предместья Софьянграда, именно там обосновалась Раста, выкупив у разорившегося дворянина его родовое гнездо. Дальнюю дорогу путешественница преодолела за рекордные пять дней. В ближайшем поселении на базарной площади Хельга случайно столкнулась с двумя членами боевого Братства. На такую удачу она и не рассчитывала.

– Мир вам и вашей семье! – поворачиваясь левым плечом к товарищам, поздоровалась Хельга.

У всех членов Братства татуировки с драконом, обвившим хвостом огненный меч, сияли для посвященных даже сквозь одежду.

– И тебе мир! – также обрадовались случайной встрече братья.

– Я не надеялась отыскать в этой глуши кого-нибудь из наших, – честно призналась Хельга, когда они скрылись от любопытных глаз и ушей в ближайшей подворотне. – Хотела

заняться поисками в Софьянграде.

– Мы возвращаемся в цитадель. Решили до Живьего леса на лошадях добраться, а там Шторм портал откроет.

– Замечательно! – еще больше обрадовалась Хельга. – Вот список, – она протянула копию бумаги, полученную у Луция, – в нем имена и примерные адреса всего Черного Круга.

– Не может быть! – в один голос воскликнули соратники. – Как тебе удалось его раздобыть?

– Не надо смотреть на меня, как на героя. – Чародейка поморщилась от восхищенных взглядов, которые бросали на нее братья. – Это было легче, чем вы думаете. Он попал ко мне случайно, – попыталась соврать она, что сразу почувствовали собеседники. – Главное сейчас другое. Нужно как можно скорее отправить группы к этим магам, пока тот, у кого я взяла список, не успел их предупредить.

– Мы не будем ждать до Живьего леса и пошлем Дракону зов прямо сегодня.

– Замечательно! Вот еще что… В Чародейском монастыре под третьей Закатной башней кто-то организовал настоящий бестиарий. Около сотни особей из нижних миров.

– Какой ужас! – воскликнул один из парней. – Они же вырвутся и сожрут послушников! Надо торопиться. Мы сейчас же идем в монастырь и вызываем помощь. Это важнее Черного Круга, тут явная угроза.

– Вы ошибаетесь, братья, – решила настоять на своем чародейка. – Чернокнижники разбегутся, как только почувствуют нависшую угрозу. Я получила этот список позавчера. А бестиарий надежно защищен, хозяин кормит демонов.

– Кем? – поинтересовался все тот же парень.

– Как всегда, – не глядя на собеседника, ответила Хельга.

– Твой цинизм поражает, – покачал головой тот.

– Мы сделаем все, как ты просишь, – серьезно кивнул его напарник.

* * *

Сведения о действующих на территории Софинии чернокнижниках, переданные Хельгой в Братство, сразу же обработал аналитический отдел, и по предполагаемым адресам проживания черных магов были высланы оперативные отряды. В общем, все как обычно.

Чаще всего арест проходил стремительно: портал к замку злодея, взлом защитных заклинаний, удар по куполу виновника

торжества, сбор вещественных доказательств, подтверждающих виновность чародея, и доставка всего этого добра пред ясны очи императора Софинии.

Но в этот раз все пошло по-другому.

Замок очередного чернокнижника оказался окружен внушительным рвом.

– Вплавь? – скривился Дарвингиль, оглядывая свои белые одежды. Он отправился на охоту за злодеями прямо из дворца своего венценосного отца.

– Как-то не хочется, – поддержала его Хризастелия.

– И не надо, – согласился с ними Нерканн, бросая в темную воду камушек.

Раздался тихий всплеск, а над водой тут же показались оскаленные пасти.

– Крокодилы! – непонятно чему обрадовался вампир. – Глазам своим не верю! Это откуда же он смог их сюда притащить?

– Нам какая разница? – не поддержала веселья Хризастелия. – Внутрь как попасть?

– Могу перелететь через ров и стену. А потом опустить для вас мост, – предложил Нерканн.

– Тогда о нашем присутствии станет известно, эффект неожиданности исчезнет, – пожал плечами Дарвингиль.

– О нас и так уже знают, мы тут минуты три ошиваемся у всех на глазах, – высказала свое мнение Хризастелия.

– Другие варианты есть? – спросил Дарвингиля вампир.

– Нет, – честно признал эльф.

– Тогда я полетел.

Большой черный нетопырь поднялся в небо, перелетел через ров и скрылся за зубчатой стеной.

Ждать молодой эльфийской паре пришлось недолго. Заскрипели несмазанные рычаги, закрутились проржавелые шестеренки, и тяжелый бревенчатый мост на старых якорных цепях пополз вниз, перекрывая глубокий ров, кишащий крокодилами.

– Вы не поверите… – Нерканн, встретивший друзей у ворот, был в неподдельном изумлении. – Тут никого нет!

– Ты всех уже убил? – Дарвингиль вопросительно приподнял правую бровь – уж он-то знал деятельную натуру своего товарища.

– Если бы так, – вздохнул вампир. – Но тут просто никого нет. Сами посмотрите.

Команда Братства Дракона прошла под надвратными башнями внутрь крепости. Дарвингиль обнажил меч, Хризастелия взяла на изготовку боевой шест. Внешний периметр замка

чернокнижника встретил их пустынным безмолвием.

– Что вы так напряглись? – поддел друзей Нерканн. – Я же сказал – нет тут никого.

– Вот это и подозрительно, – оглядываясь по сторонам, нахмурился Дарвингиль.

– Может, источник ошибся или их предупредили о нашем визите? – предположила Хризастелия.

– Наш источник – Хельга. А она не стала бы передавать сомнительную информацию, – сообщил вампир новость друзьям.

– Хельга?! – одновременно воскликнули молодожены.

– К тому же остальные адреса местонахождения черных магов подтвердились, и вы оба прекрасно об этом знаете, – невозмутимо продолжил вампир.

– Во что она опять вляпалась? – с явным раздражением спросил Дарвингиль.

– Ты ее наставник, ты и должен знать, – подколол Нерканн друга.

– Я и не отказываюсь, – все еще раздраженно отреагировал эльф. – Но ты ей тоже не посторонний и прекрасно знаешь, какой у нее скверный характер. У Хельги еще и жених имеется, есть кому лишний раз приглядеть за ней.

– Ага, вашими стараниями, – хохотнул Нерканн.

Эльф одарил его взглядом, не обещающим ничего хорошего, если тот продолжит свои шуточки.

Беззлобно переругиваясь, друзья продвигалась вперед, осматривая закоулки крепости, чтобы не оставить случайно у себя за спиной притаившегося врага.

– Хватит пререкаться, – прервала бесполезную перепалку Хризастелия. – У меня сильное подозрение, что нас просто-напросто заманивают в ловушку.

– Очень похоже, что ты права, – согласился Нерканн.

– Тогда давайте поторопимся и не будем заставлять нашего радушного хозяина ждать, – стал подгонять своих спутников Дарвингиль.

Наружный двор и прилегающие к нему переулки они уже осмотрели и теперь направились в глубь замка.

Стены жилища чародея толщиной в несколько локтей вместо окон имели узкие высокие бойницы, предназначенные специально для размещения лучников. В длинные извилистые коридоры почти не попадал свет, и друзья запалили факел.

– Может, разделимся? – предложила Хризастелия, когда они добрались до первого разветвления коридора.

– Ну уж нет, – отказался от опасной затеи супруги Дарвингиль. – Раз уж мы конкретно идем в заготовленную

специально для нас ловушку, то уж лучше держаться вместе.

– И какое направление выберем? – скептически разглядывая все четыре предложенных ответвления, спросил у молодоженов вампир.

– Второе слева. – Дарвингиль уверенно сделал первый шаг в указанный коридор, но Нерканн схватил эльфа за шиворот белоснежной шелковой сорочки и потянул назад.

– Ответ неверный! – Он назидательно поднял вверх указательный палец. – Ты тут со своими амурными делами – не обижайся, дорогая Хризастелия, – совсем забыл об элементарных вещах. Смотри!

В руках вампира материализовался внушительный кусок красного кирпича, которым он запустил в коридор, откуда только что выдернул друга. Пролетев некоторое расстояние и преодолев невидимую грань, кирпич взорвался, не оставив после себя даже пыли.

– И что это у тебя за привычка кидаться во все вокруг камнями? – спросил слегка растерянный Дарвингиль.

– Советую обзавестись такой же, – хмыкнул довольный Нерканн. – Эта привычка не раз спасала мне жизнь, – оскалился он и добавил: – Да и вам тоже.

Старый фокус с бросанием камушка был повторен еще дважды, и только один коридор оказался безопасным.

– Похоже, хозяин сделал выбор за нас, – резюмировала Хризастелия.

– По всем правилам встречи незваных гостей, – подтвердил Дарвингиль.

И они уверенно двинулись по навязанному им пути.

Предлагаемый коридор был более светлым: магические фонари щедро освещали путь впереди и гасли сразу за спинами друзей. Периодически что-то ухало, демонически хохотало и гремело железными цепями, но команда Братства лишь посмеивалась над такой детской манерой запугивания. Коридор постепенно сужался, появился почти незаметный уклон вниз. Дарвингиль шел первым, за ним его супруга, замыкал шествие неунывающий Нерканн.

– С нами что, воевать не собираются? – недовольно поинтересовался эльф. Ему казалось, сегодня все только и делают, что стараются вывести его из морального и психического равновесия.

– Вот сейчас дотопаем до самого глубокого подвала, а там некрополь с ожившими мертвецами, – озвучила Хризастелия возможную перспективу подраться и выплеснуть накопившееся раздражение.

– Тут все черной магией пропитано. Думаю, долго ждать не придется, скоро начнутся сюрпризы, – «обрадовал» вампир.

– Если мы не ошиблись и в замке действительно живет чернокнижник, то здесь просто не может быть никакой другой энергии, кроме черной, – фыркнул на замечание Нерканна эльф.

– Ты прав, мой белобрысый друг! – хохотнул Нерканн и вдруг выругался: – Вот леший!

Удаляющийся крик друга заставил молодоженов обернуться.

Над местом, где должен был находиться вампир, светильники уже погасли. Дарвингиль схватил супругу за руку, вновь запалил припасенный факел, и они, освещая себе обратную дорогу, осторожно вернулись на несколько шагов назад. Под ногами показалась бездонная яма. Точнее сказать, люк. Одна из плит, видимо, плавно отошла в сторону, и обычно очень внимательный воин просто не сумел вовремя среагировать и отскочить назад.

Дарвингиль и Хризастелия осторожно заглянули внутрь. Послышался приближающийся шелест крыльев. Молодые облегченно вздохнули и даже увидели мордочку готового вновь присоединиться к ним друга. Но перед самым носом нетопыря плита мгновенно и бесшумно встала на место, закрывая Нерканну дорогу к свободе.

Военный совет был коротким.

– Нельзя оставлять его здесь одного, – встревоженно сказала Хризастелия.

– Но мы не сможем самостоятельно открыть этот проход и не знаем, что творится там внизу, – попытался объяснить очевидные вещи Дарвингиль супруге.

– Что нам остается делать?

– Надо быстрее найти того чародея и заставить его отпустить Нерканна. В крайнем случае мы его просто убьем, и тогда ловушки нейтрализуются сами собой.

Дальше Дарвингиль с Хризастелией уже держались за руки и ускорили шаг, торопясь, насколько позволяли загорающиеся впереди них лампы. Факел в целях экономии огня, столь нужного на темной вражеской территории, был снова потушен. Пару раз коридор вилял, встречались развилки, но они не были освещены, и эльфы проходили мимо. Один раз путники чуть не навернулись с крутой лестницы, но, несмотря ни на что, ни разу не выпустили руки друг друга. Около очередного разветвления коридора лампы вдруг погасли, сразу все и одновременно. Оставшихся членов команды боевого Братства Дракона поглотила кромешная тьма.

– Темно как в могиле, – прошептала Хризастелия. – Куда будем поворачивать?

– Подожди, сейчас запалю факел и определим опытным

путем, – крепче сжимая руку супруги, сообщил Дарвингиль.

– По методу Нерканна? – невольно усмехнулась Хризастелия.

– И как ты догадалась? – поддержал ее шутливое настроение Дарвингиль. – Держи меня за рубашку, не отпускай. Я только факел запалю…

Супруги разъяли пальцы на считаные удары сердца.

Свет факела сразу выхватил из темноты глаза Хризастелии, наполненные ужасом, и множество белесых рук, которые схватили эльфийку, закрыли ее распахнутый для крика рот… и утащили в одну из развилок прожорливого подземелья.

Дарвингиль, ринувшийся спасать возлюбленную, наткнулся на каменную кладку с изрядным слоем плесени и влаги. Стукнув несколько раз со злости по равнодушному камню, эльф решил продолжить путь. Коридор радостно озарился светом магических ламп, причем загорелись они сразу по обе стороны и больше за спиной воина не гасли.

Хозяин замка словно говорил: «Иди куда хочешь. Я получил то, что хотел, и удерживать тебя не буду. Хочешь выйти – пожалуйста! Хочешь повстречаться со мной – я давно жду встречи и буду безмерно рад! Твой выбор, твое решение». Дарвингиль пустился бегом, все дальше и дальше углубляясь в подвалы крепости коварного чародея.

Он упрекал себя и ругал на чем свет стоит за безответственность. Без боя потерять большую часть команды! Позор для командира! Не говоря о том, что он потерял своего лучшего друга и любимую молодую жену! Эльф почти летел по подземелью, не разбирая дороги. Его ослепляло горе, стремление вытащить из ловушек своих друзей и жажда поквитаться с чернокнижником, сумевшим так ловко и легко их обойти.

Подземный коридор кончился двадцатиступенчатой лестницей и арочным входом в полутемный зал. Дарвингиль слетел со ступенек вниз головой, но перекувыркнулся в воздухе и плавно приземлился в дверном проеме, горизонтально подняв меч над головой, полностью собранный и готовый к бою. Помещение, в котором оказался эльф, было шестиугольным, с высоким потолком и каменным алтарем посередине. Алтарь был черно-багровым от пролитой на нем крови. В каждом углу стояли каменные статуи в два человеческих роста, глаза их светились – это был единственный источник освещения в зале, предназначенном для жертвоприношений.

Пока Дарвингиль разглядывал место предполагаемого сражения с черным чародеем, тот появился, материализовавшись сидящим на алтаре. Темный плащ с глубоко надвинутым капюшоном не позволял разглядеть комплекцию противника и

его лицо, но этого Дарвингилю и не требовалось. Он сразу атаковал неизвестного врага, активизируя магическую защиту от опасных черных заклинаний, основанных на магии крови. И замах был правильным, и скорость боевой трансформации не позволяла противнику успеть защититься, но каменным монстрам, вставшим на защиту своего повелителя, времени на подготовку и не требовалось.

Ближайший каменный истукан просто выставил руку на пути эльфа, и заговоренный меч вместо того, чтобы снести голову чародею, звонко столкнулся с каменной конечностью, высекая из нее сноп искр. По залу разнесся мерзкий хохот, которым раньше черный маг пытался напугать команду Братства. Завязался бой. Шесть древних каменных идолов, напитанных жертвенной кровью, против одного живого эльфа, рискующего в случае поражения не только своей жизнью, но и жизнями любимой жены и лучшего друга.

Один из каменных истуканов дал эльфу пинка под зад. Дарвингиль отправился в полет через весь зал в противоположный угол, где его ждал еще один каменный монстр. В полете придя в себя, он мягко приземлился на руки и, сделав кувырок вперед, встал на ноги. В углу, до которого он долетел, положенной статуи не оказалось. Дарвингиль был очень удивлен, он развернулся и увидел выстроившихся перед ним в шеренгу все шесть каменных изваяний. Они встали стеной, отгораживая своего господина от воинственного члена боевого Братства Дракона.

Дарвингиль решил попробовать атаковать истуканов в лоб – вдруг его верный меч, закаленный и обработанный магическими ритуалами, сможет нанести им хоть какой-нибудь вред. Разбежавшись, насколько позволяло пространство, он в прыжке ударил одного из великанов в плечо. Удар лишь высек искры, но не нанес каменной громадине никаких повреждений. А вот в ответ эльф получил оплеуху от стоящего рядом великана и проехал на спине не меньше десяти локтей.

Пока он поднимался, истуканы, несмотря на кажущуюся неповоротливость, оказались почти рядом. Чтобы не быть банально затоптанным огромными ступнями, Дарвингилю пришлось проявлять чудеса ловкости и гибкости. А верткость и подвижность были единственным преимуществом эльфа, которым он и воспользовался. Дарвингиль, проверив опытным путем, понял, что блокировать удары ног и рук каменных идолов не получится, и стал очень осторожен.

Великаны решили взять его в кольцо и начали наступать. Почувствовав спиной приближение стены и свой бесславный

конец, Дарвингиль подпрыгнул и с одновременным замахом сабли сделал обманный финт, которым обозначил, что якобы собирается рубануть ближайшего великана. Противники хоть и были идолами, напитанными кровью, но мозги, как и головы, имели каменные. Обманный финт сработал, отвлек внимание истуканов. Дарвингиль упал на спину и, толкнувшись ногами, проскользил между ног великана, оказавшись за спинами нападающих.

Пока идолы своими каменными мозгами сообразили, куда делась жертва, эльф забрался на плечи одной из оживших статуй и начал рубить ее, не забывая раздавать удары другим каменным товарищам. Меч, исправно высекая искры, попадал по головам, плечам и поднятым рукам истуканов. Не дожидаясь, пока они придут в себя и скоординируют свои действия по захвату, Дарвингиль спрыгнул, сделав кульбит назад через спину, и побежал.

Видя удирающего эльфа, идолы рванули за ним. Чувствуя, что один из каменных монстров вот-вот его схватит, а впереди уже стена, Дарвингиль сгруппировался и, оттолкнувшись от стены, вновь скользнул по полу в сторону. Не ожидавший такого маневра великан врезался на полной скорости в стену, пробив головой глубокую нишу.

Пока тактика ухода от прямого столкновения срабатывала, но сейчас наблюдающий за схваткой чародей внесет коррективы в каменные мозги своих защитников, и эльфа просто размажут по полу, как надоедливого таракана. Дарвингиль старался не обращать внимания на полученные от камня раны, синяки и ссадины. Пот заливал глаза, в голове шумело, но, несмотря на общую измотанность, расслабляться было рано.

Каменные идолы, освещая себе путь глазами, словно прожекторами, опять начали теснить эльфийского принца к стене. Тот понял, что сейчас его уже не выпустят скользящим по полу, и рванул навстречу противникам. От неожиданности истуканы сбились с шага, а эльф, не теряя времени, прыгнул вперед и вверх через их головы. Сделав классический кувырок, приземлился на ноги, не выпуская при этом меч.

Бой затянулся намного дольше, чем предполагали оба противника: и бьющийся в неравной схватке Дарвингиль, и чародей, восседающий на жертвенном алтаре, словно на кровавом троне, и пытающийся с помощью магии управлять каменными монстрами.

– Достаточно! – выкрикнул черный маг.

Дарвингиль обессиленно упал на пол, истуканы отступили каждый в свой угол и снова неподвижно замерли, будто никогда

и не оживали по приказу их черного повелителя. А тот несколько раз громко хлопнул в ладоши.

– Браво! – похвалил он эльфа. Неподдельное восхищение звучало в голосе из-под капюшона.

Несмотря на изматывающий бой, ушибы и многочисленные кровоточащие раны, окрасившие алым некогда белоснежно-прекрасные, а ныне оборванные одежды, Дарвингиль нашел в себе силы кинуться на врага, отказавшегося от защиты древних каменных истуканов. Из последних сил эльф сделал отчаянный рывок, и меч его достиг цели, но лишь наполовину. Чародей отклонился назад, пропуская удар над собой, и лезвие заговоренного эльфийского меча, который ковали лучшие мастера Братства, рассекло только изящную пряжку плаща.

Темная ткань упала с плеч черного мага, эльф замер с занесенным для следующего удара мечом. Перед ним оказалась совсем юная, невинная, очаровательная девушка, почти дитя. Большие наивные глаза в обрамлении длинных густых ресниц смотрели вопросительно и изумленно. Маленький носик, губы, словно нетронутые алые маки, тонкая шея, изгиб плеча и талии – все говорило о девственной юности и хрупкой беззащитности девушки, волей Судьбы оказавшейся во власти храброго и отважного героя. Дарвингиль опустил меч. Он несколько минут всматривался в это чудесное создание и не чувствовал на девушке личины, что говорило о подлинном облике юной чародейки.

В голове одного из лучших воинов боевого Братства никак не состыковывались две крайности. С одной стороны, им противостоял могущественный и коварный чародей – чернокнижник, управляющий древними идолами, питающимися жертвенной кровью, захвативший без боя отличных воинов из команды эльфа. С другой – перед ним сейчас находилось юное целомудренное создание, которое не способно и мухи обидеть. Головоломка никак не хотела складываться.

– Подойди ко мне. – Изящные руки ладонями вверх были протянуты к смешавшемуся Дарвингилю.

Голос оказался под стать внешности – нежный, в меру тонкий и необычайно певучий, – но именно он помог Дарвингилю немного прийти в себя. Ведь если это чудное дитя умеет говорить, следовательно, оно не наваждение и можно вести конструктивный диалог.

– Где мои друзья? – справившись с замешательством, хрипло спросил эльф.

– Я покажу тебе их, – пообещала юная красавица. – Иди ко мне, – повторила она, вновь протягивая к эльфийскому принцу лебяжьи руки, словно показывая, что в ней нет угрозы.

Дарвингиль повиновался и присел на краешек жертвенного алтаря рядом с хозяйкой замка, которую хотелось оберегать и защищать, хотелось сдувать с нее пылинки и тихонько поправлять перину, чтобы не потревожить сон. Красавица коснулась пальцами его израненного плеча, эльф вздрогнул.

– Где мои друзья? – снова спросил Дарвингиль, его неровное дыхание с головой выдавало все вспыхнувшие чувства.

Девушка нахмурилась, но эльф этого не заметил. Она очертила ладонью неполный круг в сторону ближайшей стены, и каменная кладка пропала, став прозрачной. За прозрачной завесой в соседнем помещении Дарвингиль увидел Нерканна. Вампир полулежал на огромном бархатном диване в домашнем халате и тапочках, вокруг стояло множество стеллажей с фолиантами и свитками. Эльф рванулся было к другу, но алтарь крепко удерживал жертву, не давая возможности оторваться от него.

– Не надо ему мешать. – Нежные пальцы вновь коснулись плеча Дарвингиля, раны на котором уже затянулись, но сам израненный обладатель порезов и гематом даже не заметил этого. – Он счастлив… – Голос прелестницы обволакивал, а то, что предстало перед глазами Дарвингиля, заставляло поверить словам, сказанным этим голосом.

Рядом с удобно устроившимся Нерканном ненавязчиво хлопотали несколько девушек. Почти без одежды, явно принадлежащие к вампирьей расе, они периодически подавали другу Дарвингиля взамен прочитанных новые книги, снятые с многочисленных полок. Бокал с густым темным напитком, в котором эльф опознал кровь, стоял на маленьком золоченом столике на расстоянии вытянутой руки от Нерканна, наслаждающегося поглощением знаний и открытием древних секретов.

– Он счастлив, – повторила непорочная искусительница. – Не надо мешать его счастью, если ты считаешь себя его другом.

– Да, не надо мешать его счастью, – эхом повторил за ней Дарвингиль.

Удовлетворенная произведенным эффектом, чародейка провела рукой по волосам сидящего рядом с ней воина. Эльф вновь вздрогнул. Хозяйка замка выругалась про себя, на секунду ее лицо исказила нервная гримаса, но Дарвингиль не смотрел на нее и не мог этого видеть.

– Где мой второй воин? – почти шепотом спросил эльфийский принц.

– Смотри, – милостиво разрешила чародейка, раскрывая на этот раз другую стену.

Теперь Дарвингиль увидел Хризастелию, он рванулся к ней изо всех сил, но не смог сдвинуться с места.

Обнаженная эльфийка лежала на мраморных плитах восточной купальни в клубах горячего пара. Роль стен волшебной купальни выполняли ее любимые вечноцветущие тропические кустарники с алыми бутонами. Окружали эльфийскую принцессу молодые эльфы в набедренных повязках. Двое из них разминали пальцы ее ног, массировали ступни, один расчесывал волосы, втирая в них ароматические масла. Еще двое ходили по краю бассейна, рассыпая в прозрачную голубую воду лепестки алых и белых роз из больших плетеных корзин. Хризастелия лежала грудью на нагретом мраморе, глаза ее были закрыты, на лице была написана наивысшая степень блаженства.

– Она счастлива, – повторила формулу чародейка. – Не надо ей мешать.

Дарвингиль скрипнул зубами, желваки на его красивом аристократичном лице заходили ходуном при одном только взгляде на заботливых и неприлично прекрасных эльфов, обхаживающих его жену. Заглянув в глаза воину, хозяйка замка увидела в них злобу, ярость и ненависть. В этот самый момент она поняла свою ошибку и тотчас сделала правильный ход.

– Ты тоже можешь быть счастлив, – пообещала она, соскальзывая с окровавленного алтаря на колени воину.

Дарвингиль был полон решимости сбросить девушку, но вместо юного создания, вызывающего в нем лишь отеческие и братские чувства, обнаружил у себя на руках возлюбленную супругу, эльфийскую принцессу Хризастелию. Он заглянул в любимые глаза, потом попытался перевести взгляд на стену, за которой только что видел ее же, довольную и счастливую, но там была лишь безликая каменная кладка. А в его руках уже трепетала возлюбленная, истосковавшаяся по заботе, любви и ласке мужа. Дарвингиль вновь посмотрел в родные глаза и теперь окончательно утонул в них. Он не искал и не хотел ничего другого. Он, как и обещала хозяйка замка, был счастлив. Счастлив так же, как и все члены его команды.

Защитные рефлексы, вырабатываемые десятилетиями, не сработали. Незамеченным осталось и заклятие личины, которую надела на себя искусительница, чтобы заполучить в свои сети Дарвингиля. Когда живое существо счастливо, оно стремится к созиданию и не замечает вокруг себя хитросплетений раскинутой паутины.

– Хриз, милая моя, – шептал Дарвингиль, лаская нежное тело возлюбленной, вдыхая аромат ее волос, целуя губы и лицо. – Любимая моя…

Сколько продолжались нежности, ласки и поцелуи, сказать сложно. Опьяненный счастьем, Дарвингиль давно потерял счет времени. Но его законную супругу, заставшую благоверного в объятиях малолетней развратницы, это не волновало. Ей достаточно было самого факта переплетения рук, ног и соприкоснувшихся в страстном поцелуе губ. А дела обстояли именно так, когда распаренная после бани и массажа, но не утратившая здравый рассудок Хризастелия вошла в зал. Где и обнаружила милого супруга наслаждающимся изысканным возлежанием на жертвенном алтаре, пропитанном кровью.

– Ах ты, похотливый кот! – возмутилась изменой разгневанная жена. – Развратник! – В руках у Хризастелии оказался большой двуручный меч, которым она рассчитывала наказать нечестивого мужа.

Затуманенный взгляд Дарвингиля наконец нашел источник непотребных слов, явно адресованных ему.

– Хриз? – оторвавшись от целовавших его сладких губ, вымолвил он.

– Что, не ждал? – Хризастелия уже преодолела половину пути, отделяющего ее от развлекающейся на алтаре парочки. – Кобель проклятый!

Дарвингиль посмотрел на девушку, трепещущую в его объятиях, и не нашел различий между ней и приближающейся эльфийкой.

– Это фантом, посланный черным магом, – зашептала на ухо «возлюбленная», притягивая к себе его голову. – Она пришла, чтобы убить нас.

– Она – это ты? – Все еще туго соображающий Дарвингиль никак не мог прийти в себя.

– Этот фантом принял мое обличье, чтобы ты не смог навредить ему. Он убьет нас. Спаси меня! – Последний возглас искусительница подкрепила вложением в руку окончательно запутавшегося Дарвингиля его родного меча.

Холодная сталь привычно отяжелила руку, эльф видел перед собой врага. Он быстро соскочил с алтаря и встал на защиту «возлюбленной».

– Подштанники подтяни, – рявкнула обиженная Хризастелия, закусив губу от обиды. – Права была моя мама насчет тебя!

Молодожены закружили по залу. Первой напала Хризастелия, злость в ее душе требовала выхода. Поединок был начат. Засвистел воздух, разрываемый взмахами мечей, зазвенела сталь. Оба были превосходными бойцами, единоборство проходило красиво, по всем правилам эльфийской фехтовальной школы. Дарвингиль первым открыл кровавый счет, нанеся супруге

колотую рану в плече. Хризастелия не осталась в долгу. Вскоре тела обоих эльфов покрывали порезы, пока еще не смертельные, но это было лишь вопросом времени.

– Сними с них заклятие, – яростным шепотом потребовал Нерканн у наслаждающейся поединком хозяйки замка, приставив ей к горлу острый кинжал.

Увлеченная новым развлечением, юная чернокнижница уже делала ставки, кто из эльфов убьет другого первым и каким образом второй покончит с собой, когда поймет, какую фатальную ошибку совершил. Она была слишком занята, поэтому пропустила появление вампира у себя за спиной, не успев вовремя оживить своих верных стражей – кровавых каменных идолов.

– Что с моей библиотекой? – пытаясь сохранить самообладание, высокомерно спросила чародейка.

– В ней были неправильные книги, – усмехнулся Нерканн. – Я ее сжег.

И словно в подтверждение его слов до них долетел явственный запах гари.

– Я убью тебя, – хрипло пообещала рассерженная искусительница.

– Похоже, мы не договоримся, – с сожалением вздохнул Нерканн и перерезал чернокнижнице горло. Он видел, что Дарвингиль уже занес меч для решающего удара, и медлить было нельзя.

– Хриз, милая моя! – Отбрасывая меч в сторону, эльф упал на колени перед поверженной, но благодаря Нерканну все еще живой Хризастелии.

– Пошел вон, импотент недоделанный! – Эльфийка окровавленными руками оттолкнула Дарвингиля и вновь зажала рану на груди.

– Прости меня, дурака! Леший попутал! – Дарвингиль умоляюще смотрел на раненную его рукой возлюбленную, но подходить не решался.

– Леший тут ни при чем, скорее вот эта дамочка постаралась. – Нерканн поднял за волосы голову мертвой чародейки, которую уже успел отрезать. – Я, как всегда, вовремя, – похвалил он сам себя и направился осматривать и залечивать раны друзей.

Пару часов спустя они все трое шли по солнечному зеленому лесу и рассуждали о природе искушений. Хризастелия так и не простила Дарвингиля, но согласилась, что он был под влиянием сильных чар. К тому же собравшийся с мыслями эльфийский принц тоже припомнил возлюбленной супруге массаж и

восточную баню.

– Вот интересно, если бы Шторм попал в похожую ситуацию, он бы смог противостоять, если бы послушная, уступчивая и ласковая колдунья в образе Хельги стала его искушать? – спросил Дарвингиль, надеясь этим вопросом ускорить момент получения прощения.

– Это Хельга-то послушная и уступчивая? – развеселился вампир. – Да если бы все было так, как ты говоришь, Шторм сам свернул бы голову этой искусительнице, чтобы ее душу демоны сожрали. Потому что скорее мир перевернется, чем Хельга обретет хоть одно из качеств, положенных нормальной девушке.

– Эй, вы, полегче там с оценками! – возмутилась Хризастелия чисто из женской солидарности. – Вот найдем Хельгу, я ей все про вас, засранцев, расскажу!

– Осталась самая малость – найти это ходячее недоразумение, – озвучил Дарвингиль мысль, которая промелькнула у всех троих.

* * *

К поместью Расты мы с Зарой подъехали ближе к ночи. Нас встретил престарелый слуга, который с поклоном принял поводья Зары и повел ее в конюшню.

– Долго же ты добиралась. – Новая хозяйка поместья стояла у парадного входа, поджидая меня.

– Ты меня ждешь? – удивленно спросила я.

– Да, уже дней пять.

– Магистр Луций предупредил?

– Нет, – покачала головой Раста, пропуская меня внутрь дома. – Я, когда уезжала, кое-какие штучки у него в кабинете оставила. Стараюсь быть в курсе событий.

За ужином я рассказала Расте о причинах, которые заставили меня искать ее помощи. И о снах, и о Юстинне, и о той бойне. В общем, обо всем, что знала сама, исключение составили лишь сведения о Братстве.

– Луций не обманул, я могу попробовать помочь. Только это не совсем то, к чему ты привыкла, – выслушав меня, сказала Раста.

– Говори яснее.

– Я в ходе одного своего эксперимента столкнулась с результатами, которых получиться просто не могло. Они были словно выведены чьей-то рукой.

– Я все равно не понимаю. Я никогда не занималась наукой.

– Допустим, ты выливаешь стакан воды на пол с высоты трех локтей. – Раста продемонстрировала. – Представь, что вода не стекла на пол, повинуясь силе притяжения, а зависла в воздухе или вернулась обратно в перевернутый стакан, без твоего участия.

– Значит, поучаствовал кто-то другой, – сделала я единственный возможный вывод.

– Вот и я так решила, – подтвердила Раста. – И начала искать того, кто это мог быть и зачем ему вмешиваться.

– И что, получилось?

– Получилось, только совсем не то, на что я рассчитывала. Я обнаружила существ, которые намного могущественнее всех магов и чародеев, вместе взятых, – решила удивить меня Раста. – Они практически бессмертны, им подвластны материя, время и пространство. Выше их только Создатель Миров.

Я сразу вспомнила о Шторме – видимо, Раста успела с ним познакомиться.

– И что он тебе сказал? Разрешил дальше экспериментировать? – спросила я.

– Почему «он»? Это она. Я называю ее Бесконечность. То, что тебе нужно, ей вполне по силам, вот только захочет ли она помогать тебе? Она ничего не станет делать просто так.

– Я постараюсь убедить ее.

– Сначала убеди меня.

Половина ночи прошла в дебатах и диспутах на тему «надо – не надо». А ближе к полудню следующего дня Раста разбудила меня, озвучив свое решение.

– Я помогу тебе встретиться с Бесконечностью только потому, что мне и самой любопытно, что из этого выйдет, – хладнокровно констатировала она, переварив поток моих ночных аргументов.

Я кивнула. Раста посмотрела на меня с интересом, как вивисектор смотрит на подопытного кролика, который вдруг заговорил и выразил надежду на положительный исход эксперимента.

«Пусть так. Я и есть твой подопытный кролик, Раста, – подумала Хельга, усмехнувшись про себя. – Тебя искушает жажда познания, меня мучают демоны безысходности. Они превращают мое здоровое, сильное тело в переплетение страданий с пустотой».

Я быстро оделась, и мы спустились в лабораторию. Ванночки, колбы, реторты, коробки и прочие необходимые мелочи заполняли просторное помещение огромного подвала, который бывшая послушница приспособила под свои научные цели.

Раста погрузила меня в ароматный раствор. Алые, сиреневые,

лиловые лепестки закружились в водовороте, эпицентром которого была я. Один из нежнейших шелковых лепестков прилип к моим губам. Маки… Дальше сознание уже оказалось неспособным анализировать… Сон… сон… сон… Сквозь него, как через кувшин, я услышала голос Расты:

– Отрекись от своего «я»!

«Я… я… я…» – пульсировало где-то на периферии моего разума.

– Ты мне мешаешь. Твой эгоцентризм удерживает сознание в теле! – Раста пыталась убедить меня в том, в чем убедить невозможно.

– Откажись от своего имени, от своего тела – это бремя!

«Бремя… время… мя… я…»

Пузырьков становилось все больше, единственное, за что цеплялось сознание, – это мое неотъемлемое «я». Раста наконец осознала или, скорее, ее осенило.

– Отрекись! – приказала она, избегая местоимений. Только приказ: «Отрекись!»

«Есть… есь… ись… высь… и…»

Больше не было ни тепла, ни холода, ни даже ароматов. Только звуки. Тихий настойчивый голос флейты и гулкие шаги. Сколько времени длилось это гармоничное сочетание ритма и мелодии, определить было невозможно, да и не нужно. Здесь не было времени. Здесь был источник начала начал. Здесь был абсолют. Точка отсчета, заключенная в круг, пока не выйдешь из которого, не включается таймер. Шаги приближались. Так звучать могут только нефритовые плиты. Услышав однажды этот звук, не перепутаешь его уже ни с чем.

Наконец появилась рождающая этот мелодичный гул – высокая, атлетически сложенная темноволосая женщина. Созерцать ее необыкновенно приятно. Потолка нет. Есть хрустальный свод, через который проникает свет голубоватых звезд. Верхняя часть стен – из бледно-зеленого нефрита, спускаясь к полу, цвет его гуще и темнее, как июньская трава в короткое время сумерек. Пол выложен мозаикой. На возвышении белый трон, украшенный мозаичным панно. Переливы самоцветов так искусно подобраны, что создается впечатление непрерывной кисти художника. Хозяйка, чуткая к скольжениям мыслей, с удовлетворением провела рукой по причудливому узору.

– Флоринская мозаика, – пояснила она, усаживаясь на троне. – Вечная красота.

Она сидела весьма необычным образом, словно мы находились в интимном будуаре и встреча обещала быть долгой. Красавица поджала ноги, укрыла их леопардовым пледом и,

положив локоть на подлокотник, поддерживала голову рукой. Чуть позже опустила одну ногу в высокой сандалии и стала слегка покачивать ею. Смуглая кожа красиво переливалась, подчеркивая игру мышц голени.

Бесконечность безлика, беспола и бестелесна… Она может явиться к вам в любом образе. Может измениться в любое мгновение и изменить пространство вокруг. Но то, как она явилась сейчас, было невероятно красиво. Сознание наслаждалось каждой деталью: изгибом фиолетового лепестка на панно, мерцанием звезд в преломлении хрустального купола, прожилками на нефритовых стенах, игрой солнца и тени на леопардовых шкурах.

Глаза темноволосой воительницы поднялись к звездам. Как же она совершенна! Высокая, почти мужская фигура, увитая, словно змеями, упругой мускулатурой. И в то же время подчеркнутая грудь и гибкий стан под облегающими кожаными доспехами. Персиковый румянец играл на высоких скулах, будто отражение языков пламени.

Бесконечность отвлеклась от свода и устремила свой сверкающий взор к сути сознания:

– Назови свое имя!

«Хельга…» – подсказало сознание.

– Я – Хельга! – ответила я.

«Я – Хельга!» – радовалось сознание, авторизуясь и обретая себя.

Из бурного потока радости выдернул ровный голос Бесконечности:

– Что привело тебя, Хельга, ко мне?

– Пустота.

– Пустота бесконечна… – На мгновение воительница задумалась и продолжила, едва приподняв уголок рта в полуулыбке: – Умри, если она обременяет тебя, и получишь покой.

Довод был убедительным, а выход – простым, словно внезапный порыв ветра, меняющий день с солнечного на грозовой, меняющий жизнь с привычной, размеренной на полную бурь и приключений. Порыв, подводящий к самому краю пропасти, с которой вот-вот сорвешься… Я слегка отшатнулась, стряхнув наваждение:

– В твоей власти подарить мне жизнь и…

Она перебила меня, не дав договорить:

– Зачем?

– Я – ключ к тебе.

– Мне не нужны ключи, для меня нет ничего, что могло бы

быть закрытым, – улыбалась Бесконечность холодной улыбкой атакующей акулы.

– Не тебе, но к тебе! – возразила я. – Я же здесь!

– Да, пожалуй. – Она опять улыбалась, но уже менее хищно. – Гости у меня бывают нечасто. Может быть…

Она не договорила. А я не стала продолжать этот опасный диалог.

– Чего же ты хочешь? – спросила она мгновение спустя.

– Я хочу попросить… – Ох как трудно произнести слова о самом сокровенном! – Верни мне моих близких! Я теряю смысл жизни без них.

Воительнице надоело слушать мое блеяние, и она заговорила со мной лаконичным чиновничьим языком:

– Кто тебе нужен? Кого ты просишь вернуть?

Тут наконец-то мужество и дерзость, покинувшие было меня, передумали и вернулись.

– Маму! – Почему первой я назвала ту, которую никогда не видела и никогда не знала, для меня осталось загадкой. – И Юстиниану!

– А хомячка и канарейку, которых закопали рядом с ракитой, не нужно? – с явной издевкой дополнила мой список женщина.

Конечно, она смеялась надо мной, но откуда она узнала?.. Она глядела в большой хрустальный шар, стоявший перед троном. Я не видела, когда он появился. Точнее, он ниоткуда не появлялся, он был всегда. Просто я раньше его не видела. Я также теперь поняла, что Бесконечность видит не только всю мою короткую взбалмошную жизнь, но и мои мысли. И улыбается то ли моей глупости, то ли ничтожности.

Да, Бесконечность! Я ничтожнее даже чем панно твоей каменной мозаики! Но я стою здесь и говорю с тобой! Значит, уже прикоснулась к тебе, как твои пальцы несколько мгновений назад касались этих чароитовых ирисов!

Женщина улыбнулась еще лучезарнее:

– Все-таки надо было не полностью допускать к твоему сознанию эго. Твоего «я» значительно больше, чем тебя самой.

– Прости, госпожа! Я осознаю… – Мне сделалось стыдно.

– Но без этой наглости, впрочем, ты бы точно не пробилась ко мне, – спасла меня великодушная Бесконечность. – Оставим хомячков тлеть. Драгоценные детские слезы они уже не вернут.

И опять хищно дрогнули насмешливые губы. Я опять испытала то давнее чувство горького стыда и раскаяния за совершенное преступление. И хомячок, и восхитительная певунья-канарейка были удавлены моими собственными руками, вернее, лапами. Я тогда только начинала обращаться в сову и совершенно

не управляла своими инстинктами. А поутру рыдала над дорогими мне пушистыми комочками.

Мои трогательные воспоминания Бесконечность прервала недовольным тоном школьной наставницы:

– А почему ты не начнешь с тех, кого можешь спасти сама, без моей помощи?

Я с удивлением посмотрела на женщину.

– Тех, кто еще жив, – уточнила она. – Или придешь за ними в другой раз?

Я совершенно не понимала, о ком она говорит. Бесконечность поманила меня к себе пальцем, не отрывая глаз от хрустального шара. Я подошла, и моему взгляду сквозь преломление кристалла открылась картинка прокопченного бара.

* * *

За стойкой равнодушный халдей наливал янтарную жидкость в стакан, зажатый широкой ладонью. Что-то знакомое было в могучей фигуре этого человека, как-то уж очень опустошенно положившего руку на стол…

– Тимур! – невольно воскликнула я.

Он оглянулся. Я и Бесконечность невероятным образом оказались в этой забытой богом портовой харчевне.

– Хельга… – Тимур не удивился. Таких стеклянных глаз я не видела еще ни у кого. – Каким дьяволом тебя принесло?

Уже не детские угрызения совести схватили меня за горло, и я позвала его неожиданно хриплым голосом:

– Пойдем со мной! – Я протянула к нему руку.

– Сядь! Лучше выпей со мной, боевой товарищ, – сказал Тимур с горькой иронией. – Ты ведь должна помнить моих ребят, которые участвовали с тобой в одной операции? Их тоже стоит помянуть.

– Тимур, ты с тех пор…

Он с какой-то мимолетной жалостью посмотрел в мою сторону.

– Видишь ребят за третьим столом? Еще неделю назад их было ровно вдвое больше.

За указанным столом, повалившись на пустые тарелки и стаканы, спали семь парней, совершенно убитые вином. Один из них встал и, словно двигаясь по кораблю с убегающей из-под ног палубой, направился к двери. Кажется, его отравление нестерпимо искало выхода.

– Молодые еще, не привыкли… Видишь, Хельга, отмечаем

благополучное завершение боевого задания, – с горькой иронией сообщил мне Тимур.

Официант, бросившийся было убрать со стола посуду, шмыгнул в коричневую темноту зала, едва Тимур цыкнул на него.

– Выпей со мной, Хельга! И подружка пусть тоже присоединяется!

Я почувствовала, что Бесконечность все это время стоит рядом со мной.

– Как тебя зовут, красотка? – Тимур бесцеремонно оглядел ее.

Воительница усмехнулась и ничего не ответила, вместо этого усевшись на предложенное ей место. И, к моему удивлению, рука Тимура обвила ее за талию, да как! Не знаю, что сейчас сотворит с ним Бесконечность, но я бы точно убила! Бесконечность чиста, она не терпит порока, ей чужда скоротечная страсть смертных. Возможно, ее одежды показались ему слишком фривольными, а может, он допился до тех самых чертей! Но так поступать с моими спутниками нельзя, даже если…

Пока я решала, что мне предпринять, Бесконечность скинула его руку с такой силой, что я услышала, как хрустнули кости Тимура.

– Ого! – оценил тот ее мощь.

И, тут же опрокинув стул, с неутраченной ловкостью воина притянул женщину к себе и впился поцелуем в губы. Пьяный гул таверны смолк. Заткнулась и кабацкая теребень. Халдей удивился, кажется, впервые в жизни.

Столь яростный бросок застал врасплох и Бесконечность. Впрочем, я поняла, что она уверенно раскладывает и свой пасьянс, а не только думает о моих «блестящих подвигах». Этот поцелуй был достаточно долгим, чтобы в мой разум после первого шока закрались некоторые подозрения. Эти двое между тем не отрывали друг от друга пылающих взглядов. Романтики портового вечера в их глазах не было ни на йоту. Два воина, две стихии – смертный и вечность перетекали друг в друга. Наконец Тимур отпустил ее.

Однако воительница не позволила торжествовать смертному дольше одного вдоха. Не менее сильным движением обхватила его голову и притянула к себе.

«Все! Это уже слишком! Надеюсь, это у вас не заразное», – отомстила я Бесконечности за ее сарказм по поводу хомячка. Пусть читает.

Но нет, не поцелуем Тимуру ответила воительница! Она впилась зубами в его анестезированный вином рот. И опять они глядели в глаза друг другу. Бесконечность отпустила Тимура, когда для него опять пришло время дышать. По моим расчетам,

он явно умеет задерживать дыхание минут на пять – семь. Не отрывая от воительницы взгляда, Тимур облизал окровавленные губы и, обращаясь ко мне, произнес:

– Ну и подружки у тебя…

Я была счастлива, что на этом комплименты закончились. Затем он плюхнулся на единственный устоявший в предыдущей сцене стул и гаркнул халдею, своей неподвижностью уподобившемуся мебели:

– Наливай! Чего застыл!

Даже у соляных столбов есть чувство долга. Слышно было, как струйка бьется о дно стакана. Посетители не шевелились. Мухи и те перестали жужжать. Наполненный до краев стакан в руке Тимура превратился в песок, и его содержимое вытекло на стойку бара. Тимур не удивился и прикрикнул на бармена:

– Наливай!

Тот рассеянно указал подбородком на кучку песка.

– В другую посуду! – рявкнул клиент.

И все повторилось.

Тимур слегка повернул голову в сторону воительницы:

– И сколько ты будешь переводить добро?

Она усмехнулась:

– Это мой подарок.

– Забери его себе! – Казалось, он едва удержался от грубых слов, которые здесь не оскорбили бы никого (тем более когда так обращаются с выпивкой), кроме меня.

– Я не беру свои дары обратно.

Не поворачиваясь к Бесконечности, Тимур приказал истуканом стоящему бармену:

– Наливай!

– Быстрее, чем терпение, у тебя закончатся сбережения, – продолжила разговор со спиной Бесконечность.

Уж в одном я была точно уверена: ее запас терпения несопоставим с его средствами, выдержкой и всем прочим, вместе взятым.

– Тимур! Очнись! – Наконец-то и у меня появился голос.

Проснулся и Тимур:

– Хельга? Зачем ты здесь?

– Ты мне нужен! Ты мне нужен больше, чем я об этом знаю!..

* * *

Мы снова стояли в огромном нефритовом зале перед хрустальным шаром.

– Ты уже кое-что начинаешь понимать, – заметила Бесконечность.

Тимура рядом с нами не было.

– А…

– А ты меня об этом смертном не просила, – жестко оборвала мой вопрос женщина, но затем смилостивилась и пояснила: – Он живой, у него есть другие дела и заботы, пусть пока разбирается с ними и осваивается со своим новым даром. – Она самодовольно усмехнулась.

Я знала наверняка: если судьба еще раз сведет нас с Тимуром и он меня не прикончит, значит, я встретила самого великодушного человека в мире.

* * *

Стены то приближались, то удалялись. Сизый дым незаметно заполнил все огромное пространство тронного зала. Поглощенная недавним переходом, я не сразу почувствовала, что сизая дымка совсем не похожа на тот едкий желтоватый дым портовой харчевни. Здесь не было смрада чадящих светильников, смешанного с горьким запахом рома и мадеры. В морских кабаках можно найти любые диковинки из других миров, особенно если они порочны. Странно, но тот аромат меня даже завораживал… Хотела бы я когда-нибудь вновь затянуться горьковатой смесью…

Дым, который я вдыхала, был мороком. Таким способом любят убивать чародеи. Незаметно в комнату проникает тоненькая белесая струйка дыма. Легкая, неуловимая змейка. Она не шипит, не вонзает острые зубы вам в ногу… Она тихонько обвивает ваше горло. На глаза набегает неодолимая дремота, и неясные миражи мелькают перед уплывающим сознанием. Тихая чистая смерть. Я не успела отгородиться заклинаниями. Амулеты и оружие были небрежно брошены вместе с одеждой в лаборатории Расты. Мне в голову не приходило, что Бесконечность будет убивать такую муху, как я, столь изощренным способом. Еще чуть глубже, еще вдох – и я умерла…

Но на этой грани я, по-видимому, немного задержалась. Свет в конце тоннеля только забрезжил, указав направление, но не путь. Миражи! Моей головой каждую секунду пробивали плотные листы бумаги, на которых мелькали изображения, тотчас оживавшие. Но стоило мне сфокусироваться – как раз! – следующая картинка. Хуже того, я слышала голоса.

– Надеюсь, ты расскажешь о вашей тренировке что– то, что даст объяснение… – Кажется, это был голос магистра.

И еще:

– Все решила и уезжаешь! Даже не посоветовалась! А еще подруга, называется!..

– Юська! – крикнула я, но голоса у меня не было.

Вот поляна, окруженная вековыми дубами. Речушка с бьющими над гладью воды ключами и женский голос:

– Как я могу выйти замуж за человека, который столь невысокого мнения о моих способностях?..

И еще, еще, еще…

Странная штука – наша память. Иногда незначительные события или фразы становятся ключевыми, направляют жизнь в совершенно иное русло. Меня продолжало носить, как щепку, в потоках воспоминаний. Через какое-то время я поняла: многое из того, что я вижу и слышу, со мной никогда не происходило.

Меня замутило, и я обрела плоть. Под ногами появилась старая темная лестница. На моей памяти не было ни одного похожего подъема, но я точно знала, что третья сверху ступенька скрипит, а вторую покривило от времени и перепадов температуры, типичных для этого климата. Я знала, что справа тяжелая дубовая дверь, почти всегда закрытая. А напротив – витражное стекло, через которое закатное солнце отбрасывает на паркет радужные зайчики цвета счастья.

Я поднималась по высоким узким ступеням темной лестницы совершенно одна. Сквозняк, поселившийся здесь из-за разбитого слухового окна, доносил знакомые запахи, вызывающие воспоминания, которые принадлежали не мне. Аромат мокрой земли, раннего летнего утра, пионов и земляничного мыла… Рукомойник, прикрепленный на раскидистой сосне… По ногам пробежал холодок, словно я стояла босая на пропитанной водой земле… Веранда, мокрые яблоки разложены для просушки на полу, подоконниках, столе… Терпкий вкус черной рябины, синие губы и голос:

– Скорее иди сюда!

– Мама? – Я врываюсь в дверь комнаты с укрытой пыльными полотнами мебелью. Цепляю кулису люстры, и та обиженно звенит хрустальными листиками.

В комнате никого нет. Только сырой ветер хлопает незакрытой створкой окна. И снова дежавю – это уже слишком даже для моего сознания!

Я неторопливо подхожу к окну, и что-то неодолимое тянет меня посмотреть, что там. Есть ли тот сад, который был вызван мороком? Это наваждение или реальность?

За окном темно и прохладно. Ночь разрывают крики ночных птиц и писк мышей. Оборотень внутри меня нетерпеливо напряг

когти и снова распустил лапы, в животе заурчало от голода. Я выглянула на улицу и подняла глаза к небу… Сильный удар сначала ослепил и лишь несколько секунд спустя обжег острой болью. Глаза открыть я так и не смогла: нечеловеческая сила сжала мое лицо, словно собираясь сорвать его. Мне удалось втянуть врага в комнату, не вывалившись через открытое окно в неизвестность. Какое-то время борьба напоминала перетягивание каната, в роли которого выступала моя собственная кожа. Внезапно напавший ослабил хватку.

Я на короткое мгновение увидела перед собой крупную сову, и горячие струйки крови залили глаза. Я попыталась стереть кровь, и в этот момент птица заговорила:

– Как ты смела! Чем ты заплатишь ей за нашу встречу?

Совершенно ничего не понимая, я оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, на кого указывала рассвирепевшая сова.

У меня за спиной стояла иронично улыбающаяся Бесконечность.

– Мама? – пролепетала я.

– Ты знаешь цену нашей встречи? – поинтересовалась птица.

– Нет, но…

– Значит, и встречи не было! Поняла? – Сова глядела то на меня, то на мою спутницу.

Та продолжала хранить молчание и, улыбаясь, смотрела на мою мать. Какое-то время они пялились друг на друга. Затем Бесконечность слегка кивнула, словно давая согласие.

– Мама! – робко позвала я еще раз. – Я искала тебя…

– Еще не пришло время! – ответила мне восхитительная птица и повернулась к окну. – Прощай! – Она вспорхнула на огромных крыльях и бесшумно растаяла в темноте.

Мне показалось (во всяком случае, я на это надеялась), что в ее голосе прозвучали грустные нотки.

Уже ничего не опасаясь, я выглянула в окно. Ночь скрадывала тенистый сад, но на фоне темного неба нечетко проступал могучий силуэт раскидистой сосны. На ее ветках сидели четыре совы…

Мне здесь больше нечего было делать. Я развернулась, вышла в коридор и стала спускаться по темной лестнице. Глаза все еще слипались от сочившейся из царапин крови. Я оттерла ее рукавом и в этот момент споткнулась. Не успев ухватиться за исчезнувшие куда-то перила, полетела кувырком в неизвестность. Я сгруппировалась, но падение не завершилось. Это был головокружительный полет, причем с такой скоростью, что, если бы меня шмякнуло, я бы растеклась, как спелый томат по стенке.

* * *

Всплески огней выхватывали тела нескольких сотен людей, дергающихся в такт музыке. Удивительно, как люди, подчинявшиеся единому ритму клубных мелодий, временами ударяясь телами друг о друга, ухитрялись быть такими разобщенными.

Сати был в ударе. Эта биомасса наполняла его энергией и ощущением близящегося часа полного могущества.

В туалете юная покорительница столицы, по совместительству студентка архитектурного института, заправилась допингом еще на пару часов и чуточку не рассчитала. Она стояла, прислонившись спиной к стене и выжидая, пока ее хотя бы немного отпустит. Некоторое время спустя туда же вошли двое.

Юстиниана, облаченная в атласное зеленое платье с глубоким декольте, подошла к зеркалу и уставилась в него, ничего не поправляя, словно пытаясь рассмотреть саму себя. Сати подошел сзади и обнял ее. Руки скользили по зеленому шелку. Парочка не обращала на приклеенную к стене девчонку никакого внимания, словно та была раковиной или сушилкой.

Студентка таращила глаза, но никак не могла выдавить зависшие на губах слова: «Ну ни фига себе! Нашли место! Приспичило гадам, будто здесь живых людей нет!» Взгляд мужчины сквозь нее был так опустошающе холоден, что случайной свидетельнице захотелось и впрямь слиться с кафельной стенкой. Она попробовала двинуться к выходу, но ноги не слушались.

Сати запустил руку под ткань, прощупывая трепетание горячей крови, выбросил когти и проник в тело. Юстиниана застонала и откинула голову назад. Сати достал дымящийся кусок теплой печени и начал с наслаждением пожирать ее. На платье проступило черное пятно крови. В зеркале отражался истинный вид демона. Сати решил не тратить энергию на маскировку отражения. Существо под кайфом все равно не сможет разобрать, что́ есть реальность, а что́ – наркотические видения, пусть полюбуется на настоящую красоту.

Сати любил свой истинный облик с ветвистыми рогами, мощными челюстями и красными горящими глазами. Само воплощение силы и могущества! Он еще раз взглянул на свое отражение и вдруг увидел за спиной воительницу в доспехах. Та двоилась, и в двойнике, стоящем слева от воительницы, Сати

узнал собственную смерть… Скорость ее атаки была стремительной даже для демона. Женщина хорошо отработанным движением оторвала его змеиную голову. Еще не утратив ощущений, Сати почувствовал, как разрывается его сердце.

Юстиниана в кровавом тумане приоткрыла глаза, прошептала: «Хеля...» – и куда-то провалилась. Вернее, полетела, увлекаемая красным потоком и удерживаемая Хельгой. Другим потоком Бесконечность уносила останки демона, чтобы уже никакая сила не могла возродить его.

Черный пес попытался прорваться мимо двух охранников в стеклянные двери клуба. На какое-то время земля опрокинулась и поменялась местами с небом – пес почувствовал, как продирает шкурой асфальт.

– Не прошел фейс-контроль, приятель, – рассмеялся давший ему пинка охранник. Его напарник брезгливо оглядел пса:

– Смотри, Серега, у него вся пасть в пене! Может, бешеный?

– Да хрен с ним! – отозвался Серега. – Не проскочит.

Пес сел на безопасном от ног охранников расстоянии, поднял морду и тоскливо завыл.

Серега, решивший окончательно разобраться со скотиной, уже сделал шаг в сторону собаки, однако, не исполнив задуманного, бегом метнулся назад в клуб. Из глубины полутемного зала, перекрывая ритмичное «ыц-ыц-ыц», несся истошный женский крик.

В дамской уборной творилось что-то невообразимое. Стены, зеркала и пол были залиты кровью. Вжавшись в стену, на полу в полном ступоре сидела одна из посетительниц. Добиться от нее мало-мальски вразумительного ответа было невозможно.

* * *

Сутки спустя, изучив заключение экспертов и показания свидетеля, следователь принял в итоге окончательное решение.

Неустановленные пока что лица из хулиганских побуждений причинили незначительный материальный ущерб развлекательному заведению, облив стены женской туалетной комнаты кровью животных.

Свидетельница, студентка такая-то, в момент совершения хулиганской акции неустановленными лицами находилась под воздействием наркотических препаратов, а потому не может быть признана вменяемой.

Дело за незначительностью причиненного ущерба необходимо закрыть.

Следователь еще раз взглянул на рисунок свидетельницы. Перечитал ее показания:

«…только торкнуло, а тут в комнату ввалилась парочка, девушка в зеленом платье и мужчина в стильном прикиде. Я еще подумала: «Ну ни фига себе, нашли место!» Мужчина пристроился сзади и начал оглаживать подругу, а потом из бока у нее вдруг вырвал кусок мяса и стал жрать. Меня застопорило от ужаса, я не могла понять, что́ реальность, а что́ мультики. В голове мозги метались, как белка при верховом пожаре. Глянула в зеркало: там отражалась девушка в зеленом платье, а вот жрал ее заживо драконоподобный клыкастый монстр. Бежать мне было некуда, я медленно сползла по кафельной стенке под раковину. В этот момент за спиной монстра объявилась какая-то женщина и оторвала ему голову. Тот превратился в зверюгу с оторванной головой уже не в только в зеркале, но и в реальности. Из шеи хлынула черная кровь. Вторая женщина, брюнетка в кожаных доспехах, запустила руки по локоть в тело извергающей черную кровь твари, вытащила сердце и разорвала надвое. Потом склонилась над рухнувшей на пол девушкой в зеленом платье и подхватила ее под мышки. И они испарились. А потом первая взяла то, что осталось от зверюги, и тоже испарилась. Вот и все. Кто-то вошел в туалет и начал орать. Я сделала несколько рисунков по памяти, прилагается…»

Следователь еще раз пересмотрел серию хорошо исполненных художественных рисунков. Хоть издавай как готовые комиксы.

Да, девчонке надо отдохнуть в психиатрической больнице.

Потом, вспомнив недавнее дело своего однокашника Козырева, достал ксерокопию его показаний. Перечитал еще раз оба документа, сверил приметы.

И горько вздохнул: «Нет, ребята, я с вами в больничку не хочу».

* * *

Третий полет был стремительным. В нем не было воспоминаний, запахов и цветов. Я сразу увидела раненую, истекающую кровью Юську и почуяла присутствие демона. Мышцы быстрее мыслей атаковали врага. Руки уже оторвали гадине голову, когда я осознала, что мои ноги только начинают материализовываться. Резко прокрутилась вокруг своей оси. Больше ничто опасности не предвещало. Юська, кажется, умирала. Я подхватила ее и начала вытаскивать. Вытаскивать в

наш мир. Где-то за спиной мелькнула тень Бесконечности. Прости, дорогая, не до тебя сейчас.

Нас потащило в странном бурном потоке. Я попыталась найти хоть какой-то ориентир. У реки, или что это такое есть, должно быть дно, берег… В одной руке – совершенно беспомощная Юська, второй я изо всех сил гребла против течения. Еще немного – и не хватит воздуха.

В красной пелене бурлящего потока стало щипать глаза. Но он светится, это не чернота! Значит, выход есть! «Юська, мы выплывем! Держись! Не умирай!» – мысленно просила я, начиная захлебываться в кислой, с металлическим вкусом крови, воде. В этот момент какая-то сила выдернула меня наверх.

Я ухватилась за спасителя свободной рукой и с грохотом вывалилась в свой мир.

Экспериментальные колбы и ванны Расты частично были опрокинуты. Белоснежный кафельный пол стал непроходимо скользким из-за разлитого нами бульона, в котором я только что варилась, путешествуя по бесконечности. Раста, а это именно она пришла мне на помощь, шлепнулась рядом со мной и бездыханной Юстинианой в лужу ржаво-кровавого цвета.

– Ой-ё! – только и смогла выкрикнуть ошарашенная экспериментаторша.

Я была счастлива, что бурлящий поток не вырвал из моих рук бесценную добычу.

Юська была со мной. Конечно, если бы не помощь Расты, ее цепкая хватка удивительно сильных рук, я бы не выплыла. Но радость была недолгой. Юська не собиралась приходить в себя.

Раста уже держала пальцы на сонной артерии моей подруги.

– Мы ее теряем! – закричала она мне.

Я попыталась встать на ноги и тут же опять упала на колени. Так на четырех опорах я прокатилась до кушетки и сдернула с нее простыню, чтобы хоть чем-то затянуть ужасную рану на боку Юстинианы.

Перевязав, точнее, обернув тканью Юськин бок, Раста скомандовала:

– Перетащим ее на кушетку!

Так же на четвереньках мы доскользили вместе с умирающей до стены, где рядом с кушеткой сверкали безупречной стерильностью стеклянные шкафы с бесконечным количеством пузырьков и склянок.

И закипела работа.

Раста то падала, то вскакивала, хватаясь за дверцы, но при этом ухитрялась не только не разбить добытый флакон, но и не расплескать из него ни капли. Один раз даже, как перевернутый

жучок, катилась на спине до противоположной стены лаборатории, удерживая в одной руке штатив с пробирками, а в другой – колбу с дымящейся жидкостью.

Губы ее беспрестанно шептали какие-то могущественные заклинания. Я видела вокруг нее фиолетовую искрящуюся ауру. Также скользила по ее команде к шкафам за необходимыми препаратами.

– Надень очки! – заорала мне Раста.

Я восприняла это как ругань за промедление в поиске нужного препарата, но в этот момент под потолком включились мощные ультрафиолетовые лампы. Острый запах озона обжег ноздри.

Наконец изорванный бок Юстинианы оказался хоть и перештопанным невероятным образом, но целым, а не той разорванной зияющей раной, из которой, по словам Расты, «вся анатомия торчит наружу». Некоторые швы уже начинали запаиваться под умелыми заклинаниями врачующей Расты:

– Из тьмы – к свету! Путем боли – в сонную долину красных маков, что желтеют на ветру, несущем свежесть! Легкое перышко полетит к каменной реке вдоль розовых берегов цветущего вереска… Блин! Да чтоб тебя! Ядрена вошь!

У меня глаза на лоб полезли. Ничего себе врачевательные термины!

Но Раста вывела меня из ступора куда более приземленным образом.

– Кровь нужна! Немедленно! – прокричала она и моментально воткнула иглу себе в вену.

Какое-то мгновение спустя, растерев образец свей крови на предметном стеклышке, она опять выругалась:

– Не подходит! – И схватила меня за руку: – А ну-ка, дай сюда!

Ей даже не пришлось использовать иглу – кровь еще сочилась из ссадин на моем предплечье, оставленных когтями спасающей нас Расты.

– У меня кровь… – Я попыталась рассказать о переливании, сделанном мне Драконом.

– Подходит! – заключила Раста, уже закончившая анализ.

Игла тотчас вонзилась мне в вену без всяких разговоров.

– Идеально подходит, – почти пропела Раста. – В любом случае наш донор – ближайший родственник, – мурлыкала она, обращаясь к шприцам.

Хотя меня и прежде бесила манера Расты разговаривать со мной, как с бессловесным подопытным кроликом, но даже в этой суматохе меня изумили ее выводы.

– То есть как родственник? – переспросила я. – Фигурально?

– Буквально, – передразнила меня Раста. – После будете копаться в вашем генеалогическом древе. Ложись!

Я легла на кушетку, прямо на ноги едва дышащей Юстинианы. Мои ноги постоянно падали с края кушетки вниз. Раста ловила их, поднимала, придавливала животом и продолжала колдовать над нами обеими.

Меня уже стало уводить от ощутимой кровопотери. Раста опустила мою голову пониже, чтобы облегчить путь кровотоку. Губы потрескались и пересохли, Раста влила мне в рот восстанавливающий настой. Бордовая пелена начала потихоньку подниматься с век.

– Все! – Раста выдохнула это с тем облегчением, какое может означать только усталость и победу. – Живая!

Она отсоединила от моей руки темные щупальца капельниц. Я встала радом с ней, и мы замерли, ожидая того мгновения, когда Юстиниана откроет глаза. Смертельная бледность заливала ее лицо. Я вдруг поняла, сколько лет прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз. Передо мной лежала красивая молодая женщина, которая отдаленно напоминала восторженную романтичную девчонку из моего прошлого.

– Юська! – позвала я.

Ее ресницы дрогнули, и подруга открыла глаза. Казалось, вспыхнул легкий изумрудный разряд. А я ведь забыла, какие невозможно зеленые были у Юстинианы глаза. Нет, это все-таки слезы в лучах постепенно угасающих фиолетовых ламп вызвали такой невероятный эффект светопреломления.

– Хеля, – еле слышно прошептали бескровные губы.

Мое сердце разрывалось от нежной радости, жалости, страха потери и еще какого-то невероятного коктейля навалившихся на меня чувств. Я целовала подругу, стремясь хоть как-то согреть совершенно ледяные пальцы и щеки.

– Очень романтично, – проворчала Раста, укрывая Юську верблюжьим пледом, неизвестно откуда взявшимся в ее лаборатории. – Так будет лучше.

Юська едва заметно улыбнулась мне:

– Хеля!

– Юська! – В ее взгляде я прочла восхищение и удивление.

Связав его со своими мыслями, я попыталась успокоить Юську:

– Ничего, мы наверстаем, мы вернем все, что у нас отняли… все эти годы!

– Какая ты… – Она, казалось, не могла подобрать слов. – Как ты?

Я понимала, что говорить ей сейчас вредно и думать – тоже. Рассказы о том, как я услышала ее зов, как нашла ее, что случилось с ней после той роковой битвы, еще впереди. И решила прервать нахлынувшие воспоминания совершенно неожиданным способом.

– Я… я научилась готовить, – почему-то выпалила я.

Юстиниана улыбнулась более заметно, так что на пересохших губах появились кровоточащие трещинки.

– А шить не научилась, – утвердительно проговорила подруга.

Какие-то секунды я не могла понять, о чем это она. Стоящая рядом Раста тоже посмотрела на меня вопросительно. Потом мы переглянулись и оглушительно расхохотались.

Я как вывалилась из чана с раствором совершенно голая, так и не удосужилась накинуть на себя хоть какую-то одежку. Раста тоже стояла в прилипшем к телу мокром, изорванном, перепачканном халатике.

Эта лабораторная эксгибиционистка не носила нижнего белья. И вот мы, такие красивые, решили порассуждать на тему домоводства.

Смеяться стало больно, но напряжение предыдущих событий было так велико, что смех не отпустил нас, пока мы опять не повалились на пол. Корчась в судорогах смеха, Раста протянула мне кусок марли примерно метр на метр:

– Прикройся!

– Себе оставь! – прохрипела я. – Если тебе этого хватит на набедренную повязку!

И мы опять покатились под кушетку, на которой лежала улыбающаяся Юська.

* * *

– Нас сразу кинули в бой. Сначала никто ничего не понял. Это было похоже… на игру, – наконец-то нашла нужное слово Юстинна. – Мы были как на практическом занятии, которое обязательно должно закончиться пикником. Казалось, еще немного – и рог протрубит «отбой», мы сядем на поляне вокруг костра и начнется разбор ошибок. Но все пошло по-другому. Я увидела, как демоны потащили Руташа! Он закричал! Так страшно закричал… Этот крик по сей день стоит у меня в ушах.

– Ты встретила его в том мире? – торопливо спросила я и вскочила на ноги. Первым порывом было попросить Расту опять забросить меня в поток Бесконечности, с которой я так и не

успела попрощаться. Хотя бы из вежливости надо сказать спасибо.

– Нет, там, кроме меня, никого не было, – ответила, опережая дальнейшие расспросы, Юстиниана. – И Сати после говорил, что выжила я одна. Почему – не знаю. Он говорил, что у меня особая кровь. Меня удерживали мощные заклинания. Я не должна была понимать, кто я и что со мной происходит. Так и было в самом начале. Но память постепенно возвращалась. Это было на Кавказе.

– Где? – не поняла я.

– В том мире тоже есть географические понятия, – пояснила Юстиниана. – Земля по-своему прекрасна. Она значительно больше нашего мира, но ее цивилизации развивались иным путем. Наверное, наши ученые могли бы больше рассказать о теориях развития миров, ты же знаешь – у воинов магического монастыря своя ниша знаний. А избыточные знания лишь преумножают скорбь.

На какое-то мгновение Юська погрузилась в себя, но справилась и вынырнула.

«Как дельфин», – подумала я, вспомнив призывные сны о чужом мире.

– Я жила словно во сне. Мое существование состояло из двух ощущений: боль и покой. Их чередование даже радовало. По крайней мере хоть какое-то разнообразие. Боль – это когда Сати питался мной, покой – все остальное время.

Юстиниана вздрогнула, и у меня по коже пробежали мурашки. Я только сейчас осознала, в какой ужас провалилась моя подруга… или сестра. Я взяла Юськину ладонь и крепко сжала тонкие пальцы.

Справившись с собой, она продолжала:

– Позже Сати понял, что я скоро иссякну. А сил, по-видимому, я давала ему в избытке. Он стремился сместить равновесие Земли и привести ее к новой войне. Войны дают демонам пищу. Чужая боль, страдания, плоть возрождают их силы, они выбираются из нижних миров. Они стремятся к захвату мира людей. Война – самый верный способ. Моя кровь расширяла его влияние. Он принимал различные формы, мог длительное время находиться на солнце, которое обычно было для него губительным. Мог даже ступить на священную землю. Ненадолго, но мог. Чего с ним не случалось никогда прежде. А это путь к власти, к которой он стремился. Так или иначе, но Сати ослабил морок, и я смогла видеть, осязать и слышать. Мы посетили много прекрасных мест, я слышала музыку того мира, дышала ароматами цветов и рек. Но каждый раз, видя восхищение в моих глазах, Сати повторял: «Смотри, Изольда! Скоро все это будет

нашим. Разве я не сделал тебя счастливой!»

– Изольда? Кто это? – спросила я.

– Когда демон свалил меня и потащил за собой, я успела скрыть свое имя. – Юстиниана робко улыбнулась. – Помнишь, Хеля, в монастыре меня никогда не наказывали. Даже несмотря на наши шалости, я всегда выходила сухой из воды.

– Ну да, ты была предусмотрительной и всегда…

– Не в этом дело, – извиняющимся тоном перебила меня Юстиниана. – Я тогда попробовала заклятие, утаивающее имя. Подлинное имя скрывалось в хрустальный шар. Вроде вот оно – а ухватить его нельзя, и с зубов соскальзывает, и на языке не удержать. Я и не думала, что заклятие срабатывает, каждый раз думала, что просто повезло, а на деле видишь, как оказалось. Если бы Сати знал мое настоящее имя, я бы не смогла спасти свою душу. Он много раз пытался найти его. Но каждый раз хрустальный шар ускользал от ударов и попыток вскрыть его, ускользал и жег серебром материю демона. Он пытался заставить меня обрести новое имя. Это имя – Изольда. Сати привез меня на Кавказ. С древних гор сосны спускались к морю. Он заодно устраивал свои темные дела. Как я говорила, его целью было разжечь войну. Но обычаи тех народов запрещают женщинам выходить на половину дома, где находятся мужчины, и наоборот. Так вот, там была маленькая девочка. Она, видимо, только начала учиться в школе и еще нечетко проговаривала слова. Она распевала какую-то песенку-считалочку:

Маленькая птичка,
Птичка-королек,
Помоги мне, птичка,
Выучить урок.
Я за это, птичка,
Дам тебе зерна,
Черной чечевички,
Желтого пшена…

Невероятно, но ритм считалочки позволил сохранить в памяти первые слова. За словами удержались образы… После этого случая я стала запоминать целые страницы стихов, и память постепенно возвращалась ко мне. Я стала понимать, что происходит вокруг. Трудно было скрывать от Сати свой интерес к поэзии, да и вообще интерес к жизни. Он мог догадаться в любой момент, и я бы опять погрузилась в беспамятство. Мне удалось частично стать Изольдой и сохранить себя как Юстиниану. Пришел день, когда равновесие стало необходимо нарушить. И

тогда я позвала тебя.

– Спасибо. – Я выдохнула. – Спасибо, что ты так верила в меня.

– Не сомневайся, в тебя я верила тогда и верю теперь. Однако я не знала, что произошло с тобой за эти годы, жива ли ты вообще. Ведь путешествие, в которое тебя отправили, казалось такой отчаянной авантюрой. Погибнуть у тебя было куда больше шансов, чем у оставшихся в монастыре...

– Тогда как же?..

– Голос крови.

– Голос крови? – воскликнула я пораженно.

– Я помню, было полнолуние, луна поднималась над горизонтом в багровом ореоле. Я подняла к ней руки и обратилась к древнему женскому началу Земли: «Лилит! Голосом крови заклинаю тебя! Позови!» На лунном диске какое-то мгновение проецировался твой облик. В эту минуту с сосен сорвались и полетели совы. Почему-то лунные глаза тех птиц стали у меня ассоциироваться с тобой. Даже в те дни, когда беспамятство поглощало меня… Знаешь, ведь Сати никогда не отпускал меня полностью.

Я с ужасом подумала, что Сати не отпустил Юстиниану и сейчас. Ее воспоминания все время вращались вокруг него, и она слишком часто повторяла его имя.

– Про сов я еще тебе расскажу, – улыбнулась я. – Вернее, покажу. А вот демон? Как его правильно зовут: Сата или Сати?

– Сата – это его имя, а Сати... Ему нравилось, когда его так называли, в этом было что-то ласковое.

Едва Юстиниана нашла определение имени Сати, я осознала, что спасать ее нужно немедленно. Демон так и не отпустил свою пленницу до конца. Есть скрытая от посторонних глаз река, чьи зеленые воды несут забвение… Когда-то мне рассказывал об этом Тимур, воин и командир боевого отряда.

Тимур! Вот кто смог бы нам помочь. Он один из немногих знал путь к реке Забвения.

Как могла, я поведала обо всем, что со мной произошло за эти годы. Юстиниана слушала, прикрыв глаза. Временами ее губы трогала улыбка, а порой по лицу пробегала тень тревоги. Услышав в завершение рассказ о навязанной эльфийским венком свадьбе с Штормом, на самом выдохе моего возмущения Юстиниана вдруг выказала удивительно категоричное суждение:

– Тебе необходимо последовать традиции и выйти за него замуж. Если, конечно, ты его любишь. Что может быть лучше, чем следовать пути, которым тебя ведет судьба? Ты пришла в цитадель, преодолела испытания, выпавшие на твою долю, и вот

она, цель пути: торжество любви и дорога к миру.

– Лирика! Дурацкая, бесполезная лирика! – прервала нас Раста. Она уже удобно устроилась напротив меня с дневником для записей в переплете из темной кожи.– Начинай рассказывать все подробно с самого момента погружения!

Я умоляюще посмотрела на нее:

– Давай завтра, я так устала!

Неумолимая Раста покачала головой:

– Завтра это будут уже другие воспоминания, мы и так упустили время с этими реанимациями.

Я вздохнула и начала повествование. Хотя и было искушение сократить рассказ, но она дала слово. Раста быстро и сосредоточенно записывала за мной, обращая расплывчатые образы в четкие бисерные строки.

* * *

Наконец-то уборка в едва не разгромленной лаборатории была закончена. Белоснежный кафель сверкал ослепительной белизной. Множество склянок, как солдаты самой дисциплинированной армии, заняли определенные порядком места.

Раста подошла к зеркалу и с удовлетворением оглядела себя. Ущипнула пальцами розоватые соски, чтобы четче обозначить упругость груди. Гость запаздывал. Но она на него не сердилась, скорее, наоборот, была признательна за лишние полтора часа передышки после глобальной уборки.

Ей и в голову не пришло бы назвать их встречу свиданием, но то, с какой тщательностью она подобрала полупрозрачный халат, как торопливо перезаколола роскошные белокурые волосы, пожалуй, с десяток раз за вечер, выказывало ее искреннее желание понравиться гостю.

* * *

Утром Хельга с еще бледной и слегка отрешенной Юстинианой яростно давили на звонок, пытаясь попасть в лабораторию Расты. Осознав, что от приложенной силы интенсивность звона не увеличивается, Хельга обрушила на антикварную дубовую дверь удары сапогом. Он такой непочтительности лица резных херувимчиков скривились, а равнодушная Юстиниана удивленно приподняла бровь.

– Да что там, все вымерли? – в сердцах крикнула Хельга.

Юстиниана восприняла ее выкрик буквально.

– Погляди, Хеля. – Она наклонилась к замочной скважине.

В щели торчал обломок ключа. Хельга на секунду задумалась и в следующий момент попыталась высадить тяжелую дверь плечом.

Юстиниана пошарила в дорожном мешке подруги и вытащила оттуда флакон с благовониями, салфетку и щипчики для ногтей.

– Хеля, ты очень дорожишь этими вещами? – спросила Юстиниана тяжело дышащую, раскрасневшуюся подругу.

– Ну как тебе сказать… – начала Хельга.

– Ясно. – Юстиниана сгребла свою добычу в кучку поближе к двери. – Если этот ключ вставили в замок, значит, он по крайней мере близок к соответствию, просто что-то помешало…

Хельга с интересом смотрела, как Юстиниана по стеклянной палочке вливает драгоценное благовонное масло в чрево замка. Затем подруга немилосердно разорвала тончайший платок на две части: одной вытерла ненужное масло с обломка ключа, а вторую намотала на него и ухватилась щипчиками, сминая их тончайшие лезвия. Юстиниана покачала ключ, и, наконец отщелкнув, тот поддался и провернулся в замке.

– Ах вот как! – проговорила Юстиниана.

– Что «как»? – переспросила ее Хельга.

– Ключ родной, просто тот, кто закрывал дверь, не знал, что у этого замка нет второго оборота. Силы у него достаточно, а вот информации об этом замке не было. Он спешил.

Хельга осторожно толкнула тяжелую дверь, и девушки замерли на пороге. Их взорам предстало ужасное зрелище.

На операционном столе в мертвенно-фиолетовом свете лежало растерзанное тело Расты. Золотым каскадом спадали белокурые волосы, а по беспомощно упавшей руке тянулась тонкая красная линия.

Лужи запекшейся крови нелепыми черными озерами окружали стол. В одну из них некто неосторожно наступил, и отпечатки подошв его обуви обозначили передвижения вероятного убийцы.

На столе, куда вели кровавые отпечатки, еще дымился дневник Расты, точнее, то, что от него осталось. Хриплым голосом Хельга пояснила:

– Заклятие… заклятие на открывание. Если посторонний захочет открыть дневник без ведома хозяйки, текст испепелится.

Юстиниана осмотрела несчастную:

– Она умирала долго.

– Ее пытали, – догадалась Хельга.

– Желанный гость, – показала на сервированный вечерний столик в углу лаборатории Юстиниана.

Девушки, как мозаику, собирали картину ночной трагедии.

– Смотри! – Юстиниана указала на кушетку и почти скинутый плед. – Гость запоздал, причем на довольно-таки большой срок. Она приготовилась к встрече, но его все не было, и Раста легла спать.

– Бедняжка! – воскликнула Хельга. – Вот откуда этот плед… Все было посвящено науке, она даже не уходила домой, чтобы не тратить время. Тут и проходила вся ее жизнь. Эта холодная кушетка…

– Чем этот гость, – продолжила Юстиниана, – мог ее так очаровать, чтобы она пустила его в святая святых – свою лабораторию?

– Только одно: знания и ум. Иначе бы они встретились в другом месте. И все-таки встреча носила романтический характер, по крайней мере, с ее стороны, – указала Хельга на обрывки халатика.

– И он имитировал личную заинтересованность с помощью весьма изысканного букета. – Юстиниана подошла к вазе с охапкой роскошных розовато-белых цветов, источающих нежнейший аромат. Аромат, который ни с чем не спутаешь.

– Эти цветы – из того, чужого мира? – предположила Хельга. – Я уже когда-то их видела…

– Эти цветы – пионы. Они родом из того мира, где Сати вершил свои дела, – пояснила Юстиниана.

После непродолжительных поисков в дальних уголках памяти Хельге удалось восстановить в памяти тот момент, когда она впервые вдохнула этот незабываемый аромат. Это был праздник летнего солнцестояния, один из немногих, которые разрешалось праздновать в стенах монастыря. Как Хельга узнала позже, он совпадал с днем рождения самой настоятельницы.

…Подруги тогда учились на младших курсах, а настоятельница всегда уделяла малышам больше внимания, отслеживая развитие их магических способностей. В тот день Хельга и Юстинна собирались сказаться больными, чтобы, пользуясь всеобщим празднованием, заняться более интересными делами. А именно: продолжить исследование подземных ходов под монастырем.

Хельга постучала в кабинет настоятельницы, зажав в руке направление целителя.

– Войдите! – Довольство в голосе начальницы не смогла скрыть даже закрытая дверь.

Хельга вошла, и в нос тут же ударил чудесный аромат, отдаленно напоминающий розы, но совершенно неповторимый. Настоятель монастыря как раз ставил чудесный букет в огромную, соответственно букету, вазу. Хельга молча подала настоятельнице бумагу, та принялась изучать корявый почерк целителя.

– Еще раз с днем рождения, – поцеловал настоятель руку своей напарнице, управившись с букетом. – Встретимся на празднике.

Настоятельница кивнула, не отрывая взора от бумаги, отец Хельги, очень довольный собой, вышел, прикрыв дверь…

Полазить по подземельям девчонкам тогда не удалось, настоятельница быстро раскусила их авантюрную идею с мнимыми заболеваниями, но сейчас это было не главное. Хельга точно поняла, кто был ночным гостем Расты.

– Неужели это мой отец?

– Отец?

– Много лет назад меня поразил этот незнакомый аромат. В день рождения настоятельницы отец подарил ей такой же букет… Он расскажет мне все! Немедленно! – Хельга выхватила из вазы один цветок и выбежала прочь.

Юстиниана с грустью посмотрела, как два оставшихся цветка скрестили бледно-зеленые стебли, словно ставя крест на еще не отцветшей жизни, которую на мгновение озарили своей обманчивой нежностью.

Юстиниана еще раз обошла лабораторию, пытаясь понять, что именно искал гость, что он нашел и что ему помешало.

Судя по следам, это был крупный мужчина с тяжелой поступью. На столике низкокалорийные лакомства – значит, он, скорее всего, обременен лишним весом. Мало похоже на настоятеля. Незнакомец спешил… В любом случае он не стал тратить время на угощение. Вот здесь гость впервые напал на Расту. Опрокинутые штативы и горшочки с растениями указывали на место борьбы. Раста не успела воспользоваться никакой защитой. Убийца легко затащил свою жертву на стол, пристегнул ее ремнями и…

Юстиниана с ужасом осознала, как долго держалась эта хрупкая, беззащитная исследовательница, не раскрывая тайну, стоившую ей жизни.

Ее терзал опытный садист, терзал, не оставляя шанса выжить. Но не было ни одного умерщвляющего повреждения. Значит, смерть Расты была также внезапной и для убийцы. Значит, она не сказала ему того, что он у нее выпытывал. Сердце бедняжки остановилось, прервав жестокие пытки.

Вот он, судя по кровавым отпечаткам ладоней, даже попытался ее реанимировать. Ладони широкие. Нет, это не руки настоятеля. У того узкая аристократичная кисть.

Убийца, потеряв допрашиваемую, занервничал, его движения стали торопливы и хаотичны. Пытаясь вернуть Расту к жизни, отвлекшись, он, вероятно, и наступил в кровавую лужу. С этого момента его следы стали визуально очерчены.

Вот он у полок с книгами. Там ничто не привлекло его внимания. Он даже ничего не тронул. И, находясь здесь, он заметил лежащий буквально на виду дневник. Открыл его. Наверняка сам себя ругал за спешку… Мог бы догадаться, что такие вещи вряд ли оставят без защиты. Вспышка на мгновение его ослепила. Судя по нагару, даже могла обжечь. Вот полудуги от места, куда он поставил ладони. Обе ладони…

Юстиниана на секунду задумалась.

Значит, текст на двух страницах он все же успел увидеть. И если память у него достаточно хорошая, кое-что мог ухватить. Вопрос: что? Судя по обгоревшему корешку, это середина тетради. Юстиниана наморщила лоб, припоминая, как вчера сидела Раста, фиксируя события, описываемые Хельгой.

Да, пожалуй, дневник был раскрыт на середине. Значит, интерес гостя может иметь непосредственное отношение к Хельге и Юстинне.

– Он ушел, потому что уже светало, – заключила девушка.

Гость пришел поздно и натолкнулся на непреклонность и стойкость Расты, которой от нее не ожидал. Он надеялся, что исследовательница сама похвастается удачей с перемещением Хельги. Там, у стойки с растениями, когда еще не были скинуты маски, он спросил Расту об эксперименте и получил категоричный отказ поделиться информацией. Это буквально взбесило его…

Убийца явно спешит. Что-то узнав, он пойдет к тому, с кем у него единые цели. К тому, кому однажды он приносил пионы для оригинального подарка сослуживице…

Их там двое, а Хельга одна!

Юстиниана бросилась со всех ног догонять подругу.

* * *

Она нагнала Хельгу уже у дверей конюшни. Благородная Зара, почуяв тревогу хозяйки, чутко пряла ушами и только ждала, когда Хельга оседлает ее.

– Я с тобой, – безапелляционно заявила Юстиниана.

– А лошадь… – начала было Хельга.

– Я думаю, Раста не обидится… – Юстиниана уверенно направилась к рослому, светло-серой масти, нервно фыркающему жеребцу. По всей видимости, любимому коню мертвой хозяйки замка.

Хельга посмотрела на него с недоверием.

– Ого! Зверюга! Думаешь, справишься с ним? – спросила она подругу.

– Договоримся… – Юська закусила губу и с усилием откатила тяжелую дверь денника.

Огромный конь вздыбился, выкатил глаза и попытался поразить чужака ужасающими копытами. Юська, словно сияющая тень, ушла от двойного удара и вцепилась одной рукой за недоуздок, а второй – в задранную губу жеребца. Ее когти впились в нежный бархатный храп бунтующего коня. Он поднял ее в воздух, но боль и одновременно ласковый голос Юстинианы заставили его опуститься. Жеребец замер, выжидая либо удобной минуты, чтобы сорваться и сбросить со своей морды мучительницу, либо момента, когда настойчивые ласковые слова женщины будут удерживать его крепче жесткой хватки ее когтей.

В конюшне воцарилась особая тишина. В этой тишине звуки жили отдельно друг от друга. Слышно было, как алые капли крови падали с губ коня на его серебристую грудь, шелестел ровный голос Юстинианы, кузнечными мехами опадали конские бока, с шипением оседал пенящийся пот. Сердце магички, усмиряющей жеребца, начинало биться в унисон с ритмом сердца покоряющегося коня.

Хельга, заинтересованная происходящим действом, на какое-то время приостановила сборы. Она не предполагала, что Юська так быстро оправится после своего чудовищного плена. Но это единоборство с конем убедило ее, что Юстиниана вполне выдержит пятидневный переход. Подруге же она сказала только:

– Ну что ж, если с транспортом проблем нет, – едем!

Пока Юстиниана седлала жеребца, тот сорочил глаза, выкатывая розоватые белки, словно сомневался в своей покорности. Но Юська затягивала ремни уверенно и властно, не давая ему повода к ослушанию.

За ограду замка они выехали в сумерках. Теплый пар поднимался над землей, пели цикады, травы источали густой аромат. Лунный свет заливал окрестности. Птицы, покряхтывая, удобнее усаживались на гнездах, попискивали непослушные птенчики. Мотыльки роились, обещая погожий день. В целом мире, казалось, только две конные фигуры не покорились сонной умиротворенной дреме. Кони тихо пофыркивали, и ничто не

напоминало о страшном убийстве, погнавшем подруг в дорогу. Но их длинные тени стягивали сумрак из глубоких лощин. Чей-то жестокий и холодный взгляд пытался разглядеть след в примятой траве. Чьи-то ноздри втягивали теплый запах.

Юстиниана первой прервала молчание:

– Расту убил не настоятель…

Она вкратце рассказала Хельге о следах, оставленных ночным гостем. Хельга, сдвинув брови, пыталась мысленно привязать эфемерный образ к лицам, которые бы подошли под приметы убийцы. Совпадений не было.

– Кто-то извне, – наконец заключила она. – Кто-то из светского мира.

– Важно понять, что ему было нужно, и мы найдем его, – уверенно сказала Юстиниана, а затем тихо добавила: – Рано или поздно.

– Поздно нельзя! – решительно ответила Хельга, и послушная мыслям Зара перешла на широкую рысь.

Юстиниана укоротила повод, уловив интерес жеребца к гнедой красавице Заре.

Ночь становилась все более сырой, и воздух насыщался новыми ароматами Живьего леса.

Хельга оглянулась на Юську, одетую не по-походному:

– Что бы тебе придумать из оружия…

– Тут есть кое-что. – Юстиниана протянула руку. За седельной сумкой была пристегнута короткая шпага. – Выбирать было некогда, только то, что нашлось в конюшне, – извиняющимся тоном проговорила она. – Видимо, Раста любила изящные искусства.

– Ну, что есть, то есть! – Хельга скрыла невольную радость, что не придется делиться мечами.

Постепенно просека сужалась в неширокую тропу. Мох свисал с угрюмых древних деревьев рваной ветошью – будто выцветшие знамена минувших веков встречали долгожданных гостей. Почва сырела, и копыта коней уже оставляли глубокие лунки, быстро заполняющиеся мутной водой.

Рассвет наступил скоро. Пронзив лес золотыми шпагами лучей, он окрасил верхушки лесных трав в нежно-розовый цвет, изумительно переливающийся капельками росы на ковре густой сочной зелени. Ночь отступила, как мимолетное недоразумение, и солнечное тепло сначала ласково окутало плечи всадниц, а затем навалилось и придавило, заплечным грузом утомляя коней и путешественниц.

– А что, искупаемся в Живице? – предложила Юстиниана. – Все-таки сутки пути.

– Экой ты стала неженкой! – неохотно согласилась Хельга.

Она и сама была не прочь освежиться в животворных потоках реки, но смутная тревога не покидала ее. Чувство, что за спиной у них нечто большее, нежели они предполагают.

Юстиниана истолковала ее ворчание по-своему:

– Времени почти не потеряем. Разденемся и войдем вместе с лошадьми, искупаемся, коней заодно искупаем – и вплавь на другой берег.

– Можно, – согласилась Хельга. – Только бы русалок не потревожить.

Они скинули одежду, свернули ее и приторочили к седлам. Серый жеребец прял ушами, радостно фыркал, с наслаждением заходя в воду.

Какое-то мгновение они были просто счастливы. Свежесть и радость серебряных струй живой воды накрыла их, смыла дорожную грязь и тяжелые думы. Отступили черные тени под крутые берега. Стайки верхоплавок играли на солнце радужной чешуей. Водяные лилии источали сладкий, успокаивающий аромат. Синий зимородок высматривал мальков и нырял за ними, поднимая искрящиеся фейерверки брызг. Но струи воды наконец донесли весть об их присутствии русалочкам, которые играли в тени обрывистого берега, раскачиваясь в гамаках из плетеного тала. Те ощутили аромат пришельцев и потянулись вверх по течению.

Хельга первая почувствовала неладное.

– Русалки приплыли. – Она потянулась к мечам.

– Подожди! – Благоразумная Юстиниана перешла под мордой жеребца на сторону, где был тюк с вещами и оружием, но не касалась его. – Мы им вряд ли интересны…

– Ага, только не ты! – воскликнула Хельга, указывая на косяк хвостатых дев, устремившихся к Юське.

– Только не я, – нахмурив брови, согласилась Юстиниана.

Русалки и впрямь совершенно не интересовались магичками и Зарой. Они обступили серого жеребца, обвили его ноги и тянули бледно-зеленые руки к его морде. Жеребец засветился серебристым свечением.

– Ах вот оно что! Тварь из Живьего леса! – усмехнулась Хельга. – Вот из каких табунов Раста себе лошадку подыскала.

Жеребец нагнул голову и целиком погрузил ее в воду. В тот момент, когда он поднялся над водой, за ганашами у него распрямились бахромчатые, как у тритона, жабры, хвост, ставший плавником, ударил по воде.

Юська с сожалением провела рукой по гладкой шее.

– Ты хочешь вернуться домой, к своей стае? – Она легко сняла

с него уздечку и подхватила узел с вещами. – Я знаю, как трудно быть в чужом мире! – Девушка посмотрела в черный омут его глаз.

Хельга с грустью подумала, что сделать-то они ничего не могут. Не рубить же русалок, чтобы потом ползти на водяной ящерице до монастыря.

Русалочки потянули полуконя-полутритона за собой. Но тот медлил. Затем еще раз наклонил голову, нырнул, и снова над поверхностью воды возвышалась благородная голова серого жеребца. Русалочки разочарованно вздохнули. Одна из них сняла со своей головки венок и бросила на уши коню. Стебли водяных лилий свились в подобие уздечки.

– Добро пожаловать в добровольцы! – пошутила Хельга. Ее потихоньку отпускало напряжение, которое предшествует битве.

– Скорее похоже на народное ополчение, – мрачно заметила Юська.

– Надо спешить, – согласилась Хельга.

Они стали вплавь переправляться на другой берег Живицы. Русалочки сопровождали их, вытянувшись неровным клином. Уже выйдя на золотистый песок противоположного берега, Юська обернулась к воде.

– Я обещаю беречь его, – сказала она, легонько похлопав Тритона по шее. Тот вытянул голову и отряхнулся, окатив Юську брызгами с головы до ног.

– Очень трогательно, – рассмеялась Хельга и в этот момент получила свою порцию душа от Зары.

Юська довольно улыбнулась и, ухватившись за холку коня, легко запрыгнула ему на спину. Хельга с легкой завистью посмотрела на украшенную лилиями уздечку.

– Ничего, Зара, я тебе еще лучше уздечку куплю.

Зара благодарно пряла ушами.

– Если не будешь брызгаться, – назидательно добавила Хельга.

Они отъехали уже достаточно далеко, когда от реки донесся невнятный шум. Над их головами пронеслась стая птиц.

– Странный крик у этих пернатых, – обратила внимание Юська. – Похоже на смех и плач одновременно.

– Живий лес, – веско заметила Хельга.

Они и догадаться не могли, что сверкающие воды Живьей реки стали мутными от крови добродушных русалочек.

Следом за Хельгой и Юстинианой к берегу приблизился всадник в черном дорожном плаще.

Смеясь, зеленовласые девицы поплыли к спустившемуся к реке всаднику. Играя, приблизились к гостю, в надежде

позабавиться. Они улыбались путнику и манили его к себе. Но у него были иные намерения. Узкий азиатский клинок, описывая почти невидимые глазу круги, нес стремительную гибель. Чары русалочек были бессильны… Тоненькие руки и стебельки водяных лилий срезала безжалостная коса. И Живица утащила их разрубленные тела под коряги, чтобы спасти тех, в ком еще теплилась искра жизни.

А птицы были штандартом реки, взывающей о помощи. Молодым магичкам и в голову не пришло прочесть этот призыв. Вернись они или, еще лучше, устрой засаду на своем следе – скольких бед могли бы избежать. Но они спешили. Спешили за тем, что следовало за ними по пятам.

Хотя магический фон был спокоен, Хельга выставила несколько простеньких ловушек. На всякий случай. И хотя преследователь отмахивался от Хельгиных заклинаний, как от мошкары, он все равно терял драгоценные минуты.

Подруги вполне сносно заправились в придорожной харчевне и захватили припасы с собой, чтобы до минимума сократить время привалов. Лошади, обладающие недюжинной силой, словно осознавали важность этого похода. Еще не истекли пятые сутки, а девушки уже оказались у стен монастыря.

* * *

– Как мы попадем внутрь? – спросила Юстинна, когда они спешились.

– Нам не нужно внутрь, – ответила Хельга. – Он сам сюда выйдет. Где-то здесь, – она неопределенно показала на протяженность стены в несколько локтей, – должен быть потайной выход из подземелий под монастырем. И если настоятель причастен к смерти Расты, то обязательно скоро появится.

– Ты послала ему почтовую сову с требованием раскаяния? – хмыкнула Юстинна.

– Намного лучше. Ему отправил весточку местный леший. Сообщил, что сюда придет человек с посланием от твоего Сати.

– Совсем с ума сошла? – возмутилась Юстиниана.

– Почему? – не разделила недоумение подруги Хельга. – Если он ни при чем, то придет в сопровождении магистров с боевого факультета или совсем не придет. А если сотрудничает с демоном, который убил Расту, то придет, и обязательно один.

– И когда ты только успела все это придумать?

– Ходить дозором в одиночестве довольно скучно. Пока ты

спала на прошлом привале, я пообщалась с лешим, мы с ним старые знакомые, он мне благодарен за один дельный совет, вот и решил подсобить.

– Так ты караулила мой сон? – притворно разгневалась Юстинна, как она часто делала раньше, в далеком детстве.

– Вокруг было тихо и спокойно, тебе ничто не угрожало. – Хельга виновато опустила глаза, в которых так же, как и в глазах ее зеленоглазой подруги, поблескивали веселые искорки.

– Ладно, а сколько будем ждать, если он не придет? – спросила Юстинна, переводя разговор на волнующую тему.

– До вечера, думаю, хватит.

– А если он все-таки появится, нам нужно договориться, как построить разговор.

– У нас к нему столько претензий, что только оправдываться будет успевать, когда вдвоем насядем.

Однако внезапно появившийся за их спинами настоятель все же успел перехватить инициативу:

– Как я вижу, почти вся семейка в сборе?

– Что ты этим хочешь сказать? – нахмурилась Хельга.

– Сестренки. По отцу конечно же, – с издевкой улыбнулся настоятель. – Но вам грех жаловаться, девочки, вы не можете попенять мне на то, что я не занимался вашим воспитанием.

Юстиниану его заявление ошеломило. Хельге показалось, что известие Юська приняла более близко к сердцу, чем она сама. Хотя издалека все уже видится иначе. В ушах прозвучал голос Расты: «Завтра это будут уже другие воспоминания».

Хельга швырнула цветок пиона отцу в лицо, розовые лепестки осыпались на холодные плиты неухоженной, почти заросшей дорожки:

– Раста мертва! И ты к этому причастен!

Настоятель не смутился:

– Не буду отрицать, я действительно имею представление о том, кто это сделал. И, пожалуй, причастен, но не больше, чем вы обе.

Хельга с Юстинианой недоуменно переглянулись.

А вновь обретенный отец тем временем продолжал:

– Допустим, я знаком с тем, кто непосредственно убил вашу приятельницу. Кстати, ему не нужна была ее смерть, более того, их союз мог стать продолжительным и плодотворным. Дурехе не надо было быть такой высокомерной и упрямой.

Желание Хельги перерезать горло этому мерзавцу, говорящему с ними надменным менторским тоном, было столь велико, что Юстиниана почти физически ощутила ее движения и удержала за руку. Пальцами она сжала ее запястье, словно

убеждая: «Пусть говорит. Так мы узнаем больше…»

Хельга ответила ей коротким пожатием: «Поняла». Но ей пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать себя.

Все-таки Юська всегда была здравомыслящей и сдержанной. Хельга заскрипела зубами, но осталась неподвижной.

Настоятель, видимо соскучившись по аудитории, с которой мог быть хоть сколько-нибудь откровенным, продолжал:

– Много лет назад я оказался перед похожим выбором. Мое решение было верным, я получил деньги, власть, положение, жизнь, наконец! А плата весьма незначительна: мои научные теории проверяются на других мирах, а интересы нашего сообщества почти не страдают.

– Я – тоже плата? – не сдержалась Юстиниана.

– В некотором роде.

– Моя смерть… – начала Юська.

– Минуточку! А с кем я сейчас разговариваю? С покойницей, что ли? – Настоятель насмешливо скривил тонкие губы.

– Ты знаешь, что со мной случилось? – вздрагивающим от волнения голосом спросила Юстиниана.

– Скажем так, я выдал тебя замуж. Немного далеко от дома, что неудобно, не спорю, – продолжил, не меняя гримасы, новоявленный отец. – Супруг твой пользовался твоим телом, а разве другие поступают иначе? Однако ты ни в чем не нуждалась…

Такого удара от Юськи Хельга не ожидала! Движение было похоже на порыв ветра. Юська словно телепортировалась через завибрировавшее пространство и врезала настоятелю с такой силой, что Хельга могла гарантировать: отцу придется минимум четыре зуба наращивать у монастырских лекарей. Настоятель отер рукавом кровь и, сплюнув зубы, продолжил, не меняя наставительного тона. Правда, теперь речь его не была такой четкой:

– Я вижу, ты быстро восстанавливаешь силы, дочь!

– Четыре! – с торжеством выпалила Хельга.

Даже настоятеля она выбила из выбранной им колеи разговора:

– Что «четыре»?

– Четыре зуба, отец, – ухмыльнулась Хельга. – Такой удар стоит не меньше четырех зубов, и я не ошиблась.

Настоятель развел руками, как бы спрашивая несуществующих сторонних наблюдателей: «Ну и как с ними прикажете разговаривать?»

Хельга уже не питала иллюзий и обид. Обижаться можно на того, от кого ты чего-то ждешь, на чей счет еще питаешь

иллюзорные надежды. Она от мужчины, по какому-то роковому стечению обстоятельств подарившего ей жизнь, не ждала ничего. «Никакой лирики», – ей опять припомнилась растерзанная Раста. Итак, к делу.

– Кто твой сообщник? И что он ищет?

– Вы действительно не поняли, что натворили? – удивленно посмотрел на них настоятель.

Хельга помотала головой.

– Вы ввязались в игру, правила которой написаны в других мирах. Ты, – он указал на Хельгу, – с помощью Расты сумела достучаться до высших сил. Доступа туда практически нет – сколько сил было приложено, чтобы хотя бы приблизиться! А вы вот так запросто вошли в источник неограниченной энергии. Это все: власть, способности, бессмертие – настоящее бессмертие, а не простое долгожительство, которое вы нарекли бессмертием! Обладающего силой бесконечности невозможно убить, ему подвластны расстояние и время. – Настоятель развел руками, пытаясь отобразить открывающиеся перспективы.

– А ты, Юстиниана, – обратился он ко второй дочери, – обладаешь удивительной способностью посылать мысль и зов сквозь миры опять же к источнику силы. Но это полбеды. Ваши знания в конце концов могли бы дать возможность неплохо заработать. – Настоятель с грустью покачал головой. – Но как вы использовали эту возможность?

Он сделал паузу, и вдруг его голос взревел и раздвоился, повторяемый эхом:

– Вы ухитрились убить демона Сату! Сата когда-то был наказан отцом за непослушание, так свойственное детям, но, очнувшись, он прозрел и весьма уверенно шел к захвату власти над тем миром. И вдруг такого сильного бойца, закаленного на протяжении тысячелетий со времен девятнадцатой династии фараонов, убивают, как кутенка, в отхожем месте! Убивает ничтожная магичка. Мо Ши, тот, кто осуществляет контроль над демонами миров, был опечален смертью своего родного сына. Немногих демонов он выращивал из капли собственной крови и влаги собственного дыхания. Он жаждет вашей крови! Он успокоится, лишь ощутив ваш последний выдох на своих губах. – Настоятель говорил с таким пафосом, словно это его душа желала возмездия. Наконец он завершил свою речь фатальной фразой: – И спасения, девочки, для вас я не вижу.

– Ты слишком близорук, отец, чтобы видеть дальше своего носа, – съязвила Хельга. – Пойдем, сестренка, он сказал все, что мог.

– Да, кстати, – раздался им вслед насмешливый голос отца.

Он, видимо, уже нарастил недостающие зубы. – В следующий раз придумайте что-нибудь поинтересней, чтобы вызвать меня.

– Я вызвала, и ты пришел, – надменно сказала Хельга.

– Я не был лично знаком с Сатой, и он не смог бы попасть к нам, по крайней мере, сейчас. – Отец явно был в настроении. – Я прекрасно знал, с кем увижусь.

Девушки вышли на улицу. Лица у обеих горели, словно они подхватили скоротечную лихорадку. На душе было пусто, и тревога серой тенью следовала по пятам.

Прохладный порывистый ветер ударил по щекам, принося с собой отрезвляющую свежесть.

– Я рада, что у меня есть сестра. – Хельга сжала руку Юстинианы.

– Я тоже. – Крепкие объятия девушек дали выход накопившемуся напряжению.

Некоторое время они простояли, ощущая крепко связывающее их единство крови и духа.

Внезапно издалека донесся протяжный тоскливый собачий вой.

Юстиниана вдруг словно у самой себя спросила:

– Интересно, на какую из двух лун он воет?

Хельга не знала, кого имеет в виду Юстиниана, но поняла, что этот голос – из того мира.

– Идем! – сказала она. – Надо быстрее найти этого Мо Ши, пока он не нашел нас.

* * *

На ковре, расшитом бледно-сиреневыми хризантемами, полулежал огромный мужчина. Слуга принес ему пиалу с водой, в которой плавали лепестки розовых пионов, и горячее полотенце.

– Не желает ли хозяин, чтобы я омыл его руки? – Слуга склонился в почтительном поклоне.

Мо Ши, не глядя, протянул ему ладони: кровь и черный нагар с трудом сходили с ухоженных кистей господина.

– Отполируй мне ногти.

Слуга из кармана своего фартука моментально извлек хрустальную пилочку и принялся полировать и без того безупречные ногти.

– Достаточно, – вдруг с внезапной яростью выпалил хозяин. – Уходи.

Слуга поклонился и отошел за ширмы, приготовившись в любой момент явиться на призыв господина. К нему подходили

низшие слуги с не менее почтительным поклоном и подставляли правое ухо, чтобы разобрать шепот распоряжений.

Мо Ши тем временем придвинул к себе нефритовую шахматную доску и задумался. Затем он поднял с доски ладью и бросил ее в коробочку для поверженных фигур. С его руки сорвался прилипший во время омовения розовый лепесток и накрыл точеную фигурку. На доске разыгрывался сложнейший этюд, и Мо Ши коснулся толстым пальцем вражеского слона:

– Ты – следующий!

Голубоватый дымок курений горизонтальными паутинами повис в комнатах, погружая хозяина в благодушный сон. Колокольчик отсчитывал дни отдыха. Не более одного удара в день. Хозяину нужно было успокоиться и подумать…

* * *

За витражными ширмами послышалась возня. Оттолкнув слугу, вставшего на его пути, к Мо Ши вошел невысокий, коренастый мужчина. Грязная вода струйками стекала на пышный ковер с его дорожного плаща. Слуга умоляюще протянул руки, тщетно пытаясь оградить хозяина и его имущество от столь бесцеремонного вторжения, но ни ночной гость, ни сам Мо Ши не обратили никакого внимания на его пантомиму.

– Говори! – приказал Мо Ши визитеру.

Гость расстегнул заколку у ворота, и тяжелый дорожный плащ рухнул к грязным ботфортам.

– Господин, – начал он деловито, – зачистить следы вашего визита мы не успели. Магички оказались в замке прежде меня. Защиту эти дамы выставлять умеют – чтобы ее взломать, пришлось бы повозиться не меньше суток. Поэтому я поставил свои затворы и выехал за ними следом. Я пытался нагнать их в пути. Но это оказалось не так-то просто. Их лошади резвее, к тому же все время возникали препятствия…

В памяти преследователя промелькнули образы полунагих речных дев. Внезапно осыпавшиеся плоды железных каштанов, превративших ноги его коня в кровавые лохмотья. Тропинки, которые переплетались между собой, каждые две минуты меняя направление, – если попытаться постичь их логику, можно было сойти с ума. Но это лишь утомительные детали, нет смысла на них останавливаться, когда речь идет о сути.

Гость продолжал:

– У стен монастыря я нагнал их, но соваться туда было бы самоубийством и предательством одновременно. Я остался ждать

поблизости. В монастыре они провели не более получаса и тут же отправились в обратный путь. Через четыре мили моя лошадь испустила дух…

Мужчина позволил себе короткую паузу в отчете. Ни слова не было сказано о том, как пинал он загнанное умирающее животное. Как грозил кулаком и слал проклятия удаляющимся в клубах дорожной пыли всадницам. Как, бросив все лишнее, припасы и оружие, он полуходьбой-полубегом отправился вслед за магичками. Этот экономный бег позволил ему добраться до ближайшего постоялого двора. Он уже не мог говорить. Сделал глоток воды, но не проглотил ее, а лишь прополоскал колючий и сухой рот. Вода сейчас убила бы его. Хозяин трактира наблюдал за ним с нескрываемым презрением. Мужчина в грязной дорожной одежде указал ему на денники и бросил на стойку золотую монету.

Догадавшись о важности сделки для путника, трактирщик решил не упускать свой шанс. Он покачал головой и показал два пальца, предполагая, что имеет дело с немым. Темноволосый протянул руку к поясу, и в этот момент сверкнула узкая полоска металла. Это был блеск стали, а не золота. Хозяин постоялого двора упустил свой шанс стоимостью в одну золотую монету, за неверный расчет он заплатил жизнью.

Деревенская лошадь была хоть и не резва, но вынослива. Магички, следуя обратно тем же путем, изучали следы погони и тем самым давали время преследователю сокращать расстояние между ними. Но Лим, так звали черного всадника, не привык жаловаться или просить снисхождения для себя. Он упомянул этот досадный инцидент с лошадью лишь затем, чтобы пояснить следующее:

– Это дало им приличную фору и возможность прочесть следы преследования. Сейчас они в Софьянграде, в доме с весьма хорошей защитой. Магических запоров там немерено, незаметно проникнуть не получится…

Мо Ши слушал его, закрыв глаза. В какой-то момент спокойствие сменилось яростью. Он смел фигуры с шахматной доски, опрокинув сервированный поднос, резко поднялся с подушек и подскочил к Лиму. Словно гора, возвышался Мо Ши над неудачливым гонцом. Его сверкающий гневом взгляд вперился в глаза Лима. Тот выдержал взгляд хозяина.

Мо Ши вдруг улыбнулся:

– Ну что ж, пусть так. Тем интереснее разыграется партия. Ты не должен упускать их из виду ни днем, ни ночью. Надеюсь, ты оставил наблюдать за домом достаточно соглядатаев?

Лим кивнул. Мо Ши продолжал:

– Отдохнешь пару часов и…

Дальше Мо Ши заговорил тихим шепотом. Лим утвердительно кивал.

– Смотри же, второго промаха я тебе не прощу, – заключил хозяин.

* * *

Тревожить Дарвингиля мне казалось не лучшей идеей. Молодожены и без меня найдут чем испортить идиллию медового месяца. Нерк занимался неотложными делами в Синтале. По всему выходило, что мне надо обратиться за советом, точнее за помощью, к Шторму. Но упрямство, обида и мой безбашенный характер не позволили мне сделать этот единственно верный шаг.

Я решила, что сама со всем справлюсь. Подумаешь, какой-то восточный деляга, вербующий старейшин! Предостережение отца мне казалось «козой-дерезой», которой пугают малолетних озорников во всех мирах. Но вот Юстиниана меня беспокоила по-настоящему. Временами она впадала в какой-то транс. А с того самого дня, когда Мо Ши убил Расту, сестра стала слышать по ночам собачий вой. В те ночи, когда я оставалась с ней, загадочный пес молчал, но я видела, как она беспокойно мечется во сне, как утомленно выглядит по утрам. В одно прохладное утро в мою комнату постучала совершенно расстроенная Юська. На ней буквально не было лица:

– Ты знаешь, мне кажется, страж Сати преследует меня. Во мне есть часть его крови, и страж хочет, чтобы я мыслями вызвала Сати из небытия. Он снится мне каждую ночь. И еще вот… – Юстиниана подняла ночную сорочку, открыв бок, расписанный жуткими шрамами. Если тогда Раста заврачевала их до приличного состояния, то теперь шрамы казались более свежими. Багровые борозды были похожи на раны от когтей чудовища, а по краям некоторых выступали бисерные капельки крови.

– Видишь, Хеля, он не отпускает меня.

Я снова вспомнила о реке Забвения, о которой однажды поведал мне Тимур. Он рассказывал, что есть такой источник, который позволяет не то чтобы родиться заново или все забыть, нет. Эта вода притупляет боль потерь, и все происходящее становится прошлым, которое было с кем-то другим. Вот что нужно Юське.

Тимура я нашла быстрее, чем на то рассчитывала.

Словно по мановению волшебной палочки я столкнулась с ним на улице, вернее, в лавке шорника. Я решила купить для Зары новую уздечку, зашла в известную мастерскую и уже собиралась сделать заказ, когда мое внимание привлекла одна уздечка – именно такая, какую я и хотела. Из темной кожи, с объемными металлическими ромбами, черными кистями и серповидной бляхой, изображающей полумесяц рожками вверх.

Эти рожки при желании могли стать весьма серьезным оружием. Я уже потянула уздечку к себе, как услышала насмешливый голос:

– Не торопитесь, барышня, за ремешки хвататься. После меня.

Широкоплечий мужчина обернулся ко мне, и я с удивлением узнала в нем Тимура.

– Хеля? – Радости в его голосе я не услышала.

– Тимур! – Я потянулась к нему, не выпуская, однако, из рук заветную уздечку.

– Ты кобылу сначала привяжи, а потом будешь кидаться с объятиями.

– Какую кобылу? – удивилась я.

– Вот и я думаю, где кобыла? Уздечка сама не убежит, а ты ее из руки не отпускаешь.

– Да нет, – смутилась я, – просто она мне очень подходит.

– Тебе? Да ну! А не великовата будет? – с интересом разглядывал меня Тимур.

– Да не мне, а моей лошадке! – Я тоже улыбнулась. – Ты не представляешь, как я рада, что встретила тебя! Ты мне нужен.

– Знаешь, Хеля, последняя наша встреча не доставила мне никакого удовольствия. Ты появляешься, подсовываешь мне подружку, которая, в свою очередь, подкладывает мне приличную свинью.

– Какую свинью? – искренне удивилась я. – Свиньи с нами не было. Если после, то это уже не я.

– Кто «не я»? – строго спросил Тимур.

– Свинья! – задохнувшись, выпалила я. – То есть не я свинья, а свинья – это не я! То есть не моя работа.

Тимур от нашего разговора, похоже, начал получать некоторое неудовлетворение.

– Дайте девушке уздечку для ее свиньи, а то она заговариваться начинает, – со смехом сказал он лавочнику.

Тот почему-то обиделся.

– Эта уздечка – на милительскую кобылу, – с апломбом сказал паренек. – А для свиней мы не шьем.

– Видишь, Хеля, не хочет он тебе уздечку продавать. – Тимур уже откровенно покатывался со смеху. – Не для свиней, говорит!

– Я тебе сейчас хобот сломаю, если ты мне уздечку не завернешь, – рассвирепела я. – Ты что, баран, образную речь не понимаешь?

«Баран», оценив серьезность намерений, не стал выяснять, где у него хобот, и принялся поспешно заворачивать уздечку в восхитительный чехол темной кожи с такими же ромбами.

Я почти успокоилась, умилившись покупкой уздечки и чехла, который по размеру был чем-то средним между вещмешком и

кисетом. Недоумок протянул покупку со словами:

– Пожалуйста, госпожа, для вашей свиньи. Семь монет.

Тимур тихонечко трясся, прикрыв рот широкой ладонью.

– Шести хватит! – категорично заявила я. Спорить на тему сельскохозяйственных животных уже надоело.

Парень хотел было возразить, но, встретив мой мечущий молнии взгляд, решил согласиться. Все равно в накладе не будет. Лесные карлы привозят такие за три монеты.

Тимур, видимо, не собирался забывать мне своего «чудесного спасения» и потому, едва мы оказались на улице, поспешил распрощаться весьма незатейливым способом:

– Ну, ты сейчас куда?

«Нет уж, ты от меня так просто не отделаешься», – не купилась я.

– Может, посидим где-нибудь? – предложила я, не дав отвязаться от меня удобным ответом: «А мне в другую сторону». К тому же, учитывая невозможность для Тимура употреблять горячительные напитки, таким предложением я самую малость отомстила ему за «свинью».

– Ну пойдем посидим, – вдруг согласился Тимур.

Я с уважением посмотрела на него. Все-таки он настоящий воин, его так просто не возьмешь.

В ближайшей таверне Тимур заказал кувшин крепленого настоя и морской чай.

– Я одна столько не выпью, – аккуратно сказала Хельга.

– Почему одна? – удивился Тимур.

Я уже собиралась увидеть очередное превращение выпивки в песок, как Тимур потребовал у халдея, чтобы тот налил ему вина в стакан, который от «чудесных рук» Тимура защищала броня металлического подстаканника.

– Так ты?..

– Да нет, – предотвратил дальнейшие расспросы Тимур. – Первое время поднимал стопку на клинке ножа. Но так можно выпить одну-две, тогда это выглядит как особый шик, а если больше, то уже смахивает на цирк. Клоунада – не мое амплуа.

– Ну и хорошо, – с облегчением вздохнула я.

– Ты находишь? – как-то недобро спросил Тимур, и я поспешила сменить тему: – Знаешь, у меня много чего изменилось за эти годы.

– В любом случае это не слишком заметно, – равнодушно пожал плечами Тимур.

– Как это – не очень заметно? – удивилась я.

– Не растолстела, не вижу кучи младенцев, держащихся за юбку. Юбки тоже не вижу, – ухмыльнулся Тимур.

– Надеюсь, и не увидишь. – Я начала сердиться.

И вдруг сама для себя отметила, что все-таки изменилась: если раньше вспыхивала, как просмоленный фитиль, то сейчас мной овладела несвойственная сдержанность. Тимур был очень нужен, и я проявила если не мудрость, то, по крайней мере, хитрость.

– Все эти перспективы светят в недалеком будущем, – пожаловалась я. – Мне тут навязывают брачные обязательства с таким упорством, что хоть на стенку лезь.

– Да ну? – коварно улыбнулся Тимур. – И что, такой храбрец нашелся?

– А какие проблемы? – Я почти обиделась

– Прости мне мою искренность, но жениться на такой, как ты, – это все равно что в доме росомаху завести. Все перевернет, погрызет и еще скалиться будет.

– У меня вообще-то в вещах всегда порядок.

– Так я не о вещах… – Тимур вдруг сочувственно вздохнул. – Ты все время куда-то рвешься. То мир спасаешь, то его рушишь, потому что он несправедлив, ну и так далее.

– Это неправда!

– Хорошо, если неправда, – улыбнулся Тимур. – Тогда выходи замуж, заводи детей и делай то, что положено нормальной жене: веди дом и люби мужа.

Я не захотела возражать Тимуру, что росла и воспитывалась не как обычная селянка в Вырице или Старицах. Что, еще воспитанницей монастыря, я стала полноправным членом Братства, и мир мне приходилось спасать в буквальном смысле слова. Но блистать регалиями перед старым воякой, на котором шрамов не меньше, чем зазубрин на боевом клинке… В общем, не стоит этого делать.

– Так просто? – только и спросила я.

– А зачем усложнять?

– Ну а вот ты сам? Женись, обрабатывай какой-нибудь надел, займись охотой или разведением коней, расти сыновей.

– Нет, Хеля, – покачал головой Тимур. – Я-то как раз люблю комфорт и уют, что в моем понимании несовместимо с таким явлением, как жена и дети.

– Ну, знаешь! – вспыхнула я. – Я готова поспорить!

– Вот и я об этом, – рассмеялся Тимур. – Кстати, знаешь, почему законами запрещено в военные казематы заключать проштрафившихся служащих женщин?

Я приподняла бровь, а Тимур продолжил:

– Чтобы хоть где-то мужчина мог в покое отсидеться.

– У нас в монастыре всех наказывали без разбора.

– У вас все не как у людей, – подтвердил Тимур. – Вот отчего маги такие нервные.

Мне совсем не хотелось сейчас ссориться с Тимуром, но сдерживать натиск его колкостей было непросто.

– Так ты теперь на покое? – осторожно спросила я.

– Почему на покое? – удивился Тимур.

– Я просто спросила.

Разговор явно не клеился. Видимо, обиды были еще очень сильны, и Тимур не собирался прощать вмешательство в его личную жизнь. Как-то надо было начинать серьезный разговор, и я выпалила в лоб:

– Тим, у меня есть подруга…

Тимур поперхнулся и вытаращил глаза.

– И что ей надо? – медленно процедил он сквозь зубы.

– Это мне надо! Вернуть ее к жизни.

Тимур выжидающе смотрел, как я пыталась подобрать слова. Я вздохнула и продолжила:

– Скажем так, она была в плену. Там ее методично истязали. Мне удалось проникнуть в то место и выдернуть ее живой. Здесь ее, конечно, подлатали, но она не может отделаться от кошмаров.

– Понятно, – лениво протянул Тимур, – элементарный симптом заложника. Развивается привыкание к состоянию жертвы и даже привязанность к своему тирану. Типичное состояние как для отдельной личности, так и для группы лиц.

– Возможно… – Я задумалась, а Тимур заключил:

– Надо походить к лекарям, порисовать домики для своих страхов, потом сжечь… Или сначала порвать, а после сжечь. Нарисовать себе кучу бабочек и цветочков и прочую лабудень… Многим помогает.

– Все не так просто, Тимур. Ее все это время жрал демон, восполняя свои силы. А после того, как я его грохнула, выяснилось, что папаша этой мрази жаждет мести и уже начал убивать…

Я вкратце рассказала о гибели Расты.

– Хуже всего то, что этот Мо Ши умеет перетаскивать выбранных им из параллельного мира жертв туда-сюда. И пес, воющий на луны, может быть вполне реальным. И раны стали кровоточить по понятным причинам, это так свойственно для черной магии.

– И чего ты хочешь от меня? – спросил Тимур и не без сарказма добавил: – Целоваться с твоей подружкой не буду, пусть даже не просит.

– Не думаю, что ты ей будешь интересен, – вступилась я за сестру и тут же перешла к делу: – Отведи ее к источнику

Забвения, и она придет в себя, а главное, отвяжется от демонической власти. А я тем временем разберусь с Мо Ши, не опасаясь за ее жизнь и не имея у себя за спиной уязвимое звено.

– Может, мне лучше остаться с тобой?..

– Нет, Тим, я уверена, мое решение верное. К тому же, боюсь, я тебе предлагаю не менее опасное задание. Вероятно, добраться до цели вам будут препятствовать самым активным образом.

Тимур вдруг ласково улыбнулся и сгреб своей ручищей мою ладонь. Протянул цветочек, который маячил в заурядной вазочке, поставленной, видимо, с целью создать романтическую обстановку в обшарпанной таверне. Пока я переваривала столь странные метаморфозы, уже собираясь боднуть лбом в нос захмелевшего приятеля, Тимур зашептал мне на ухо:

– Ты что, с ума сошла, о таких вещах в кабаке говорить? Называешь цель, а потом сообщаешь о сути мероприятия.

Я улыбнулась в ответ своему собеседнику:

– Я – магичка. Или ты забыл? Нас еще на первом курсе учат ставить защиту от посторонних ушей.

– Ну, тогда и от глаз.

Тимур вручил мне дохленький цветочек и откинулся на спинку стула.

– И еще вопрос… – Он жестом предложил мне чайного настоя и стал наливать уже остывший напиток в свой стакан. – Почему столь серьезным делом ты занимаешься как частное лицо, а не от имени государства?

– Тут личная ситуация. По крайней мере, все так начиналось…

– Не нужно мне объяснять, – прервал меня Тимур. – Я твой друг, а значит, и объяснения мне не нужны. Но ты должна осознавать последствия, если не рассчитаешь силы и проиграешь.

– Так, значит, друг? – Я не упустила случая вручить верительные грамоты после инцидента с Бесконечностью.

– Конечно, друг, – улыбнулся Тимур. – Разве я за тобой хоть раз приударил?

– Чего? – возмутилась я.

– Хочешь в женщине потерять друга – заведи с ней роман, – заметил Тимур.

– А ты не слишком самоуверен? – Мне показалось, что я и так дала слишком много игрового поля этому захватчику.

– Нет, я всегда объективен. – Тимур опять смеялся. – И послушай доброго совета. Выходи замуж и играй свадьбу, когда указывают звезды или что там… солнце, перелетные утки, распустившиеся цветы, – подытожил он.

– Не думала, что ты такой жестокий, – хмыкнула я.

– Почему жестокий? – удивился Тимур. – Ты его любишь, он тебя тоже. Варианты любовных отношений весьма малочисленны: жена, любовница, случайная связь, от случая к случаю, платонические отношения. И последний вариант – «они расстались навсегда». Первый и последний – наиболее безобидные и нравственные. Платонические отношения подойдут для извращенцев, мазохистов либо страдающих полной дисфункцией, к эльфам не относится. Любовница предполагает наличие жены, ну и вообще скользкий пунктик. Случайная связь не стоит переживаний и каких-либо умозаключений. Итак, остается вариант «от случая к случаю». Если ты выйдешь за него замуж, при вашем образе жизни это будет одно и то же! Так что романтика встреч и разлук вам обеспечена в полном объеме. Вот и увенчайте этот пункт хорошим застольем. Пусть хоть друзья соберутся, посидят за одним столом, поговорят, повеселятся. Тоже с веночком кому-нибудь свинью подкинешь.

– Тимур! Ты чудовище!

– Я командир. Моя обязанность – рассматривать наиболее возможные варианты развития событий, анализировать, принимать решение и отдавать приказ. А отдав приказ, я беру на себя полную ответственность.

– Какое счастье, что я тебе не подчиняюсь, – задохнулась я от возмущения.

– Открою тебе секрет… – Похоже, Тимура все-таки несколько развезло. – Подчиняются все. Вопрос только – кому и в какой степени. И многое здесь зависит не только от обстоятельств, но и от самого человека. Так что умей делать правильные выводы.

– Я подумаю об этом, – серьезно ответила я и тут же добавила: – Когда будет время.

Тимур расхохотался.

Встретиться договорились на окраине города до рассвета следующего дня. Зная опыт Тимура в подобных операциях, я не задавала ему лишних вопросов. От предложенных денег воин отказался, не преминув пошутить, что это его свадебный подарок.

* * *

В полутемной конюшне Тимур оглядел Юську бесцеремонно и критически:

– Вот это надо убрать, – указал он в сторону Юськиной груди.

Хельга возмутилась:

– А больше ничего не надо?

– Она не должна выделяться из отряда, – серьезно продолжил

Тимур. – Так что ваши тряпочки прочь и быстро переодеться. Лаз! – позвал он солдата. – Шмотки давай сюда.

Рослый воин в пятнистом камуфляже протянул командиру мешок.

– Не мне, а ей, – рявкнул Тимур, показывая на девушку.

Хельге стало искренне жаль Юську. Но сестра молча ушла в соседний денник и через пару минут вышла, облаченная в мешковатый пятнистый костюм, точно такой же, какой был на Тимуре и его людях.

– Тим, – отозвала Хельга командира в сторону, – я тебя прошу, не обижай ее.

– Я сделаю все, чтобы она осталась живой и не потрескалась, а обиды и прочую хрень пусть оставит здесь со старой одеждой.

На долгие прощания времени не было. Отряд из двенадцати всадников выехал за ворота постоялого двора так организованно и спокойно, что даже престарелому барбосу лень было вылезать из своей конуры и лаять им вслед.

Юстиниана ехала на Тритоне, полностью погруженная в свои мысли. Ее ничуть не беспокоил негостеприимный прием в отряде. Она хотела только одного: быстрее войти в воду источника и наконец-то обрести свободу.

Тимуру, напротив, мешали мысли о подопечной. Она, во-первых, совершено не оправдала его ожиданий. Во-вторых, не проявила ни капли раздражения, когда он заставил ее переодеться. Но это не рабская покорность, он навидался разных типажей. Выдержка еще та. Разумеется, плен хоть и повлиял на ее психику, но совершенно обратным образом, нежели предположил Тимур в разговоре с Хельгой. Если поначалу опасность казалась эфемерной и он полагал, что, подбирая людей и вооружение для этого вояжа, несколько перестраховывается, то теперь мысленно еще раз прикинул свои ресурсы. И холодок пробежал по спине.

Час спустя в ворота постоялого двора забежал крепко сбитый красно-рыжий гончий пес. Старый дворовый кобель глухо зарычал и стал медленно выбираться из будки. Гончак не обратил на его угрозу никакого внимания и проскочил в конюшню, будто его вела невидимая нить. Вскоре в проеме ворот показались еще четыре точно таких же, словно отлитых из одной формы, собаки. Они одновременно наморщили носы и обнажили белоснежные острые зубы. Лохматый сторож оскалил в ответ желтые обломки, брякнула ржавая цепь… Все закончилось быстро.

Во двор въехал миниатюрный всадник, которого сопровождали еще две собаки.

Первый пес тем временем радостно завизжал и заскреб в глубине конюшни. Захрапели испуганные кони. Пес выскочил,

держа в зубах какую-то тряпочку.

– Хорошо! – Всадник перегнулся в седле и принял из пасти пса его добычу. Из-под капюшона высыпались роскошные белокурые локоны. Наездник оказался дамой. Она поднесла кружевной лоскуток к лицу и с силой втянула воздух. Затем, подобрав повод, развернула своего коня и вонзила шпоры в его бока. Конь вздыбился и галопом помчался по пыльной дороге. Прижав уши к головам, следом ринулась свора гончих псов.

Старик, наблюдавший за происходящим в окно, наконец-то выскочил во двор и, трясясь, подошел к своей растерзанной собаке.

– Ах, Барос! – горько причитал он.

Барос, заслышав голос хозяина, один раз вильнул хвостом по дворовой пыли и попытался поднять кудлатую голову.

– Матильда! – закричал старик в сторону дома. – Помоги мне.

Он попытался приподнять пса:

– Потерпи, дружище! Потерпи, старина…

* * *

Первые два дня пути не изменили в отряде ровным счетом ничего. На привале вышло недоразумение. Отряд остановился вблизи родника. После осмотра Тимур признал его годным.

Не стесняясь в выражениях, он велел солдатам мыться и поить коней.

Рог, прозванный так за непроходящую шишку на лбу, тихо сказал Тимуру:

– Ты полегче с оборотами, командир, все-таки она женщина.

– Тьфу ты! – сплюнул Тимур. – Не поверишь, забыл! Она молчит всю дорогу как рыба.

Воин подошел Юстиниане:

– Извини, что я по-военному.

Зеленые глаза, сверкнувшие в ответ, показали ему, что она все слышит и уж тем более не извиняет.

С досадой Тимур отметил, что отношения с Юстинианой не складываются только у него. Лаз, молодой сноровистый парнишка, принял у девушки коня и подал руку с непривычной галантностью. Рог еще на марше угощал ее дикими яблочками. И вообще, с другими она, оказывается, разговаривает и даже негромко смеется.

Родник обрамляли заросли розовато-сиреневых цветов, которых за их способ разбрасывать семена называли недотрогами. Не прошло и минуты, как кто-то уже ухитрился вручить

Юстиниане внушительную охапку. Тимуру захотелось придавить негодяя, собирающего цветочки, вместо того чтобы рационально использовать время короткого привала, но он сдержался. Большой опыт подсказывал, что его власть разбавлялась этим розово-сиреневатым явлением. Но, встретив селянку на заброшенной дороге, Тимур еще раз убедился в том, что, переодев девушку в такую же форму, как у его людей, поступил совершенно верно. Молодая селянка вызвала оживление среди солдат, они приосанились, кто-то стал насвистывать веселый мотивчик. Ерич заставил своего вороного жеребца гарцевать, а Ром окликнул засмущавшуюся девушку:

– Садись ко мне, красавица, подвезем!

Селянка опустила глаза и зарделась. Тимур был уверен, что если она не была послана специально наблюдать за дорогой, то даже не заметила переодетую Юсту, как теперь называли Юстиниану его ребята.

Несмотря на оживление, отряд не замедлил темпа движения. Тимур все-таки решил перестраховаться:

– Рог, вернись, спроси селянку, далеко ли до Выхиной топи и не слышно ли оттуда каких вестей.

Понятливый Рог согласно кивнул. Командир таким образом убивал сразу нескольких зайцев. Во-первых, они определят, не переменила ли селянка направление и не выявились ли еще какие-нибудь подозрительные изменения. Во-вторых, они зададут ложное направление движения отряда. И если кто-то после спросит девушку, в какую сторону они поехали, она вполне может указать на Выхину топь, тем более что впереди развилка и у селянки не будет возможности определить, куда на самом деле они повернули. Тимур собирался сделать в районе развилки небольшую петлю. Ну и третье: свежие новости об этом неспокойном участке империи им не помещают.

Следом за Рогом отправились еще два воина, которые обеспечивали товарищу прикрытие. Они держались на расстоянии достаточном, чтобы быть незаметными и в то же время контролировать ситуацию в неблагоприятном случае.

Хотя о целях разведки знали только Тимур и Ерич, отряд хранил напряженное молчание, пока разведчики отсутствовали. Наконец послышался глухой топот нескольких коней, галопом догоняющих отряд. Ерич выдвинулся к ним навстречу, насвистывая мотивчик кабацкой песенки «Эй, подружка». Отряд прислушивался. Свист не изменился.

Уже в следующее мгновение Рог докладывал командиру о собранной информации и собственных наблюдениях.

Девушка не вызвала подозрений. Она шла той же дорогой с

той же скоростью. Бедняжка испугалась, увидев возвращающегося за ней всадника, но разговорилась охотно. Указала дорогу правильно. О Выхиной же топи вести были недобрые. Там совсем недавно стали пропадать люди. Некоторых не находили вовсе, думали, что утопли. А других находят южнее болот. Те мертвецы были иссушены, словно дряхлые старики: кости, обтянутые серой пергаментной кожей. Из отряда императорского полка, посланного главой Софинии, чтобы разобраться в ситуации, не выжил никто. Девушка полушепотом поведала воину о том, как пустые доспехи, оставшиеся от рассыпавшихся в прах молодых воинов, грузили на телеги и отправляли в столицу. Кто творит столь страшные вещи, выяснить доподлинно не удалось. Желание девушки рассказать подробности и сочувствие во взгляде говорили о том, что она не сомневается – отряд направляется именно к Выхиной топи. Общаясь с селянкой, Рог прислушивался к дороге. Но вокруг была тишина, птицы не срывались с деревьев, и каких-либо других признаков преследования он не обнаружил.

– Пока тихо, – закончил доклад Рог.

Тимур покачал головой, но ничего не сказал. Пока нет определенности, не стоит делиться своей тревогой.

Однако Рог не был беспечен:

– Если только тишина не преследует нас.

Тим кивнул и подъехал к Юстиниане.

– Ну, как дела? – поинтересовался он.

– Есть новости? – спросила Юстиниана.

– Пока нет.

Тимур еще раз почувствовал холодную стену между ними, но сейчас ему нужно было узнать, есть ли какие-то перемены в его подопечной.

– Ваши сновидения, воспоминания и собаки – все остается прежним? – попытался как можно деликатнее уточнить он.

– Мы слишком мало спим, чтобы видеть сны, – отвечала Юстиниана.

– Что ж, впереди нас ждет привал и у вас будет возможность определиться в ваших ощущениях, – спокойно сказал Тимур. – Настоятельно прошу сообщить мне о вашем состоянии. Это касается как вашей безопасности, так и безопасности всего отряда.

– Хорошо, я сообщу, – закончила разговор Юстиниана.

Тимур нахмурился: хоть он и добился необходимых заверений, но все равно остался недоволен разговором с девушкой.

Юстиниану тоже напряг этот неприятный разговор. Тяжело оставаться равнодушно-вежливой, когда тебе лезут в душу и

требуют докладывать о своих снах и ощущениях. Хотя она понимала, что это далеко не праздное любопытство.

Как и планировал Тимур, доехав до развилки, они повернули в строну Выхиной топи. На влажной дороге остались глубокие отпечатки копыт милительских коней. Проехав две с половиной мили, Тимур выбрал наиболее сухой участок дороги и разделил отряд на две группы. Командир не испытывал иллюзий, что опытного следопыта можно надолго сбить со следа отряда в двенадцать всадников. Поэтому, задав вектор отвлекающей группе, приказал Рогу, возглавившему ее, следовать в ложном направлении еще две мили.

– Затем ручьем вы уйдете вверх. – Тимур обозначил маршрут второго отряда. – Встречаемся в деревне Вабилы. – Он указал деревню на карте. – Нагнать в пути вы нас не должны. Однако примечай все, что можно заметить, и что незаметно – тоже.

– Сколько вы будете ждать нас? – уточнил Рог.

– Контрольное время – шесть часов. Этого достаточно для короткого отдыха и чтобы вы смогли нагнать нас, если не случится непредвиденных событий. – Тимур посмотрел на своего боевого товарища и тихо добавил: – Ну а если что, ты знаешь, как быть.

– Знаю, командир, – спокойно ответил ему воин.

Рог с оставшимися воинами направился в сторону Выхиной топи, а Тимур еще какое-то время двигался параллельно дороге по обочине. Затем он велел основному отряду обмотать копыта коней широкими листьями масляного лопушника и съехал с дороги в чащобу. Листья хотя и быстро измочалились об сучья бурелома, тем не менее их смолянистый запах собьет со следа призрачного пса, вой которого слышался Юстиниане. А на наиболее сухих участках почвы копыта коней не оставляли характерных лунок.

Юстиниана вдруг остановила своего серого и развернулась обратно. Тимур тут же оказался возле нее.

– В чем дело? – строго спросил он

Юстиниана, не глядя на него, ответила:

– Я тоже кое-что умею.

Тимур почувствовал непонятное давление, и лес позади них словно завесила марь. Неровное трепетание леса расползалось по сторонам.

Тимур не мешал магичке выполнять ее часть работы. Когда она повернулась к нему, он только тихо спросил:

– Ребятам это не повредит?

– Нет. Если они знают цель своего пути, им не сбиться, – отвечала бледная девушка.

«Нелегкое ремесло – магия», – подумал Тимур, разглядев, как кровь отхлынула от щек Юстинианы.

– Ты в другой раз предупреждай о своих штучках, чтобы быть уверенным, что свои не попадут в ловушку.

Юстиниана молча кивнула. Они повернули коней к поджидавшему их отряду. Колючая ветка дымчатой ели, поросшей седым лишайником, зацепила капюшон на голове Юстинианы и сорвала его. Рыжие локоны рассыпались по спине, и лес озарило сияние, как будто солнце на закате дня запуталось в ветках могучего леса. Тимур поравнялся с ней и отцепил иглы, пронзившие плотную ткань. Прижав своего возмущенного коня к не менее капризному коню спутницы, Тимур помог девушке собрать волосы под защиту капюшона. Юстиниану смутило такое вторжение в ее индивидуальное пространство, но она лишь неловко перехватила непослушные локоны и поспешила восстановить дистанцию. Тимура, напротив, словно током пронзило это солнечное сияние. А легкий аромат и прикосновение тонких прохладных пальцев девушки обдали его жаром с ног до головы.

– Поаккуратней, – проговорил он предательски хриплым голосом.

– Спасибо, – ответила Юстиниана тихо.

Тимур отвернулся от нее и оглядел коварную ветку. На ней не осталось ни волоска, ни ниточки.

Знаком он приказал отряду продолжать движение.

До деревни они добрались без происшествий.

* * *

Оставшись одна, я раздумывала над тем, как мне теперь поступить. Юстинна спасена, ей нужно налаживать собственную жизнь. Наши дороги разошлись. Возвращаться в цитадель под корящие взоры братьев выше моих сил. Конечно, мне никто ничего не скажет, ни словом, ни делом меня не упрекнут за дерзость, неподчинение прямому приказу и бегство. Но все это я буду чувствовать и без слов.

Сидя в дорогом трактире близ императорского дворца, я не спеша потягивала сладкий клубничный напиток, рассуждая на тему «что делать?». Варианты есть, но все они мне не нравятся. Напиток совсем остыл.

– Привет! – Сильные руки обвили мою талию, к шее прикоснулись чьи-то губы.

От удара в челюсть нахала спасло лишь его мгновенное

перемещение на лавку напротив меня.

– Ты как здесь очутился?! – воскликнула я. – Ты следил за мной?

– Конечно, следил, – ничуть не смутился Дракон. – Но в Софьянграде я по приглашению императора Софинии.

Должна признать, выглядел Шторм просто потрясающе, прямо мечта любой знатной дамы: в черных, плотно облегающих брюках с золотыми лампасами; в сапогах для верховой езды с блестящими заклепками и ремнями. Довершал образ благовоспитанного, неприлично богатого дворянина бархатный камзол из золотисто-синей парчи, с застегнутым под горло воротничком-стойкой.

– Император назначил встречу в трактире, – нахально съязвила я.

– Я ждал, когда ты закончишь дела и твои друзья уйдут. – Шторм понемногу начинал терять терпение. – Мне показалось, тебе грустно и тоскливо. Но если мое общество тебя не устраивает, я ухожу.

Быстрыми шагами мой возлюбленный пересек обеденный зал, направляясь к выходу.

– Постой! – Мой окрик застал его уже в дверях. – Прости, я совсем не это хотела сказать!

Подхватив с лавки свой дорожный мешок, я догнала Шторма и беззастенчиво повисла у него на шее.

Немногочисленные посетители трактира с интересом наблюдали за лирической сценой. А посмотреть было на что: вооруженная до зубов девица, член боевого Братства, кидается на посетителя вполне гражданской наружности. В Софьянграде я не считала нужным скрывать татуировку: при виде нее для меня всегда находились комнаты в постоялых дворах, самая свежая еда в трактирах и овес с пшеницей в конюшнях для Зары.

– Пойдем отсюда, – шепнул Шторм, увлекая меня на улицу.

Хозяин трактира даже не подумал спросить плату за выпитый наполовину специально приготовленный для меня напиток.

Шторму даже не пришлось щелкать пальцами для открытия портала. Секунду назад мы стояли на залитой солнцем центральной площади Софьянграда, как вдруг оказались в просторной, шикарно обставленной гостиной, из окон которой эту самую площадь было прекрасно видно.

– Мы во дворце императора?

Как это было на него похоже. Зачем создавать лишние проблемы, объясняясь с каждым постом дворцовой охраны по поводу посторонней девушки и ее совсем не мирной экипировки, если намного проще обойти магическую защиту дворца и создать

моментальный одноразовый портал прямо туда, куда требуется попасть.

– Да, вечером большой прием. Соберутся правители всех дальних провинций, – пояснил Шторм.

– Больше похоже на военный совет.

– Так и есть, под видом праздника будут проходить серьезные переговоры.

– О чем, интересно?

– Вот это мы узнаем вечером. Не хочешь принять ванну с дороги?

– Очень хочу, – откровенно призналась я, скидывая с себя вооружение и одежду.

– Иди быстрее, а то я тебя не отпущу, – посоветовал Шторм, наблюдая за моим разоблачением.

* * *

Вымытую, одетую в пушистый халат Хельгу встречал накрытый стол и любимый мужчина, успевший скинуть камзол и сапоги и оставшийся в белоснежной рубахе и брюках. Стол ломился от яств, но девушке кусок в горло не лез. Расставаясь с Юстинной, Хельга была за нее относительно спокойна. Все-таки она отправляла подругу с надежным боевым товарищем, который не раз прикрывал ей спину и спасал от неминуемой смерти. Сейчас ее больше тревожил момент выяснения отношений со Штормом. Обида схлынула, и теперь она чувствовала за собой вину и понимала, что поступила нехорошо, уйдя из цитадели, не попрощавшись с любимым и друзьями.

– Я ушла, как ночной вор, – повинилась Хельга, уткнувшись лицом в грудь любимого Дракона. – Прости! – Предательские слезы катились из глаз, шелковая рубашка Шторма быстро намокала.

– Тебе не за что извиняться, я не должен был на тебя давить, – крепко прижимая Хельгу к себе, возразил Шторм.

– Иногда я веду себя как настоящая свинья! – продолжила самобичевание влюбленная чародейка.

– У некоторых народов свинья – самое благородное и священное животное, – постарался пошутить Дракон.

– Прости, – уже прошептала девушка.

– Я рад, что ты жива.

Примирение было бурным. Гостевая спальня и гостиная, великодушно предоставленные императором для отдыха главы легендарного Братства (для всех непосвященных – графа

Шторма), стала похожа на помещение, перенесшее торнадо. Одежда разбросана, постель разворочена, подушки валяются на полу, некоторые с изрядной потерей пуха. Стулья и маленькие столики опрокинуты, а нечего ставить их на дороге примиряющихся влюбленных!

– Надо самим прибраться, – несколько часов спустя, глядя на развернувшееся вокруг безобразие, изрекла Хельга. – А то прислуга решит, что на дворец было совершено нападение, и вызовет стражу.

– Для достоверности твоей версии не хватает красных брызг на стенах и пары кровавых лужиц. – Дракон, прижимающий к себе девушку, целовал ее распущенные волосы, вдыхая их цветочно-горьковатый аромат.

В дверь постучали.

– Чего надо? – недовольно проворчал Дракон, нехотя выпуская из своих объятий Хельгу и подходя к двери.

– Господин граф, у вас все в порядке? – Из-за двери послышался встревоженный мужской голос. – Простите за беспокойство, милорд, но служанка сказала, у вас был шум и грохот разбиваемой посуды.

– У меня все в порядке, – рявкнул рассерженный Шторм. – Пойдите вон.

– Простите, милорд, я должен убедиться, что вас не удерживают в заложниках и во дворце нет посторонних. Я отвечаю за безопасность императора и его гостей, милорд.

Хельга хмыкнула, представив себе почти всемогущего Дракона, удерживаемого кем-то в заложниках, сползла с постели и задрапировала на себе простыню на манер эльфийской тоги. Искать одежду в этом бардаке было делом хлопотным и долгим. Шторм уже натянул брюки, невесть как очутившиеся в его руках, и отпирал дверь начальнику дворцовой стражи.

Бывалый вояка сделал шаг в комнату, и глаза его стали расширяться по мере обозрения учиненного разгрома.

– Что у вас тут… – начал было мужчина, но взгляд его наткнулся на девушку, задрапированную простыней и восседавшую на кровати подобно древней богине. – Как вы попали во дворец?! – Он мгновенно сориентировался в ситуации и задал более актуальный и волнующий его вопрос. – Если вам понадобится девушка, к вашим услугам красивейшие придворные фрейлины, милорд. Во дворце запрещено находиться посторонним.

– Она не посторонняя, – попытался оправдаться Дракон, но начальник дворцовой стражи лишь усмехнулся.

– Вижу, что уже не посторонняя, – хмыкнул он. – Но,

несмотря на ваши… хм… отношения, этой милой во всех отношениях даме придется покинуть дворец. А вам, милорд, придется объяснить, как вы провели ее, минуя стражу.

Хельга грациозно поднялась с кровати и, развернувшись через левое плечо, направилась в ванну, гордо подняв голову. Она не собиралась реагировать на скользкие намеки и откровенные оскорбления военного. В конце концов, у нее есть жених, пусть он сам и расхлебывает кашу, которую заварил, проведя ее во дворец тайком от охранников.

Начальник стражи, заметив татуированное плечо гостьи графа и опознав татуировку, несколько растерялся, что дало возможность Шторму все объяснить:

– Она моя невеста. И при всем моем уважении к вам, вы должны перед ней извиниться.

– Она из боевого Братства, которое еще называют Братством Дракона. Они не создают семьи с посторонними, милорд, – немного придя в себя, постарался просветить «непосвященного графа» бывалый вояка.

– Почему вы решили, что я для них посторонний? – искренне удивился Шторм.

– У вас нет отличительного знака, магической татуировки на левом плече, как у девушки.

– Она мне и не нужна, – весело улыбнулся жених Хельги фирменным драконьим оскалом в несколько рядов острых зубов.

Седовласый воин отшатнулся – в глазах Дракона плескалась сама бездна.

Через несколько минут вышедшая после купания Хельга получила всяческие извинения, заверения в бесконечном уважении и сообщение о том, что теперь она внесена в список почетных гостей императора как невеста графа и весьма знатная дама.

– Вечером состоится торжественный прием. Всем необходимо явиться в вечерних туалетах. Вам прислать портного, чтобы он снял мерки и успел перешить для вас платье из последней летней коллекции? – напоследок спросил начальник стражи.

– Нет, благодарю, – вежливо улыбнулась Хельга такой искренней и трогательной заботе. – Думаю, мы сможем решить этот вопрос сами.

Вопрос решил Шторм в привычной для него манере. Через микропортал он попросту повытаскивал несколько нарядов из гардероба Хельги в цитадели.

Мероприятие одевания грозило перерасти в новую ссору.

– Я это не надену! – категорично заявила невеста Шторма.

– Почему? Это достаточно скромно и удобно, как ты любишь.

– Если я надену хоть одну из этих вещей, придворные дамы решат, что я твоя горничная или, на худой конец, телохранительница.

– О, какая красивая телохранительница, – постарался пошутить Шторм, обнимая Хельгу. – Моему телу такая хранительница просто необходима. Ты неотразима в любом наряде, особенно в том, который легко снимается. – Он легонько потянул за узел на шее, простыня поползла вниз.

– Я серьезно! – вывернулась из объятий жениха рассерженная девушка, поправляя импровизированный наряд. – В этой одежде мне придется от вас, милорд, – она карикатурно поклонилась, – весь вечер отгонять поклонниц. Упаси Создатель, еще прибью какую-нибудь чересчур настойчивую маркизу ненароком.

– Хорошо, – сдался Дракон, поняв, что спорить просто бесполезно. – Что ты хочешь надеть и где это можно взять?

– Надо подумать, – присела на краешек кресла его возлюбленная и отщипнула виноградину.

В молчаливом раздумье Хельга и Шторм поглощали хлеб и фрукты. До приема у императора оставался всего час.

– Придумала? – наконец осмелился поинтересоваться Дракон.

– Единственное подходящее платье испорчено Дарвингилем. А милительские мастера шьют долго. – Она пожала плечами.

– Надо было соглашаться на местного кутюрье, – вздохнул Дракон.

– Ну нет! Видела я в Шауране, во что одевают этих венценосных! Я не только видела, но и на себе тоже таскала. Больше не хочу!

– Делать что будем? У нас времени в обрез, – напомнил Шторм.

– А ты сможешь мне из Чародейского монастыря одну вещичку достать?

– Что за нелепые вопросы? Ты решила лишить настоятеля его парадной рясы?

– Нет, – не оценила юмор Хельга. – У меня там в девятой Закатной башне, в потайном чердачном зале, есть подаренная Нерканном туника. А у дочери владыки Варга сохранились мои шауранские шаровары и множество украшений. Проведи меня к ней, я буду готова минут за десять. Честно-честно!

Хельга повеселела и подарила Дракону шутливый поцелуй. План созрел, нужно срочно исполнять!

Дочь владыки Варга быстро и умело привела Хельгу в достойный императорского приема вид. Тунику белого шелка с причудливым золотым шитьем по краю и рукавам прекрасно дополняли тончайшие шаровары, перехваченные у щиколоток

золотыми застежками, и изящные туфельки без каблука. Укладывать сложную прическу не было времени, поэтому волосы распустили, перехватив сверху миниатюрной диадемой. Каскад иссиня-черных гладких волос спускался пониже спины, резко контрастируя с белым шелком.

– Зрелище не для слабонервных, – резюмировал Шторм.

– Тебе не нравится? – расстроилась Хельга.

– Наоборот, очень нравится! Только я раньше не замечал за тобой такого щепетильного отношения к одежде.

– На себя посмотри, – фыркнула девушка, тыкая пальцем в шикарный камзол Шторма.

– Положение и случай обязывают, – слегка смутился великий и ужасный Дракон.

– Вот и меня, – Хельга вздохнула, – теперь обязывает думать о внешнем виде положение твоей официальной невесты. Не могу же я позорить тебя и выглядеть оборванкой. К тому же в монастыре у меня не было ни возможности, ни повода надевать что-то хоть немного красивое.

Несмотря на суматошные сборы на прием наша пара умудрилась не опоздать, но прийти позже остальных гостей, которые на появление членов Братства не обратили никакого внимания. Женщины были заняты сплетнями, мужчины – обсуждением военных и торговых дел. Хельгу и Шторма такое положение вещей вполне устраивало, они пристроились в неприметном углу и принялись изучать окружающих.

* * *

Весь цвет главных городов Софинии и ее провинций собрался в огромном, специально предназначенном для подобных сборищ помещении. Прекрасный зал: изящная лепнина, умеренная позолота, свечи в кованых канделябрах, магические светильники имитируют обычные, только светят намного ярче и воском ковры не пачкают. Плотно задрапированные портьеры не дают возможности солнечному свету проникнуть внутрь. Пока они закрыты, невозможно понять, день сейчас за окном или ночь. Нынешний император Иола Мудрый еще не предстал перед гостями, выжидая, пока соберутся все, согласно придворному этикету.

Зато остальные участники приема набились в тронный зал, как килька в жестяную банку. Графы и бароны со своими свитами практически смешались со столичной знатью, даже наряды их были похожи один на другой, словно от общего портного. Среди

перьев, шляп, пышных кринолинов, обилия красивого, но бесполезного оружия выделялся лишь посланник Шаурана своей белой чалмой, скромным одеянием и надежной кривой саблей. На спине его зеленого бархатного халата красовалась вышитая золотыми нитями раскрытая книга мудрости.

– Он из клана Джамхур, – прошептала Хельга Шторму, указывая на шауранца.

– Для нас это плохо? – поинтересовался Дракон.

– Пока не знаю. После неудавшегося бунта всех мятежников казнили. Из клана Джамхур мало кто остался в живых.

– Этому шауранцу на вид лет семьдесят, не меньше. Он наверняка участвовал в тех событиях, вот только на чьей стороне?

– Возможно, это сам главный визирь, – предположила Хельга. – Он давний друг эмира Акли, мятежный Фарух даже награду за его голову выставлял. Его сын был на стороне Фаруха, это я точно знаю, а вот что случилось с отцом, как-то не интересовалась.

– Старайся держаться от него подальше, – посоветовал Шторм, наклоняясь к Хельгиному уху.

– Поздно, он сам к нам идет, – надевая на лицо учтивую улыбку, ответила девушка.

– Мир вам, светлейшие, – уважительно кивнул шауранец огромной чалмой.

– И вам мира и долголетия, почтеннейший, – поклонились в ответ Хельга и Шторм.

– О, вы бывали на юге! – удивился почтеннейший.

– Ваши купцы оккупировали все торговые гильдии софинских городов, поэтому в личном посещении юга нет необходимости, – улыбнулся Шторм.

– Приятно слышать в чужом краю добрые слова о родственниках.

Опустив глаза, Хельга все это время молчала, помня науку о месте женщины в восточном государстве. Но она прекрасно чувствовала ощупывающий ее взгляд шауранца. Тот явно что-то замышлял.

– Вы наверняка взяли с собой сестру, чтобы устроить ей удачное замужество, – закинул первый крючок посланник эмира Акли.

– У меня нет сестер, – сухо ответил Дракон.

– Ваша спутница не проронила ни одного слова, это так не похоже на современных софинских барышень, – подливал масло в огонь хитрый шауранец. – Одежды и воспитание выдают в ней мою соотечественницу.

Хельга сжала кулаки, спрятав руки за спину.

– Она моя невеста, и теперь ее домом стал мой дом, – словно не замечая намеков южанина, поведал Шторм.

От дальнейших вопросов и игр в «непонимайку» Дракона и Хельгу спас император, о появлении которого возвестили трубы. Разговоры мгновенно затихли, герольд голосом, который мог бы соперничать в громкости с только что замолкшими трубами, объявил:

– Император Софинии и вассальных герцогств, правитель свободных земель от Шаурана до Алмазных гор – Иола Мудрый!

Подданные склонились в почтительных поклонах, Иола Мудрый широким солдатским шагом промаршировал через весь зал и водрузился на трон.

– Рад приветствовать вас, дорогие мои друзья, – вежливо улыбнулся радушный хозяин Софинии. – Вижу, все приглашенные изыскали возможность прибыть на сегодняшнее торжество в честь юбилея присоединения к империи Элладанских земель.

Такого праздника никто не помнил и уж тем более ни разу не отмечал. Более того, все присутствующие (кроме придворных дам, не засоряющих свои мозги ненужными знаниями) прекрасно знали о том, что Элладан, все земли вокруг и большая часть Элладанского моря изначально принадлежали эльфам и были отвоеваны империей не совсем честным путем. Но спорить с императором умников не нашлось, зал рукоплескал императорскому приветствию и вступительной речи.

Струнный квартет заиграл что-то танцевально-веселое, по залу бесшумно засновали многочисленные слуги с подносами, предлагая гостям вино и закуски. Несколько пар с милостиво разрешающего кивка Иолы Мудрого пустились в пляс. В общем, празднование началось.

Хельга со Штормом взяли по бокалу легкого игристого вина и удалились от навязчивого внимания шауранца. Им даже удалось немного перекусить, для чего Хельга беззастенчиво отобрала у проходящего мимо слуги целый поднос с запеченными птичьими бедрышками.

– Ты поступаешь некрасиво, – вполголоса сделал ей замечание Шторм.

– Ничего подобного, – протестующе заявила девушка. – Я как твоя будущая жена обязана о тебе заботиться. И кормление тебя, любимого, входит в мои прямые обязанности.

Спорить было бесполезно, поэтому Шторм молча присоединился к Хельге, невозмутимо уничтожающей уже третий кусок сочной дичи. Когда к Шторму подошел слуга с просьбой от императора явиться в зал для совещаний, на блюде возвышалась горка голых косточек. Хельга сунула в руки слуге уже ненужный

ей поднос с костями и обернулась к Дракону:

– Надо бы руки помыть, прежде чем идти к его императорскому величеству.

– При всем моем уважении, милорд, – слуга, не успевший уйти, обратился к Шторму, – император приглашал вас одного.

– Император еще здесь, – сказала Хельга, указывая на восседающего на троне Иолу Мудрого. – Ты можешь уладить этот вопрос сейчас. Я лучше вовсе уйду, чем останусь среди этого сброда.

При этих словах брови слуги быстро поползли вверх, а глаза расширились в немом ужасе. Назвать гостей императора, вассальных графов и посланников других держав, сбродом мог только умалишенный человек. Хорошо, что эти самые гости не слышали оскорбительных слов нахалки! Еще слугу очень удивило, что господин граф не только проигнорировал недопустимые слова своей спутницы, но и направился в сторону трона решать обозначенный невоспитанной девицей вопрос.

Слуга с подносом костей удалился, Хельга осталась в гордом одиночестве наблюдать за тем, как ее возлюбленный что-то объясняет его величеству, сдержанно жестикулируя, дабы помочь императору лучше воспринять столь сложную проблему.

– Хельга! Ты ли это?

В слегка отяжелевшем, отпустившем козлиную бородку блондине Хельга не сразу узнала Алена, своего старого знакомого.

– Это я, – с усмешкой призналась девушка. – Вот, занесла нелегкая, – пожаловалась она, обводя рукой зал и всех присутствующих, занятых танцами, вином, разговорами и ухаживаниями.

– Может, выйдем на балкон – здесь слишком шумно и душно, – предложил Ален, расстегивая верхнюю пуговицу камзола с высоким воротником-стойкой.

– Да, тут действительно шумно, – согласилась Хельга, проходя под любезно отодвинутой Аленом портьерой на свежий воздух.

Вечер опустился на Софьянград, в императорском саду зажглись магические фонари, освещая дорожки и скамейки. Девушка с удовольствием вдохнула полной грудью приятную вечернюю прохладу.

– Ты так похорошела, – преподнес комплимент Ален, разглядывая Хельгин наряд. – Я не сразу узнал тебя.

– Ты тоже изменился, – не осталась в долгу девушка. – Все изменяется независимо от наших желаний, – вздохнула она, вспоминая Юстинну и Тимура.

– Я искал тебя в монастыре, но настоятель сказал, что ничего не знает о твоей судьбе. Ты ведь теперь в Братстве, так?

– Да, это так. И что за странные вопросы? Ты же с самого начала знал, куда и зачем я стремлюсь.

– Знал, просто надеялся, что тебя могут не принять и ты вернешься в монастырь. Особенно после тех передряг с Августо.

– Ты не угадал, меня успешно приняли, – улыбнулась девушка.

– Но ты здесь. Вам разрешают встречаться с обычными людьми? – продолжил расспросы старый знакомый.

– Да, разрешают, – рассмеялась Хельга. – У многих даже есть семьи. Только это под большим секретом. – Она приложила указательный палец к губам. – А как ты? Вижу, карьера идет в гору. Как супруга? Дети есть? – Хельга поспешила уйти от опасной темы разговора.

Ален молчал, глядя на темный парк, словно собираясь с мыслями. Когда он снова повернулся к Хельге, глаза его лихорадочно горели.

– Хеля, прошло пять лет. Я не женат и никак не могу забыть наш поход. Утомительные дни пути. Ночи в сражениях и страхе. Ты была рядом, я выжил и не смог забыть тебя. Встречая девушек, я невольно сравниваю их с тобой. И сравнение всегда выходит не в их пользу.

– Я… – Хельга попыталась прервать ненужные откровения.

– Не перебивай, – не дал ей и слова сказать Ален, опускаясь на одно колено. – А то я не смогу сказать что собирался. Позволь мне ухаживать за тобой. Может быть, мои чувства найдут отклик в твоей душе. Я мечтаю о тебе, я стану достойным мужем.

В душе Хельги орали вороны. Она тогда была сопливой девчонкой, еще не выходившей за стены монастыря. Ален всколыхнул дела давно минувших дней. Ее мимолетную влюбленность в него, горькое разочарование в нем же. Они остались друзьями, боевыми товарищами. Зачем он теперь все портит? Аристократ, так его!

За происходящей сценой наблюдал Шторм. Смятение в душе невесты не ушло от его внимания. Он быстро раскланялся с императором и в считаные мгновения очутился на балконе.

– Каких ночей ты там забыть не можешь? – Глаза Дракона заполнила бездна, в ней сверкали черные искры, повинуясь которым невидимые клещи вцепились в горло Алена, подняли его с колен, а затем и над полом.

Ноги советника императора Софинии безвольно болтались, рот отчаянно открывался в попытках доставить легким необходимый для дыхания кислород.

– Любимый, не дури. – Хельга ласково поцеловала Шторма. – Ты читал мою душу и прошлое. Ты должен его помнить. Спасибо, что пришел, – с облегчением выдохнула она. Терпеть речи Алена не было никакого желания.

– Ты кто? – просипел Ален, обращаясь к Шторму.

– Ее жених, – успокаиваясь и возвращая глазам нормальный цвет, ответил Дракон.

Он отпустил пленника, тот грохнулся об пол, отдышался, встал.

– Жених ведь, но еще не муж, – изрек советник.

– Я его люблю. – Своим признанием Хельга поставила жирную точку в их так и не состоявшихся отношениях.

Шторм увлек невесту обратно в душный зал, неудачливый ухажер остался вдыхать ночную прохладу.

– Тебя ни на минуту нельзя оставить одну, – посетовал на случившееся Дракон. – Вечно к тебе липнут всякие недоразумения!

– Боишься, уведут? – весело поинтересовалась Хельга, с хитрой улыбкой заглядывая в глаза возлюбленному.

– Ты забыла, что я читаю твою душу? – не поддержал ее веселье Шторм. – Я знаю, ты любишь меня, но, боюсь, наделаешь глупостей, если меня не окажется рядом.

– Я буду слушаться, – покорно сложив ладошки на груди и умильно хлопая ресницами, пообещала Хельга.

На этот раз Дракон от души рассмеялся:

– Так я тебе и поверил! Кстати, нас ждет император. Пока тебе тут в безответной любви объяснялись, я получил исключительное разрешение на твое участие в военном совете.

– Ура! Кого будем убивать?

– Сейчас узнаем, – ответил Шторм, открывая малоприметную дверь в неосвещаемой части коридора.

* * *

В довольно маленьком и скромном для императорского дворца зале собрались главы близлежащих государств и доверенные лица тех, кто не смог прибыть лично. Герцоги, властители дальних провинций, чьи отцы и деды принесли вассальную клятву Софинской империи, сам лично Иола Мудрый и его советники. Правители рассаживались вокруг большого круглого стола, их ближайшие помощники вставали за спинами господ.

– Лишние стулья регламентом не предусмотрены? – тихо

пошутила Хельга, занимая место за левым плечом Шторма.

На девушку тут же шикнули несколько рядом сидящих герцогов.

– Могу уступить тебе место, если ты готова его занять, – и в шутку, и всерьез предложил Дракон.

– Лучше посади меня себе на колени. Это то место, которое я всегда готова занять, – не осталась в долгу Хельга, заработав еще несколько недовольных осуждающих возгласов.

Иола Мудрый, несмотря на то что находился на другом краю стола, прекрасно слышал любовную перебранку герцога Шторма с его невестой и главным советником в одном лице. По едва заметному движению его бровей около Хельги появился мягкий стул, который толкнул ее под колени, заставляя плюхнуться на пушистое сиденье. Стоящий за спиной императора советник Ален, казалось, и не заметил вовсе этой проделки.

– Опять твои шутки? – готова была рассердиться девушка на жениха.

– На этот раз для тебя постарался сам император, – честно сдал Шторм его величество.

Хельга глянула на Иолу Мудрого, который оставался невозмутимым, лишь в его глазах сверкали искорки веселья.

– Если вы готовы меня слушать, я, пожалуй, начну, уважаемые гости, – глядя на неугомонную Хельгу, сказал император. И, не дожидаясь единственного очевидного ответа, сразу продолжил: – Дело, по которому я собрал вас, не терпит отлагательств. Надеюсь, все помнят события пятилетней давности, когда не только над империей, но и над всеми нашими землями нависла угроза уничтожения.

– Светлейший император говорит о деяниях недостойного старейшины Августо? – решил на всякий случай уточнить посланник солнечного Шаурана.

– Вы правильно меня поняли, достопочтеннейший Гиясаддин ибн-Гахрам Джамхур, – подтвердил слова шауранца император.

– Моя страна сильно пострадала от этого чародея, – покачал чалмой главный визирь эмира Акли.

– События в Шауране оказались лишь вершиной айсберга тех бед, которые были уготованы всем нам, – напомнил Иола Мудрый. – Благодаря милительцам и девушке, которая сейчас находится среди нас, старейшинам и мне удалось обнаружить и, как нам казалось, обезвредить врата в нижние миры.

Все повернулись в сторону сидевшей слева от Шторма Хельги, так как она была единственной находившейся в этой комнате представительницей слабого пола. Все, кроме Шторма, который уловил главное в словах императора.

– Вам только показалось, что вы их уничтожили? – переспросил он, надеясь, что император оговорился.

– Да, именно так. Круг старейшин был разомкнут из-за черных дел Августо. А я, учитывая все свои возможности, увы, не смог уничтожить это порождение тьмы. – Он удрученно развел руками.

– Круг замкнулся через год, когда вы приняли нового старейшину в Совет. Почему вы не предприняли новую попытку и не уничтожили эти демоновы врата?! – возмутился Шторм.

Он оказался единственным, кто позволил себе повысить голос на императора, но хорошо знал, чем чревато такое беспечное отношение к столь серьезным вещам.

– Что вы себе позволяете, граф? – в праведном гневе вскинулись сразу несколько преданных вассалов империи.

– Граф Шторм прав, – охладил пыл своих подданных Иола Мудрый. – Августо бесследно исчез, и мы проявили непростительную глупость, не уничтожив врата полностью. Мы успокоились, будучи уверенными в том, что они никогда не смогут быть открыты, так как лишены магической подпитки и жертвоприношений.

– И оставили у себя под боком бомбу замедленного действия, – остывая, тихо добавил Шторм.

– Вы снова правы, граф, как ни прискорбно мне это признавать. Врата находятся севернее Выхиной топи и южнее Софьянграда. – Император коснулся стола, и на нем появилась карта Софинии и прилегающих государств. Местонахождение врат было помечено ярко-зеленым крестом.

– Рядом деревня, – заметила Хельга.

– Выхна, – из-за спины императора подсказал название Ален.

– Недавно там стали пропадать люди, – продолжил Иола. – Сначала селяне думали, что те гибнут в болотах Выхиной топи. Туда был послан один из выпускников монастырской школы. Он говорил с лешим и кикиморами. Те утверждают, что людей не трогают, мол, себе дороже, ведь Софьянград рядом, а тут всегда полно чародеев.

– Нежити нельзя верить! – горячо воскликнул один из молодых графов.

– Думаю, в этот раз можно, – не согласился с вассалом император. – Сейчас я могу с полной уверенностью говорить о том, что врата открывались. Или приоткрывались. И кто-то готовит их полное открытие в ближайшее время. Там сильно увеличилась магическая активность и появилось поле отчуждения…

– Вот демон! – громко выругался обычно спокойный Шторм,

перебивая владыку Софинии.

– Поле вокруг врат – около двух тысяч локтей в диаметре, – не обращая внимания на возглас Шторма, продолжил император. – Где-то больше, где-то меньше. Но, шагнув за невидимую черту, обратно люди уже не возвращаются. Через десяток шагов они падают замертво и выглядят состаренными мумиями.

– Врата вытягивают их жизненную силу, – снова вступил в разговор Шторм.

– Подождите, – встала со своего честно полученного стула Хельга. – Для открытия врат следовало провести сложный ритуал, основанный на жертвоприношениях. Такой выплеск черной энергии невозможно не заметить.

– Это если открывать их с нашей стороны, – пояснил Шторм.

– Ты хочешь сказать, кто-то из нижнего мира нашел возможность открыть их оттуда? – испуганно пискнула Хеля.

– Другого объяснения нет, – подтвердил ее опасения Дракон. – Кто-то, наделенный интеллектом, в отличие от большинства демонов из нижних миров. Кто-то достаточно сильный, чтобы перенастроить врата под себя, свои возможности и нужды.

Император и остальные члены военного совета молча следили за диалогом графа Шторма и его невесты. Хельга подозрительно задумалась, что не укрылось от внимания ее жениха.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – очень тихо спросил он.

– Только не здесь, – шепотом ответила девушка.

– Вы собрали нас, чтобы сообщить об этом прискорбном событии, светлейший и многомудрый Иола? – используя затянувшуюся паузу, спросил посланник эмира Акли.

– Не только, – продолжил император. – Так как врата скоро должны открыться, в наших интересах совместно противостоять столь серьезной угрозе. Предлагаю собрать войска и окружить это поле, чтобы вовремя встретить демонов, раз уж мы не можем предотвратить вторжение.

– Другого варианта нет? – поморщился седоусый правитель одной из самых дальних провинций. Его сыну исполнилось лишь четырнадцать, и вести войско, в случае чего, придется именно ему.

– Мы сделаем все, что возможно, для уничтожения врат. – Иола выразительно посмотрел на Шторма, тот прикрыл веки, подтверждая согласие. – Но этого может оказаться недостаточно. Я не требую от всех здесь присутствующих повиновения согласно

принесенным клятвам. Вы все оповещены об угрозе. Я ничего не утаиваю и хочу напомнить, что это даже не война – это битва за выживание. Остаться в стороне не удастся никому. Демоны не будут брать в плен, они будут уничтожать всех, кого встретят на своем пути, после того как прорвут нашу оборону. Днем раньше, днем позже – беда заглянет в каждый дом. Тем, кто посчитает ненужным сражаться у врат, рекомендую усилить защиту замков и собрать там жителей своих деревень. Всех, кто готов встать под мою руку, я буду ждать семь дней. Совет старейшин считает, это максимальный срок до полной активации врат. В крайнем случае выдвигайтесь сразу в сторону Выхны. Думаю, даже без проводника не сможете промахнуться и пройти мимо.

– Мы приведем столько воинов, сколько сможем собрать за этот срок, можете рассчитывать на нас, – тихо и быстро посовещавшись, обязались властители нескольких соседних графств.

– От имени сиятельного эмира Акли ибль-Фахри Шарифа обещаю, что Шауран не оставит своего союзника и соседа в столь трудное время, – поклонился главный визирь южной страны.

Наукоград не мог похвастаться сильными воинами, большинство его жителей составляли ученые, иногда даже лишенные магического потенциала. Однако его правитель посулил несколько технических сюрпризов для «вреднючих демонов», как он выразился.

Главы Солнцеграда и Иленкара дали слово мобилизовать все население, способное держать в руках оружие.

– Благодарю всех, – поднявшись с места, коротко кивнул император Софинии Иола Мудрый. – Не буду больше вас задерживать, поскольку дело, собравшее нас сегодня, требует незамедлительных действий.

Каждый лично прощался с императором, обмениваясь с ним вполголоса несколькими словами о предстоящем мероприятии. Собравшиеся быстро разошлись, остались лишь император, его советник и граф Шторм с невестой.

* * *

– Братство чем-нибудь сможет помочь нам сейчас? – без предисловий спросил Иола.

– Мы только этим и занимаемся, – вздохнув, ответил Шторм. – Мы соберем всех братьев, вот только я не уверен, что этого будет достаточно. Надо посмотреть на эту зону отчуждения и попытаться выяснить, с помощью какой магии перенастроили

врата. Может быть, единственным выходом будет собрать всех имперских чародеев и одним мощным потоком просто выжечь все вокруг. А может, и этого будет недостаточно. Сейчас сложно сказать.

– А настоятеля монастыря оповестили? – поинтересовалась Хельга.

– Да, он обещал собрать всех старшекурсников, – отозвался император.

– Вы собираете большую армию, ваше величество. Боюсь, вы ведете всех этих людей и магов на верную гибель, – сказал Шторм. – Никто из вас даже не подозревает о том, с чем столкнется.

– У послушников монастыря была известная вам битва с чудищами из нижних миров, – не согласился с ним Иола Мудрый.

– Да, только тогда демонов вызвали ваши местные маги, причем демонов, которыми могли управлять. И то монастырь потерял больше половины своих воспитанников, остальные спаслись бегством. Сейчас все будет по-другому, – прорицал Шторм. – Демоны хлынут неиссякаемым потоком, их будет великое множество. Многообразие видов, подвидов и классов в иерархии нижних миров невозможно даже себе представить.

– Не надо нас запугивать, – вступил в разговор советник Ален.

– Я и не пытался, – грустно улыбнулся Шторм. – Я только хотел обрисовать ситуацию, чтобы вы хотя бы примерно знали, что нас всех ждет.

– Лучше предложите что-нибудь дельное, – резонно заметил император.

– Хорошо. Как я уже говорил, мне нужно осмотреть все на месте. Порталы туда открываются? – спросил Дракон.

Иола кивнул.

– Значит, это не займет много времени, – подвел глава Братства промежуточный итог. – От осмотра будет многое зависеть, но, если сейчас взяться составить приблизительный план действий, рекомендую поискать причину открытия врат и тех людей, кто к этому может быть причастен.

– Думаю, причина все та же. Захват нашего мира.

– Сейчас я в этом не уверен, – отринул слова императора Шторм. – Врата находятся в нашем мире, но открывают их из нижнего. Значит, кто-то из высших демонов, наделенных незаурядным интеллектом, уже неоднократно посещал нас. Он сумел отыскать врата и приготовить здесь все для открытия их извне. Вы понимаете, о чем я пытаюсь сказать?

– Кто-то из нашего мира постоянно общается с демоном и

помогает ему! – догадался император.

– Не только. Этот «кто-то» должен быть прекрасно осведомлен о деле со старейшиной Августо пятилетней давности, о событиях на острове вампиров и о самих вратах. Скорее всего, это высокопоставленный чародей или очень близкий к вашему окружению человек, лично участвовавший в тех событиях.

– И знающий о провале всех попыток уничтожения этих проклятых врат, – добавил император, которому очень не понравились очевидные выводы, сделанные представителем боевого Братства, которого он сам пригласил. И, как оказалось, совсем не зря.

– Сколько у вас претендентов на роль предателя? – спросил Шторм.

– Около сотни, если считать и магов, и людей.

– На отработку всех версий может уйти много времени, которого у нас почти нет. Ваше императорское величество, – вежливо поклонился Шторм, – вы не зря заслужили звание мудрого правителя. Войска ваших вассалов смогут некоторое время сдерживать демонов, что даст вам время разобраться в ситуации и найти негодяя.

– А если мы его не найдем? – вновь подал голос Ален.

– Тогда вся эта суета уже не будет иметь никакого смысла, – грустно улыбнулся Шторм. – Все наши усилия превратятся в бесполезную мышиную возню.

* * *

Спустя час, оказавшись наедине с Хельгой в апартаментах, Шторм наконец получил возможность расспросить ее о странных секретах.

– Нет у меня никаких секретов, – пожала плечами Хельга. – Просто не было еще времени все подробно рассказать.

– Вот и отлично! Сейчас оно у тебя есть в избытке в дополнение к внимательному слушателю, который будет ловить каждое твое слово. – Шторм устроился поудобнее в кресле, давая понять, что он весь внимание.

– Может, просто покопаешься в моих воспоминаниях и возьмешь оттуда все, что нужно? – со злой усмешкой предложила невеста.

– Ты же знаешь, мне и самому это не нравится.

Каждый раз, когда тема касалась чтения мыслей и воспоминаний, Шторму приходилось оправдываться перед подругой за эти свои способности.

– К тому же мне важны не только воспоминания, но и твои личные суждения о произошедшем, – мягко заметил он. – Вот когда найдем того гада, который демонов привечает, церемониться уж точно не будем.

– Не нужно никого искать. – Хельга глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду. – Это мой отец.

– Настоятель монастыря? – не поверил своим ушам Шторм. – Ты шутишь?

– Это что, так похоже на шутку? – рассердилась Хельга.

– Всякое может быть, особенно если учесть, как он обошелся с тобой и твоей матерью, – примирительным голосом проговорил Шторм.

– К сожалению, это правда. Он подписал какой-то договор с высшим демоном Мо Ши еще в далекой юности. Не знаю точно, когда именно тот прибыл за оплатой, но появляется он в нашем мире регулярно. Его сын удерживал Юстинну, питаясь ею и за счет нее выживая в том мире, откуда я ее вытащила. Я убила сына Мо Ши – демона Сату, теперь его отец, может быть, явился по мою душу. Мо Ши уже убил Расту – это наша однокурсница, она помогла мне встретиться с Бесконечностью и найти Юську.

– Стоп! Давай все по порядку, с того момента, как ты ушла порталом из цитадели.

– Ладно, – согласилась Хельга и следующие полчаса подробно рассказывала Шторму обо всех своих приключениях в обоих мирах.

– Вот теперь почти все встало на свои места, – разминая затекшие руки и ноги, сказал Дракон. Во время рассказа невесты он внимательно слушал и даже не шевелился.

– Надо обо всем рассказать императору, чтобы он не тратил время на бесполезные поиски.

– Почему бесполезные? – парировал Шторм. – Как ты можешь быть уверена, что этот Мо Ши заключил договор только с твоим отцом? Вот, к примеру, Раста встречалась с ним независимо от воли настоятеля. Ты гарантируешь императору, что среди его подданных больше никто не якшается с демонами?

– Нет, – вынуждена была согласиться Хельга. – Что будем делать?

– Надо посетить врата, как я уже говорил императору. Только заскочим в цитадель. Нужно предупредить Тиджикха о всеобщей мобилизации и захватить кое-что из оборудования.

Шторм открыл небольшой портал, когда в дверь тихонько постучали.

– Кто там? – сворачивая воронку перехода, спросил Шторм.

– Милорд, будьте добры уделить мне несколько минут, –

прозвучал из-за двери мужской голос.

– Я быстро, – пообещал жених Хельге и выскочил в коридор.

За дверью главу боевого Братства ожидал Ален.

– Чего тебе нужно? – рявкнул Шторм.

– Я хотел только спросить… – начал советник императора.

– Спрашивай.

– Вы ведь заберете Хельгу отсюда, если… В общем, если все наши усилия будут напрасны.

– Я не могу навязывать ей свое мнение, она достаточно взрослая, чтобы принимать решения сама.

– Она воин с горячим сердцем, да и с головой тоже не слишком холодной, и вряд ли сама решит спасаться бегством. Я понял, кто вы. И только вы сможете спасти ее из той мясорубки, которая начнется здесь, когда демоны прорвут оборону.

– Я постараюсь не дать ей умереть. Такой ответ тебя устраивает?

– Да, вполне. Благодарю, милорд.

Шторм вернулся и вновь открыл портал в цитадель.

– Кто там был? – поинтересовалась Хельга, забрасывая на плечо дорожный мешок.

– Твой неудачливый ухажер.

– И что ему было нужно? – Хельга напряглась в ожидании известия об очередной пакости со стороны отвергнутого мужчины.

– Ты не поверишь, – хохотнул Шторм. – Он взял с меня слово вытащить тебя из пасти демонов, если нам не удастся спасти родной мир.

– Неужели? – удивилась Хельга. – Прямо как старший брат или отец.

– Знаешь, я думаю, он действительно тебя любит, – серьезно ответил Шторм. – Давай быстрее, а то нам опять не дадут спокойно уйти.

– Да, сделать надо многое, – согласилась Хельга и шагнула в портал.

Предоставив Хельге несколько часов для сна в своей родной постели, Шторм направился за амулетами и некоторыми необходимыми достижениями технологических цивилизаций.

В кабинете главы цитадели Братства царил приятный полумрак. За столом Шторма уснул измученный изучением научных астрономических карт Арканций.

– Иди отдыхать, – тронул его за плечо Шторм.

– Ты вернулся, – обрадовался проснувшийся Арканций, поднимая голову со стола. – Какие новости?

– Все новости подождут до утра. Иди спать, завтра много

дел, – безапелляционно заявил глава Братства. Ослушаться его смотритель цитадели не посмел.

Шторм быстро собрал все необходимое, дал указания Тиджикху, которого бесцеремонно разбудил, и вернулся, надеясь примоститься рядом с Хельгой и подремать часок-другой. Однако он застал девушку за разбиранием старых вещей в тяжелых дубовых сундуках.

– Ты так и не ложилась? – удивился Дракон, глядя на неразобранную постель. Раньше его невеста не упускала случая понежиться в кроватке, ведь она была лишена этого во время воспитания в монастыре.

– Я волнуюсь за Тимура и Юстинну, – поведала Хельга. – Их путь лежит через Выхину топь.

– Это совсем рядом с вратами.

– Я боюсь, как бы они там не сгинули, – призналась девушка. – Получится, что, спасая их от одной беды, я собственноручно толкнула обоих на смерть.

– Не стоит так переживать. Они оба опытные воины, – утешил ее Шторм. – Хочешь, я велю Нерку предупредить их о вратах? Ему все равно сейчас нечего делать.

– Нет, не надо. Лучше я сама попрошу Нерка присмотреть за ними, а заодно и подарок сестренке передать.

– Когда ты только успела запастись подарком? – хмыкнул Шторм.

– Ты не поверишь, пять лет назад, – тепло улыбнулась Хельга, доставая из сундука большой двуручный меч гномьей работы.

* * *

Юстиниана постоянно ловила на себе взгляд Тимура. Сначала этот взгляд был подозрительным, словно Тимур ждал, какой фортель она выкинет, но постепенно изменился. Все теплее и теплее становились золотистые лучики в его серых глазах. Погруженная в свои невеселые размышления, Юстиниана не замечала этой перемены. Ей досаждало повышенное внимание. Но она оправдывала Тимура, понимая, что, рассказав ему о влиянии, которое на нее оказывает недавнее пленение, они с Хельгой сами дали повод к недоверию.

Любая сила как магнит притягивает то, что считает своей собственностью. И Юстиниана понимала, что Сата был не одинок. Он принадлежал целой армии, которая должна была ввергнуть Землю в войну. После, полностью истощив планету, он намеревался, сломив остатки сопротивления, занять трон и стать

ее правителем. Сата был ключевой фигурой, значит, пока Юстиниана помнит о нем и его замыслах, связях и деяниях, ее не оставят в покое. И она сама, вполне ли она владеет своей волей?

Юстиниана и Тимур вновь встретились взглядами. Тимур тут же отвел глаза, и краска досады разлилась по его щекам. Он обидел своего коня, натянув повод, и выслал его вперед.

То, что причиной его пристального внимания не было недоверие, измученная девушка так и не могла понять. Зато Тимур хорошо понимал, что с ним происходит, и всеми силами пытался побороть в себе досадное волнение, которое вызывала в нем эта недоступная магичка. Он надеялся, что детские чувства он уже давно перерос. Он, казалось, испытал все, чтобы не краснеть, как юнец, под взглядом женщины. Но, в совершенстве владея собственным телом, волей, он оказался не властен над волной, захлестнувшей его.

Тимур невесело усмехнулся, вспомнив свой разговор с Хельгой. Если бы он знал, как все обернется, не стал бы ввязываться в эту авантюру. Каждая ее подружка приготовила ему западню, одна хлеще другой. Тимур знал, что между ними лежит пропасть, которую ни он, ни тем более Юста не собираются преодолевать. «Ничего, – наконец решил воин, – я скоро переболею и забуду это наваждение, как странный сон».

– Юста, – услышал Тимур за спиной звонкий голос Лаза. Молодой воин, похоже, превратился в верного поклонника рыжеволосой магички.

– Юста, посмотри, – позвал Лаз.

Тимур сделал над собой невероятное усилие, чтобы не оглянуться. Конь застонал и закусил удила. Жесткое железо раскровило ему губы.

Ерич перехватил устремленный вперед взгляд командира и ухмыльнулся.

На привале, быстро проглотив скудный суточный паек, Лаз направился в сторону ближайшего кустарника, на котором красовались рубиновые ягоды. Лаз набрал их полную шапку и двинулся к лагерю, когда путь ему преградил Ерич.

– Куда тащишь? – Он запустил лапу в импровизированное лукошко и взял горсть сияющих ягод.

– Не тебе! – Лаз отодвинул шапку от загребущих ладоней Ерича.

– Не нашей Юсте, случаем? – Ерич не собирался его пропускать. – Ты вот что, парень, переставай крутиться под ногами.

– У кого это я под ногами кручусь? – оскалился Лаз и с вызовом посмотрел в глаза Ерича. – Не у тебя ли?

– Не у меня. – Ерич не отвел взгляд, но и конфликтовать с молодым воином не собирался. Понизив голос, он процедил: – Ты что, слепой? Не видишь, зацепила она командира.

– Ну и что? – Голос у Лаза сорвался.

Ерич невольно улыбнулся: «Совсем юнец».

– А то, что я командира знаю лет двенадцать и ни разу не видел, чтобы его какая-нибудь… – Ерич пожалел Лаза и удержался от грубого словца, – девушка так зацепила.

– Тут командиров нет! – чуть не плача, сказал Лаз.

– Да не в командирах дело. – Еричу даже стало немного грустно. – Помнишь, ты мне рассказывал о девчонке из «Голубой лагуны»?

– А при чем здесь она? – возмутился Лаз, но краска смущения залила его щеки.

– А при том, – спокойно продолжил Ерич, – что ты, когда мы уезжали, был влюблен в ту девчонку, а теперь тебя Юста очаровала.

– Но… – Лаз бессильно развел руками.

– Да нет тут никаких «но», – перебил его Ерич. – Ты у нас еще молодой, и тебе влюбиться – что носом шмыгнуть. И не спорь, все такие были. – Ерич добродушно рассмеялся. – А командир… Тут его за такое живое зацепило, что я даже и не знаю как. Меня так не цепляло еще.

Ерич хлопнул Лаза рукой по плечу и, приобняв поникшего парня, направил его в сторону отдыхавшего отряда:

– А ягодами иди угости – вкусные.

Их разговор не ускользнул от внимания Тимура.

– Ерич, – подозвал он своего боевого товарища, – ты что там молодому втирал?

– Да так, поговорили, – хитро улыбаясь, отвечал Ерич. – У него в «Голубой лагуне» девчонка осталась, я сказал, чтобы не скучал. Дескать, как вернемся, ты его точно на пару дней к ней отпустишь.

– Ну ладно, – прищурился Тимур и недоверчиво покачал головой.

* * *

Усталому отряду выпало короткое счастье комфортного привала. И хотя прогретый солнечными днями лес мягко устилал почву подушками седого мха и изобиловал дичью, а прозрачные родники дарили свежесть и бодрость, все-таки, завидев кровли низеньких домов, воины радостно оживились. Лошади, почуяв скорый отдых, то задирали головы, то фыркали.

Кто не бывал в деревенской харчевне, тот не знает, что такое настоящая кухня! Это простая, здоровая пища.

Свежие овощи, не знавшие хранения, рук перекупщиков и торговцев, долгой тряски по ухабистым дорогам, еще светятся солнцем и пахнут землей, в которой набирались соком. Мясо сочное и незатейливое. Здесь не тратят время на утомительные изыски. Зачем? Дым коптильни – разве не вкуснейшая приправа? А размер рульки – лучшее украшение тарелки. Многообразная свежая зелень, которую измельчают и высушивают в городах, здесь не более чем необходимая подстилка под вашу огромную, истекающую горячим соком порцию.

Хозяйка, немолодая ширококостная женщина, едва сдерживая улыбку, хлопнула в огромные ладони и потерла их одна о другую.

– Так-так, – обратилась она к сонной прислуге. – У нас гости.

Розовощекие девушки потуже завязали кружевные переднички, из дальнего угла послышался долгий стон струн, настраиваемых рукой музыканта. Огонь ярче запылал в топке печи.

Шестеро гостей неспешно сели за крепкий дубовый стол. Девушка с толстенной косой, уложенной венком вокруг хорошенького личика, подошла принять заказ. Она уже приготовилась скороговоркой выпалить незатейливый ассортимент блюд харчевни, но смутилась от пристальных взглядов мужчин.

– У нас сегодня… – начала она, сбилась и зарделась, как маков цвет.

– Тащи, красавица, сюда все, что есть на кухне горячего, а потом мы послушаем, что у вас сегодня, – прекратил ее мучения Тимур.

Внимательно следившая за своей посланницей хозяйка, еще раз потерла ладони.

– Вот это я понимаю, – пробормотала она.

Тимур заметил недовольство на лице Юстинианы, которая сидела рядом с ним.

– Что-нибудь не так? – тихо спросил он девушку.

– Я чувствую здесь присутствие…

– …вампира? – продолжил за Юстиниану подошедший к столу словно вынырнувший из темноты высокий темноволосый мужчина.

Он выставил перед собой руки, как бы показывая, что оружия на изготовку у него нет. Тимур с первого взгляда узнал подошедшего:

– Нерк!

– К вашим услугам, – церемонно раскланялся вампир. В тот момент, когда он в приветственном жесте повел рукой, плащ распахнулся и в руке мужчины оказалась роза. Он протянул ее Юстиниане:

– Вы еще прекрасней, чем я мог себе представить.

Тимур уже дважды мысленно свернул Нерку шею, но тем не менее с улыбкой спросил:

– Какими судьбами, дружище?

– Скорее судьбой в лице одной особы, – с улыбкой отвечал ему Нерканн. – Хельга попросила меня присоединиться к вашей компании.

Тимур понял, что основные новости он услышит, когда останется с вампиром наедине.

– Может, пойдем посмотрим коней? – предложил он.

– Нет необходимости торопиться. – Нерканн красноречивым жестом показал ему, что его сведения остывают гораздо медленнее поданной дичи.

Тимур широким жестом предложил гостю присоединиться к трапезе. Нерк, прежде чем усесться за стол, еще раз поклонился Юстиниане:

– С благополучным возвращением, сударыня!

– Благодарю! – ответила девушка, но тень, пробежавшая по ее лицу, не ускользнула от внимания обоих мужчин.

Нерк уселся напротив Тимура и Юстинианы. Но сколько бы не обращался он к товарищу, его взгляд невольно возвращался к девушке. В темных глазах зажегся огонь, который разгорался все ярче и ярче. Тимур смотрел на Нерка тяжелым пристальным взглядом, который привел бы в замешательство кого угодно, только не этого наглого вампира. Нерк был в ударе. Его остроумные замечания не раз заставили улыбнуться сдержанную Юстиниану. Через полчаса беседы Нерк вдруг подскочил как ужаленный:

– Я совершенно забыл о поручении вашей сестры!

Он вернулся с зачехленным двуручным мечом.

Юстиниана обнажила его и ахнула. Такие шедевры

попадаются раз в сто лет. Тонкая резьба, игра металлической радуги, созданной разностью температур плавления, и совершенная балансировка.

В глазах Юстинианы сверкнули слезы:

– Надеюсь, руки еще помнят искусство управления с ним.

Нерк отвечал не менее изящно:

– Это как танец. Научившись танцевать, никогда не забудешь, как это делается. Надо просто не противиться музыке и своему телу. – Он мечтательно закрыл глаза.

Менестрель начал обходить столы в надежде получить заказ на песню. Тимур ловко подкатил к нему звонкую монету.

– Какую из песен желаете услышать? – спросил менестрель.

Тимур посмотрел через плечо на Юстиниану:

– Что-нибудь для нашей дамы.

Менестрель улыбнулся и прикрыл глаза. Казалось, лютня сама выбирала мелодию, а его пальцы только находили затрепетавшие струны. Несколько мгновений спустя его голос соединился с музыкой:

Курьез природы, камушек живой!
Казалось, серый придорожный камень!
Ему не место в дорогой оправе,
Мозаик не украсит он собой.

Зачем перчатку пыльную сняла?
И пальцами коснулась этой тверди?
Тебе казалось, что спасешь от смерти
Той болью, что ему передала?

Тимур опустил голову. Песня, которую выбрал менестрель, его явно раздражала. Нерк злорадно улыбался. Но Юстиниана слушала внимательно.

Нерк едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Вам понравилась моя песня, госпожа? – вдруг обратился с вопросом к Юстиниане менестрель по окончании песни.

– Да, понравилась, – с улыбкой ответила девушка.

– Давай что-нибудь поживей! – рявкнул раздосадованный Тимур.

– Женская душа – загадка, – многозначительно произнес Нерк.

Менестрель начал наигрывать мелодию, но Тимур перебил его:

– Приятель, без розовых соплей, пожалуйста!

Товарищи Тимура наконец-то заметили, что командир не в

духе. Ерич, желая поддержать его, крикнул:

– Валяй «Эй, подружку»!

– Как скажете! – Менестрель начал перестраивать лютню, а ребята – отбивать ладонями ритм по темной столешнице.

– Ерич! Поди смени Лаза, пусть придет поест! – приказал Тимур.

Ерич недобро сверкнул глазами, но встал и пошел на конюшню. Вслед ему гремела удалая кабацкая песня, подхваченная мужским хором посетителей:

Эй, подружка! Эй, подружка!
Поверти цветастой юбкой!

Девушки сновали с подносами от одного стола к другому, раскачивая бедрами в такт музыке.

– Эта песня вызывает жажду, – смеясь, заметила хозяйка харчевни.

Эй, подружка! Звезды-глазки,
Маргаритки, незабудки!
Подари свои мне ласки!
Покрути цветастой юбкой!
Принеси-ка кружку браги
И садись мне на колени,
Пусть же вечные бродяги
С пьяных губ сдувают пену!

Розовощекая селянка с венком косы в этот момент сменяла тарелки на столе рядом с Тимуром. Не задумываясь, скорее по привычке, он хлопнул девчонку пониже спины. И едва он это сделал, как понял, что окончательно убил себя. Взгляд Юстинианы полоснул стремительнее и холоднее гномьего клинка. Нерк торжествовал.

Как только стихло оживление, вызванное заводной мелодией, Нерк окликнул менестреля:

– Ты еще не устал, приятель?

Тот, улыбаясь, покачал головой. Нерк поднялся из-за стола.

– Пожалуй, пришло время и мне заказать музыку, – хищно улыбнулся вампир. – Знаешь «Звездную ночь над проливом»?

Менестрель опять кивнул и улыбнулся. Зазвучали медленные звуки чарующей мелодии. Нерк подошел к Юстиниане и склонил голову, приглашая на танец. Юстиниана приняла приглашение. Пара, подчиненная музыке, казалось, скользила, не касаясь пола.

Юстиниана отдалась музыке полностью. Как партнер Нерк был великолепен. Ни одна пара не рискнула присоединиться к ним, чтобы не померкнуть в сравнении. Глаза Нерка сияли, словно впитали в себя блеск всех звезд ночного неба. А Юстиниана, как солнечный день, купалась в красном золоте роскошных распущенных волос. День и ночь сошлись в невероятном кружении.

Он наклонился к ее маленькому розовому ушку:

– Где ты научилась так танцевать?

Юстиниана ускользнула от партнера вдоль его руки, затем вернулась и, глядя в глаза, ответила:

– В монастыре, конечно!

– Я не знал, что монастырь настолько многопрофильный, – улыбался Нерк.

– А ты? – Юстинна не заметила, как они перешли на «ты».

– О! – загадочно улыбнулся Нерк. – У меня были годы тренировок.

Тимур словно прикованный смотрел на эту милующуюся парочку. Музыка казалась ему бесконечной. Он уже подумывал встать и придушить музыканта. Если не придушить, то уж точно заставить замолчать. Но менестрель безнаказанно допел песню, и пара под аплодисменты прошла к своему столу. Тимур встал, перекрыв Нерку возможность сесть рядом с часто дышащей Юстинианой. Каждый учащенный удар ее сердца болью отражался в груди Тимура. Глаза воина налились кровью.

– Пойдем все-таки поговорим о деле, – закамуфлировал Тимур брошенный вызов необходимостью обменяться новостями.

Впрочем, он и хотел сначала обсудить новости от Хельги, а уж потом придавить Нерка к стене и посоветовать ему не приставать к Юсте.

От глаз хозяйки не ускользнула эта ситуация, и когда двое мужчин встали друг против друга:

– О! – с азартом в голосе, но достаточно тихо, чтобы слышал лишь парень за барной стойкой, воскликнула она. – Петушиные бои!

Ее острый взгляд тут же взвесил силы и средства противников. В том, что этим посетителям хватит денег, чтобы возместить ущерб, она не сомневалась. А вот сила обозначилась такая, что восстанавливать, возможно, все придется с нуля. Этого хозяйка позволить не могла, поскольку искренне любила свое заведение. Она свистнула пареньку, дремавшему в закутке рядом с корзиной цветов.

– Эй, ты! Быстро корзину цветов девчонке! Скажешь – от незнакомца!

Парнишка взлетел как ошпаренный. Хозяйка умела отдавать приказы. Поговаривали, что деньги на харчевню она заработала, командуя пиратским кораблем, бороздившим просторы коварного Элладанского моря. Конечно, это могли быть только слухи, но хватка у этой женщины была действительно железная.

Нерк медленно поцеловал Юстиниане руку и уже направился к Тимуру, когда появился заикающийся посланец и вручил девушке корзину с цветами.

– Это от незнакомца, – пролепетал несчастный, когда на него стали надвигаться двое мужчин с весьма недоброжелательными взглядами.

Они, как сговорившись, стали осматривать зал. В этот момент из-за темного столика в углу выскочил человек в дорожном плаще. Трудно сказать, был ли это изящный мужчина или спортивного сложения женщина. Тимур выскочил вслед за посетителем, но тот растворился в темноте. Пару секунд спустя послышался стук удаляющихся копыт и далекий протяжный собачий вой.

– Лошадь, по-видимому, была привязана у коновязи, – проговорил оказавшийся за спиной у командира отряда Нерк. – Ты иди к ней, а я полетаю в округе, подсвечу обстановку.

– Хорошо, – согласился Тимур. – Из новостей есть что-то спешное?

Нерк обернулся к нему:

– Ничего существенного, одни догадки.

Через мгновение летучая мышь неслышно поднялась в темное небо.

* * *

Тимур в первую очередь пошел в конюшню. Там его встретил недовольный Ерич.

– Что-то необычное заметил? – спросил его командир.

Ерич напрягся. Во время его короткого дежурства точно ничего не происходило, даже мухам лень было летать, но все-таки…

Он вспомнил, как вошел в конюшню. Его нос уловил несвойственный месту запах: к солоноватому запаху конского пота, мочи и влажной подстилки примешивался легкий аромат горьковатых женских духов.

Ерич втянул воздух еще раз с некоторым наслаждением и насторожился. Лаз разговаривал с девушкой в черном дорожном костюме. Ерич постарался приблизиться незаметно, но девушка

увидела его и быстро попрощалась с Лазом.

– Ну ты, девочка в хрустальных туфельках, командир велел тебя сменить. – Ерич был явно не в духе.

Лаз не заставил себя долго уговаривать и быстро покинул сердитого товарища.

Все пронеслось в голове у Ерича за доли секунды, и он ответил:

– В мою смену все было спокойно. А вот Лаз разговаривал с какой-то девчонкой.

– Лаз! – заорал Тимур. – Что за девушка? О чем говорили? – Он задавал вопросы молодому воину, не давая возможности продумывать ответы.

Тот залился краской смущения:

– Просто девушка. Она спросила, есть ли куда поставить ее лошадь. И еще спросила, хорошая ли здесь кухня.

– А ты? – нажимал на него Тимур, торопя с ответом.

– Про лошадь я сказал, что места хватит, а про кухню и ответить не успел, как подошел Ерич, она попрощалась и ушла.

Тимур выругался.

– Они знают, сколько нас. – Он ударил кулаком по стойке денника и с досадой выдохнул: – Как же мне не хватает людей!

* * *

Нерк поднялся над землей максимально высоко, но всадницу не увидел. Теплые потоки воздуха носили его легко и ласково. Лунный свет заливал пойму реки серебристыми потоками, и каждая травинка обрисовывалась невероятно четко.

Нерканн отметил про себя, что в этой местности слишком много волков или собак. Серые тени неслышно скользили между стволами могучих деревьев. Прочая живность тоже их чуяла и пряталась в темных норках. Также западню могли таить многочисленные пещеры и гроты, которых было настолько много, что облетать их с проверкой Нерк мог целый год. Одно он понял точно: всадница не поспешила куда-то с донесением, а затаилась поблизости.

Нетопырь поднялся еще выше. И тут его маленькие бусинки глаз отметили активное движение. Сквозь кроны деревьев Нерканн разглядел отряд из шести всадников. Они явно спешили. Нерк не стал медлить, развернулся и заскользил обратно к крышам деревни Вабилы. На обратном пути ему встретились сразу три летучие мыши, они зло запищали, сообщая чужаку, что жуки принадлежат им, а если он станет охотиться здесь...

Что будет, Нерканн слушать не пожелал. Сейчас жуки его не интересовали, зато, будучи большим любителем воздушных боев с истинными мышами, он обратил внимание на ракиту, над которой кружили три нахала.

Через полчаса Нерк уже рассказывал Тимуру об увиденном. Командира весьма огорчил тот факт, что всадница бесследно исчезла. Вампир продолжал:

– Еще в нашу сторону движется вооруженный отряд.

– Да? Сколько их, как экипированы?

– Как две капли похожи на нас, и их шестеро, – ответил Нерк и, усмехнувшись, добавил: – Впрочем, все проходимцы одеваются одинаково.

Тимур согласно кивнул.

– А покажи на карте, где они сейчас, – попросил он.

Нерк ткнул изящным пальцем, на котором красовался фамильный перстень, в карту.

– Вот, со стороны Выхиной топи.

Тимур обрадовался:

– Это наши. – Но тут же озадаченно добавил: – Далековато они, конечно. Ждать еще минимум два часа… Послушай, Нерканн! – посмотрел он на вампира. – А если ты перехватишь отряд и встретимся мы тогда не в Вабилах, а вот здесь?

Оба склонились над картой.

– А мне удастся убедить твоих людей изменить маршрут? – с сомнением спросил Нерк.

– Конечно нет! – рассмеялся Тимур. – Поэтому я дам тебе письменный приказ, и помимо этого, когда пожмешь старшему руку, сделаешь вот так. – Он показал Нерку условный нажим пальца.

– Посмотри внимательно на моих ребят из основного отряда. Тебе могут задать вопросы, и будет лучше, если ты на них ответишь.

– Ладно, – ухмыльнулся Нерк. – Если я когда-нибудь попаду в плен, то не буду рассказывать о твоих условных сигналах.

Он не мог удержаться от ядовитых замечаний.

– Не беспокойся, пой что хочешь. Эти сигналы довольно кратковременны, – парировал Тимур.

Нерканн опять преобразился и полетел в сторону Выхиной топи. Он все-таки не удержался и сделал маленький крюк в сторону ракиты. Со злобным писком к нему ринулась разгневанная мышь и тут же заверещала, получив хлесткий удар по чувствительным ушам. На душе у Нерка полегчало, и он поспешил на встречу с отвлекающим отрядом.

* * *

Всадница и впрямь все это время находилась поблизости. Она лежала на холодной могильной плите древнего кладбища и слушала звуки, которые резонировали в твердый гранитный пласт. Она умела ждать. Отряд разделился, вот что она поняла. Если бы не случай, она бы попалась на эту хитрость, но сейчас в ее руках был козырь. Грех упускать такую возможность. Впрочем, остались другие вопросы, и всадница решила кое-что разузнать, тем более было у кого…

Она вошла в харчевню сразу после того, как отряд покинул деревню.

Огней в зале поубавилось. Менестрель с аппетитом обгладывал бараньи ребрышки. Сама хозяйка заведения холщовой тряпкой протирала барную стойку. Девушка направилась прямо к ней.

– Здравствуй, Тисса! – обратилась она к женщине, у которой при упоминании этого забытого имени приподнялась бровь.

– И тебе того же, – ответила хозяйка, не отрываясь от своей работы. – А ты кто будешь?

– Я – Лина! – назвалась девушка.

– Никогда не слыхала о тебе, – равнодушно ответила трактирщица.

– Зато я о тебе много знаю. – Лина не собиралась отдавать инициативу.

Тисса наконец-то подняла на нее черные жгучие глаза, в которых скакали озорные чертики:

– Молодая еще – знать много.

Лина поняла, что в словесной перепалке ей не одолеть эту особу, да и не бороться она пришла, а за помощью.

– Тисса, – она схватила хозяйку за широкое запястье, стараясь отвлечь ее внимание от натирания стойки, – ты должна мне рассказать о твоих недавних гостях.

Тисса с ухмылкой взглянула на белую руку девушки и, без усилия стряхнув ее, продолжила свое занятие.

– Должна рассказать? – проворчала она. – С чего ты взяла, что я тебе что-то должна?

Лина совсем потеряла терпение.

– Иначе я расскажу… – Она сделала многозначительную паузу. – О твоем прошлом.

– О прошлом… – Тисса мечтательно прикрыла глаза.

Ее воспоминания были столь сильны, что огонь в камине дрогнул и по стенам харчевни побежали трепещущие тени, похожие на морские волны. Когда Тисса открыла глаза, в них

горел огонь, яростный и непокорный:

– Мало ли какие ошибки совершают девчонки в юности, что толку вспоминать о них к старости! Валяй, трави свои байки! Если они окажутся интересными и привлекут посетителей, я готова давать тебе бесплатный обед. – Она с презрением оглядела девушку и с довольным хохотом добавила: – Тем более что при такой комплекции ты меня не объешь!

Лина ничего не смогла ей ответить. Она почувствовала, как ей в живот уперлось что-то холодное, которое вдруг резко стало горячим, и обжигающая струйка потянулась вниз. Это Тисса через щели грубой барной стойки уперла ей в живот здоровенный тесак и нанесла предупреждающий порез. Такого вероломства Лина не ожидала. А Тисса в тот же момент заорала:

– И слушай, милая! Не вертись на кухне! Тут самое опасное место для таких девчонок! Обрежешься или ошпаришься! Несчастных случаев было – не перечесть!

Менестрель, суховатый человек с добрыми серыми глазами, оказался за спиной Лины, и его посох выглядел далеко не безобидно. Повар у котла тоже приподнял голову, и его единственный уцелевший глаз вперился в посетительницу, как клещ.

Лина почувствовала, что еще мгновение – и ей не удастся уйти из харчевни. Она резко развернулась и, отпрыгнув от менестреля, выскочила на улицу, громко хлопнув дверью.

– Что скажешь, Тисса, пора сниматься с якоря? – спросил хозяйку менестрель.

– Брось, Арго, с чего бы? – улыбнулась Тисса. – Кто поверит в старые сказки.

Менестрель обогнул стойку и приобнял хозяйку за широкую талию.

– А какой тонюсенькой ты была девчонкой! – Арго смотрел на нее с восхищением и любовью.

Тисса засмеялась, всколыхнувшись огромной грудью:

– Была, Арго?

– Ты мне любой нравишься, Тисса! – Он обнял ее еще крепче.

– Этот парень всегда знал, чем меня утешить, – расхохоталась хозяйка, обращаясь к одноглазому повару.

– А что, Джек, доставай бутылочку! Посидим, вспомним славное время.

Джек радостно ощерился и закивал головой. Ответить бедняга не мог – в давние времена кто-то вырвал ему язык. Не потому, что парень был болтлив, а потому, что умел держать его за зубами, вот и лишили старину Джека и того, и другого.

Арго задвинул засов, и харчевня закрылась до утра. Весело

струился дымок над крышей, и доносились куплеты каких-то незнакомых разудалых песен.

* * *

Теперь Тимур уже не маскировал отряд и не заметал следы. Они передвигались довольно быстро, поскольку использовали наезженные дороги, а не продирались сквозь чащобу. Тимур принял решение сделать ставку на скорость передвижения, а не на скрытность. Он не особо доверял магической системе защиты, полагая, что искусство военных операций прежде всего заключено в маневре. И если эффект неожиданности был под вопросом, оставался единственный козырь – скорость. Отдых был сведен до минимума. Чтобы поддерживать отряд в боевой готовности, Тимур разрешил дремать в седлах посменно на марше, передавая поводья бодрствующим. Наконец пришло время дать отдых лошадям. Тимур приказал всадникам спешиться. Осмотрев коней, он пришел к выводу, что в следующем населенном пункте их надо менять.

– Еще два таких перехода – и на маршруте многие из нас останутся пешими, – сообщил Тимур Еричу после осмотра.

Тот выразил согласие, однако с подозрением взглянул на то, как ласково Юстиниана расчесывает гриву своего серого.

– А тут могут быть проблемы, – заметил воин.

– Вижу, – грустно сказал Тимур.

Он представил, каким варваром будет выглядеть в глазах Юстинианы. Несколько раз он пытался завязать с ней разговор на совершенно безобидные темы, но девушка отвечала однозначными, короткими фразами и не выражала никакого желания поддержать беседу. Тимур решил не копаться в дипломатии отношений, а просто делать свое дело.

Самое забавное, что и Юстиниана решила: самое лучшее – не заниматься самоанализом, а просто следовать с отрядом к месту, где она сможет наконец-то стать свободной. Не стоит размышлять над тем, почему ей было так неприятно, когда Тимур начал приставать в харчевне к сельской девчонке. Нравится она кому-то или нет, все это ерунда. Сущие пустяки по сравнению с тем воем, который ей слышится по ночам. В ту самую минуту, когда она вспомнила о своих кошмарах, раздался протяжный вой и трубный звук охотничьего рога…

Взрывая влажный мох когтистыми лапами, псы напали с ходу. Следуя инстинкту, они мгновенно окружили отряд с двух сторон.

Первые из них бросились в атаку напрямую. Следующие за ними применили изматывающий прием, свойственный псовым. Собаки начали кружить, прижимаясь к земле и улучая момент, чтобы пройти в ноги, стремясь выхватить кусок мышцы, тем самым лишив возможности потенциальную жертву передвигаться.

Отряд Тимура мгновенно сосредоточился в каре, таким образом превратившись в бастион, сверкающий лезвиями клинков. Рев и пронзительный визг стояли над сумрачной поляной. Несмотря на существенные потери, псы не отступали. Это и выдавало тот факт, что стая напала, не повинуясь голоду или законам территории, а подчиняясь жесткому приказу какого-то существа, чей гнев был страшнее смерти.

Почти все воины из отряда Тимура получили ранения. Благо раны были несущественными, ибо тактика обороны позволяла в любой момент прийти друг другу на помощь. На какое-то время, когда численность атакующих максимально превысила число оборонявшихся, строй каре разорвался. В проемы моментально кинулись псы.

Ерич едва увернулся от броска в горло, но успел выставить короткий меч и вспорол брюхо очередной твари. Краем глаза он увидел, как Лаз повалился на одно колено и его атаковали сразу три зверя. Молодой боец бился отчаянно, но после того, как крупный рыжий пес впился смердящей пастью ему сзади в бедро, был обречен.

Каким-то чудом Ерич переместился именно в тот момент, когда твари прыгнули к горлу Лаза. На землю твари опустились одновременно, как тяжелые снопы, а еще через пару секунд головы псов откатились от дергающихся в агонии тел.

Тимур прикрывал Юстиниану, насколько мог, но псы все равно достигали цели. Юстиниане пришлось еще и отказаться от двуручного меча, которому не хватало размаха на тесной поляне, учитывая построение обороны, и также сражаться короткими мечами. Именно такими клинками были вооружены воины Тимура. Девушка осекла тварь, ринувшуюся ей в ноги, и тут же прямым тычком встретила пса влет. Пока освобождала клинок, застрявший в черепе собаки, следующий зверь вцепился в бок Юстинианы. Благо балахон, выданный ей Тимуром, был сильно велик, пес под тканью ощутил лишь пустоту. Это было последним, что он вообще ощутил. Тимур сокрушил его череп столь мощным ударом, что мозг животного забрызгал не только его с Юстинианой, но и стоящие метрах в трех деревья.

В этот же момент Тимур был атакован вражеской всадницей. Левой рукой воин едва успел прикрыть грудь от разящего удара клинка. Чуть поддернув руку вверх, он перевел колющий удар в

скользящий. Но все равно защитный поручень на предплечье лопнул, а Тимура развернуло на девяносто градусов. Используя в том числе инерцию нападающей, Тимур нанес страшный удар мечом справа. Всадница, натянув повод, опрокинулась вместе с лошадью. В тот же миг атака прекратилась. Уцелевшие псы разбежались и исчезли в подлесье, словно растаявшие тени. Их раненые собратья, скуля, расползались с места недавнего яростного боя.

Воины добивали собак, не успевших покинуть поляну. Ерич поймал поднявшуюся после падения с всадницей лошадь.

– Смотри-ка, командир! Это ж баба! – кивнул он на поверженную женщину.

Из глубины леса послышался нарастающий топот копыт. Люди, еще не совсем отдышавшись, приготовились к бою. В этот момент из сумрака хвойных деревьев выскочил Нерк на вороном, широко раздувающем ноздри коне. Его талант добывать неведомо откуда изысканные вещи на этот раз превзошел все ожидания. Вороной жеребец был великолепен.

Но лоснящаяся роскошь коня померкла перед открывшимся зрелищем на лесной поляне.

– О! Мы всегда вовремя! – осмотрел Нерк место недавнего боя.

Его взгляд остановился на распростертом теле белокурой всадницы. И хотя кровь уже отхлынула с мертвого лица, она все равно была необыкновенно хороша. Нежная кожа и тонкие черты никак не вязались с тем, что эта девушка сейчас лежала мертвой, в испачканной болотной грязью одежде.

– Какая красивая женщина, видишь? Разве тебе не жаль? – Нерк смотрел на убитую, словно это было произведение искусства, только что разбитое грубой рукой вандала.

– Нет, не вижу, – холодно ответил Тимур. – С того момента, когда она взяла в руки оружие, она стала врагом и перестала быть женщиной.

Он обтер пучком осоки короткий меч, вставил его в ножны и сплюнул. Потом посмотрел на задумавшегося Нерканна:

– Я жалею только о том, что не успел ее допросить.

Повернувшись к вампиру спиной, Тимур начал отдавать распоряжения ожидавшим его воинам:

– Ерич! Быстро проверить характер ранений, начать обрабатываться.

Только что подоспевшая вторая часть отряда ждала указаний командира, не покидая седел и молча осматривая место недавней битвы. Тимур обратился к ним:

– Рог! Нужно собрать разбежавшихся лошадей и выставить

охрану по периметру.

Все его приказания исполнялись быстро и беспрекословно, и только Юстиниана позволила себе обратиться к Тимуру:

– Я могу залечить раненых своим способом.

– Давай, – коротко ответил ей Тимур.

Потом, словно какая-то мысль прожгла его, он подошел к девушке и начал довольно бесцеремонно ее ощупывать:

– Что, сильно зацепило?

– Это не моя кровь! – холодно ответила Юстиниана и выскользнула из его рук.

Тимур отошел от нее багровый как рак и пробормотал:

– Я должен знать...

– Да? А вот руки распускать было обязательно? – неожиданно оказался рядом Нерк.

Тимур и не собирался оправдываться, он резко развернулся, весьма ощутимо зацепив при этом Нерка, и, не глядя на него, крикнул:

– Свар, собирайте трупы! И укладывай под комель этой буреломины.

Когда-то порыв ветра вывернул огромный дуб, образовав объемный грот, куда теперь собирался сложить трупы собак Тимур.

– А девушку тоже туда? – спросил с горьким сарказмом Нерк.

– Конечно, – ответил Тимур, зло глядя ему в глаза. – Отдельных захоронений и поминок не будет. Наше дело – убрать за собой, а не раздавать почести.

Нерк ничего не ответил. Что толку спорить? Вот она, философия смертных. Такая же примитивная, как их короткая жизнь. И цена ее так же невысока.

Юстиниана занялась врачеванием. Слюна псов могла нести в себе яд, и даже маленькую царапинку не стоило оставлять без внимания. Она подошла к убитой и произнесла одну-единственную фразу:

– Нет, я ее не знаю.

И все – ни жалости, ни торжества. Сухая констатация факта.

* * *

Трупы собак и тело девушки закидали лапником. После этого всадники оседлали измученных коней и двинулись в путь. Опасность, этот алкающий зверь, следовала за ними по пятам. Отряд сохранял постоянную боевую готовность. Нервы стали похожи на натянутые струны. И в такой неудачный момент Тимур

решился переговорить с Юстинианой о ее коне.

Он подъехал к девушке и полушепотом спросил:

– Ты видишь, что кони на последнем издыхании?

Юста с явным напряжением в голосе возразила:

– Мой Тритон в порядке.

– Да, он у тебя двужильный, – согласился Тимур, – но в ближайшей деревне я хочу сменить всех коней. Тритона тоже придется оставить.

– Но… – Юстиниана не смогла сразу подобрать нужные доводы.

– Юста, я вижу, что ты относишься к нему с некоторой привязанностью, – Тимур не привык кого-либо уговаривать, и теперь ему казалось, что у него даже горло заболело, как в далеком детстве, – но если он падет на следующем переходе, ты будешь огорчена еще больше.

Юстиниана опустила голову, и какое-то время они ехали рядом молча. Командир отряда уже собрался отступить в сторону, когда Юстиниана впервые окликнула его по имени:

– Тимур! Он не совсем лошадь. Разреши мне добраться на нем до реки, а там я его отпущу. Сменная лошадь может какое-то время идти в поводу.

– Хорошо, – согласился Тимур. – Так и поступим.

Он бросил беглый взгляд на Тритона. «Кто их поймет, этих магичек! «Не совсем лошадь»… И что же это за монстр?»

Увидев, что в строю место рядом с Юстинианой освободилось, Нерк поспешил составить ей компанию. Тимур сплюнул. У него явно начинало болеть горло.

– Что опечалило прекрасную даму? – галантно начал Нерк.

– Я надеялась, что мои страхи – иллюзия, – искренне ответила Юстиниана. – Однако там, в корнях поваленного дерева, остались веские доказательства обратного.

– Да-а, – протянул Нерк. – А я подумал было, что недавняя стычка не произвела на вас никакого впечатления.

– Что толку демонстрировать впечатления, – с горечью сказала Юстиниана. – Разве это может что-либо изменить?

– Я бы не был так категоричен.

В этот момент свинцовое небо расколола ослепительная молния. Через пять секунд раскатисто прокатился гром.

Тимур подъехал сзади, вынудив коня Нерка отступить в сторону.

– Надень это! – Он протянул Юстиниане плащ-накидку.

Девушка поблагодарила.

– А вы, надеюсь, обладаете крепким здоровьем? – спросил Тимур Нерка. – У меня нет лишнего комплекта.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся вампир и, оказавшись рядом с Тимуром, тихим голосом, так, чтобы его слышал только он, добавил: – В крайнем случае попрошусь под крылышко к нашей прекрасной даме! Безусловно, вдвоем теплее.

– Я тебе шею сверну! – не выдержал оппонент.

– Вы очень самоуверенны, сударь! – изящно возразил Нерк.

– Мне часто говорили об этом! Как правило, «до» и никогда – «после», – парировал Тимур.

– Может, попробуете подтвердить свои слова? – разозлился Нерк.

– Обязуюсь подтвердить! Но сначала выполню то, что должен: доставлю Юстиниану в безопасное место и выведу людей из этого проклятого леса.

– Ловлю на слове! – поклонился, принимая вызов, Нерк.

– Ты свое удержи, не надорвись! – отрезал Тимур и пришпорил своего бедного коня.

Нерканн опять вернулся к Юстиниане и самодовольно ловил тяжелый взгляд Тимура.

Лес становился все более влажным. Вдобавок с севера пробился циклон, и теперь сырой заряд ветра принес проливные дожди. Дороги сделались расхлябистыми. Копыта лошадей вязли в глинистой почве. Наконец вдали показались прибитые дождем жиденькие дымки деревни. В отряде искоркой пробежало оживление. Однако Тимур, остерегаясь засады, выслал конный разъезд из двух опытных воинов.

Когда они благополучно вернулись и доложили о своих наблюдениях, Тимур наконец-то разрешил отряду короткий комфортный отдых.

* * *

Рассвет выдался серым и дождливым. Притулившись возле стены, местный шаман тренькал на струне, зажатой в губах. Странный однотонный звук должен был разогнать тучи.

Юстиниана встала пораньше, вышла во двор и начала тренировку. Двуручный меч описывал широкие круги вокруг ее хрупкой фигуры. Она делала резкие неожиданные выпады, словно отражала атаки невидимого противника. Припадала на колено, перекатывалась и вновь поднималась.

Тимур замер, не в состоянии отвести взгляд от этого волшебного зрелища. Вот она остановилась, и вдруг меч с новой силой завращался вокруг девушки. Казалось, она пыталась не пустить дождевые капли к земле, и ей это почти удавалось.

Двигающийся меч обратился в серебряный обруч, вращающийся вокруг воительницы. Внезапно она остановилась. По ее лицу, смешиваясь с дождевыми каплями, градом катил пот. Треньканье выделилось в отдельное звучание, свист рассекаемого воздуха прекратился, и стало слышно, как стучат дождевые капли и бьется в груди разгоряченное сердце. Комок подкатил к горлу Тимура. Шаман оставил наконец струну в покое, и она долго звучала в неприкосновенной тишине. Низкое небо вдруг пронзил золотой широкий луч. В туманную низину пробивалось солнце.

Жители деревни занимались в основном коневодством, поэтому быт их был весьма скуден. Вся трапеза сводилась к вареной или сыровяленой конине, пресным лепешкам и кислому кобыльему молоку. Ковры из шкур все тех же коней заменяли постели. Впрочем, эти условия отряду показались верхом уюта и благополучия. Тимур находил, что более удачное пристанище найти было невозможно. Жителей мало, поэтому появление чужака не могло пройти незамеченным. К тому же именно здесь легко было обменять усталых мелительских коней на местных лошадок, пусть менее красивых, зато чрезвычайно выносливых. Еще один существенный момент: сыровяленое мясо как нельзя лучше подходит для пайка, на котором они смогут продержаться до конечной цели путешествия.

Местный богач-коневод быстро сообразил, какая удача плывет ему в руки.

– Не беспокойся, Батор, – так вежливо называл он Тимура, угадав в нем старшего, – лучших коней тебе дам!

Тимур кивнул.

– Ай хороши! Ай хороши! – не в силах сдержать эмоций, цокал языком торговец, поглядывая на мелительских скакунов. – И мои хороши, – вдруг испугавшись, что Батор передумает, зацокал он, как сердитая белка. – Мои – им сноса нет, и копыта не болят. Весь год на пастбищах! – нашел он веский аргумент.

– Знаю, уважаемый, – усмирил его восторги Тимур. – Знаю и цену своим, и цену твоим. Мне рассказывать не нужно. Ты на этой сделке втрое выгадаешь. Я ведь властью императора и даром коней взять могу.

– Ай-ай! – запричитал хозяин лошадей. – Зачем разорять будешь?

– Не буду разорять, – милостиво согласился Тимур. – Я тебе, считай, щедрый подарок делаю. Всех своих мелительских лошадей оставляю, уставших, но лучших в своей породе. Всех, кроме серого!

– А серого чего ж? – сделал умильное лицо торговец. – И серого оставь! Лошадка устала… Я за него двух дам!

– Ты мне за вороного двух дашь, – указал Тимур на глянцевого жеребца Нерка.

– Разоришь ты меня, Батор, – осуждающе покачал головой торговец.

– Будешь спорить – разорю! – пообещал Тимур.

– Да, да, да, – закивал местный конезаводчик. – Бери, конечно, бери! Ты – власть!

– Где твои лошади? Посмотреть хочу, – перебил его Тимур.

– Утром приведут! Что им в загонах сидеть? В табуне ходят! – отвечал мужчина.

– Ну все, по рукам, – завершил сделку Тимур. – Мой человек пойдет ловить коней с твоими работниками.

– Зачем? – удивился хозяин табунов. – Пусть отдыхает, они утром приведут!

– Знаю я вашего брата, подсунешь старую или больную, а потом будешь причитать, мол, как такое случилось.

– Зачем обижаешь, Батор? – улыбнулся хитрый хозяин. – Ты много знаешь, тебя обмануть – себе дороже!

– Ай молодец! – передразнил с улыбкой его тон Тимур. – Соображаешь. Смотри, уважаемый, если мне хоть одна не понравится – всех со двора сведу!

– Ай зачем так говоришь!

Ударили по рукам.

Тимур обернулся к поджидавшему конца сделки Рогу.

– Рог, утром с его ребятами поедешь лошадок выберешь! – громко распорядился Тимур и, продолжая улыбаться, тихо добавил: – Эти не обманут – себя уважать не станут. Смотри в оба! Зубы – хрен с ним, на один раз берем. Но ноги чтоб были безупречные: копыта, суставы, вены, жилочки. Если какая охромеет – сам за нее повезешь, – пригрозил он.

Рог только головой покачал. Но Тимур и впрямь ошибку не спустит, особенно если предупредил.

Еще не рассвело, а пятнадцать низеньких, крепких и злых лошадок стояли в леваде. Тимур сам проверял каждую. Рог даже обиделся:

– Не доверяешь, командир? Я каждую по двадцать раз прощупал.

– А я двадцать первый посмотрю. Не будет дальше возможности замены. А у нас сейчас вся надежда на их ноги. Дело не в том, что я тебе не доверяю, Рог, я просто перестраховываюсь.

Тимур говорил спокойно, но Рог почувствовал, что положение их куда более серьезное, чем они предполагали в начале операции.

– Зачем лишних взял? – спросил Тимур.

– На всякий случай, – ухмыльнулся Рог. – Вдруг тебе какая не понравится.

– Мне все нравятся, – улыбнулся Тимур, осмотрев лошадей. – Всех и возьмем на всякий случай.

– Я так и знал! И с хозяином уже все уладил, – сообщил провидец Рог.

Отряд выехал на рассвете. Перед ними расстилались обширные пойменные луга. Непуганая дичь выпрыгивала буквально из-под копыт. Благо выросшие в этих местах лошадки были привычны к подобным раздражителям и не пугались при шумном взлете засидевшейся птицы. Дожди прекратились, но ночи стояли холодные. Закаты наливались янтарной прохладой. На подходе к реке Тимур подстрелил нагулявшего осенний жирок гуся. Переправляться на другой берег Живицы решили вплавь, держась за гривы барятских лошадок, которые, в придачу к многочисленным своим достоинствам, еще и прекрасно плавали. На последнем перед переправой привале Тимур натопил на костре гусиного нутряного жира и принес в склянке эту мазь Юстиниане.

– Вот, возьми, смажь кожу. Вода уже остывшая – хоть немного, но предохранит от холода.

Юста хотела возразить ему, что и на этот счет у нее есть действенные заклинания, но осеклась и только кивнула.

– Вот. Если надо помочь... – Тимур покраснел, не договорив фразу. – Извини. Ну, если что нужно, зови.

Девушка улыбнулась:

– Я поняла.

Рог с Еричем, наблюдавшие с безопасного расстояния за этим занимательным действом, переглянулись и тут же нашли себе срочные занятия, чтобы не встретиться с командиром взглядом.

Юстиниана ласково погладила Тритона, затем сняла с него уздечку, тут же обвисшую стеблями водяных лилий:

– Плыви, малыш! Ты теперь свободен.

Тритон непокорно потряс головой. Юстиниана пристально посмотрела ему в глаза, которые уже обхватил золотистый ободок.

– Ну, иди, – легонько подтолкнула она коня.

Тритон опять покачал головой.

– Ты хочешь меня перевезти, прежде чем уйдешь? – наконец догадалась девушка.

Довольный водяной конь утвердительно закивал. Он окунул голову в воды Живицы и обрел роскошную бахрому жабр, но тело продолжало оставаться лошадиным.

Нерканн, до того как обернуться нетопырем, обратил

внимание Тимура на заросли тала, где прятались русалочки. Вид обнаженных мужчин вызвал среди них радостное оживление.

– Эти красотки умеют быть настойчивыми, и если не планируешь повеселиться, вряд ли стоит чехлить оружие, – предупредил он.

– Ладно, лети уже, тварь, – мрачно попрощался с нетопырем Тимур.

Юстиниана подошла, укрытая лишь лоскутом ткани. Тимур едва успел прикрыться оружием. Но Юста не обратила на его смущение никакого внимания.

– Я поставлю защиту, поэтому отбиваться от русалок вам не придется. И все же пожертвуйте какой-нибудь тканью, чтобы частично прикрыться. У водяных дев очень сильно развито женское начало, и таким видом вы их будете только раздражать. А мне придется тратить больше энергии.

Ошеломленный Тимур, в качестве щита использовавший всего лишь меч, почувствовал, что земля проваливается у него под ногами.

Его голос откуда-то издалека поблагодарил Юстиниану. Она тут же удалилась в ближайшие заросли осоки.

Он отдал приказ подвязаться, разъяснив пожелание Юстинианы в более грубой, доходчивой форме. И только после с досадой подумал, что у самой магички, к сожалению, никакого «женского начала» не наблюдается.

К счастью, у него не было времени размышлять на философские темы. Холодная вода мгновенно смыла все рассуждения. Началась переправа.

До самой середины реки все шло гладко. Русалочки преследовали отряд на приличном удалении. Юстиниана комфортно расположилась на спине своего полуконя-полурыбы. Тимур видел, как мощно работает позади серебристого корпуса огромный плес. Они благополучно миновали середину реки, и в этот самый момент Лаз провалился с головой в темную воду и послышался характерный бульк.

Тимур мгновенно отпустил гриву своего коня и нырнул, чтобы отыскать товарища. Он силился разглядеть в черном чреве реки белесое тело человека или хотя бы зеленоватые пузырьки воздуха. Кругом была безмолвная темнота. Тимур вдохнул побольше воздуха и пошел в черную глубину еще раз. Ничто не нарушало однотонный траур реки. Тимур почувствовал, как деревенеют скованные холодом и лишенные воздуха мышцы. На черном фоне реки запрыгали предательские светлячки.

Но в этот момент перед его глазами показалась морда с раздутыми ноздрями Юстинианиного зверя. Девушка крепко

сидела на гладком крупе коня и удерживала поперек него бесчувственное тело Лаза. Тимура отбросило в сторону. Он всеми силами контролировал уходящее сознание и приказывал телу работать. Перед лицом Тимура опять возникла морда чудовищного Тритона, и Юстиниана протянула ему руку. Едва ли осознавая реальность происходящего, Тимур вскарабкался на спину Юстинианиного коня и обнял ее сзади. Девушка была на удивление горячей. Ее тепло обжигало Тимура, разливалось кипятком и словно электрическими разрядами пронзало сердце, причиняя боль.

Они оказались на берегу первыми и тут же начали откачивать нахлебавшегося воды Лаза. Тимур с тревогой оглянулся на реку:

– Все девять на плаву! – и вернулся к реанимации Лаза.

Тот пришел в себя и с трудом понимал, где он находится и что с ним происходит. Тимур, забыв о недавнем смущении и присутствии Юстинианы, растирал парня своим куском материи, которая предназначалась для защиты от русалок.

– Давай! Приходи в себя! Кто собирался служить долго и счастливо? – тормошил Тимур паренька.

– Да-а, – медленно и нараспев произнес Лаз. – Три дня с-с-счастливо, а п-п-потом д-долго!

– Вот и молодец! – обрадовался Тимур тому, что к сомлевшему парню вернулось сознание.

Появившийся Нерк протянул командиру отряда свой плащ.

– Ты еще спроси, сколько пальцев он видит, – съязвил вампир.

Юстиниана в это время уже прощалась со своим конем. Она поцеловала Тритона в морду, и он медленно, без всплеска, погрузился в темную воду и тихо ушел на глубину.

Тимур дал отряду немного времени на то, чтобы перевести дух.

Они не успели отъехать далеко от реки. Еще густые камыши обступали тропу и в воздухе чувствовался привкус сырой рыбы, когда Юстиниана почувствовала нарастающую тревогу. Нерканн тоже ощутил необъяснимое давление и тоску. Тимур не обладал магическими способностями, однако тоже обратил внимание на то, что куда-то подевались птицы. С того момента, как путники перешли на другой берег, они не подняли ни одной зазевавшейся кряквы, ни один любопытный чирок не перебежал тропинку вслед проехавшим лошадям. А вот проломы в камышах были свежими. Учитывая тот факт, что осока и камыш обычно образовывают сплошную стену, Тимур сразу все понял и подал знак: «Приготовиться к бою».

Воины обнажили оружие и взяли короче поводья своих

полудиких коней. Зеленоватый туман начал подниматься над землей.

«Он идет не от реки!» – первое, что понял Тимур, но отступать уже было поздно.

– Нерк! – позвал Тимур, не поворачивая головы и пристально вглядываясь в зеленую стену.

– Я уже все понял, – тихо ответил вампир, и Тимур услышал хлопанье крыльев.

Нерк поднялся над колышущимся полотном высокой травы и присвистнул от удивления. Впереди отряд ждала засада.

Седой колдун вызывал ядовитый туман, который через несколько минут должен был охватить всю низину. А позади него небольшая группа головорезов приготовила кривые сабли. Морды их коней были обернуты тряпками, чтобы не выдать засаду раньше времени. Нерк устремился к отряду с целью успеть предупредить товарищей.

Юста настроилась на ритм импульса колдуна.

– Он не хочет нас убивать, – сказала она, открыв глаза. – Он нас усыпляет.

– Насколько я понимаю, – поправил ее Тимур, – он не хочет убить тебя. Если вы с Хельгой не ошиблись, ты им нужна живая.

Бледная Юстиниана кивнула:

– На некоторое время я смогу обезвредить морок, но колдун очень силен, и в прямой дуэли я проиграю ему достаточно быстро.

– Ну, хорошо, что ты не одна, – улыбнулся Нерк. – Ты не давай ребятам заснуть, а я уговорю мага не шалить на старости лет. Только ты не мешкай, – обратился вампир к Тимуру.

– Не начинай, пока не услышишь крик чибиса.

– А ты начинай, если услышишь писк мыши, – улыбнулся Нерк и поднялся вверх.

Юстиниана выставила перед собой руки, и поднявшийся с реки ветер зашелестел в зарослях. Волны зеленого тумана стали раскачиваться туда-сюда, но так и не смогли подняться выше груди низинных лошадок. Те, чуя опасность, задирали морды, но ни одна не заржала и не фыркнула, словно понимая, что плотная стена осоки, обступившая их, готовилась к прыжку, как дикий зверь.

Отряд продвигался вперед в направлении, указанном Нерком. Он усиленно считал шаги коней. Итак, пора.

– Чивик! Чивик! – звонко разлилось над заросшим берегом.

Черной молнией метнулся Нерк на седого мага. Он только нацелился ему в макушку, как почувствовал режущие удары в корпус и крылья – вернуться в человеческий облик он уже не мог.

Его опутала тонкая проволочная сеть, которая все сжималась, разрезая черную мантию его крыльев.

В этот момент он увидел направленные на него кривые сабли…

– О-о-вах! – просвистело что-то у него над ухом. – О-о-вах!

Это Юстиниана со своим двуручным мечом просекла широкую полосу в толпе нападавших.

Колдун отвлекся от сети, в которой бился, как пойманная рыбеха, Нерк. Седой маг еще не успел перестроиться, как воительница рассекла его наискось. Тимур со своими воинами вступил в схватку с головорезами в черных одеждах. Те не собирались сдаваться, но вскоре начали отступать в глубь зарослей. Нерк, едва освободившись от сети, невзирая на кровоточащие раны, вступил в бой. Юстиниана, орудуя своим мечом, наносила чудовищные удары, не оставляющие раненых. Через несколько минут, бросив пострадавших товарищей, те, кто был в состоянии уйти, скрылись в высокой траве. Маг скончался прежде, чем завершился бой. А немногочисленные раненые – их было пять человек, не смогли сказать ни слова.

Тимур приподнял одного за грудки и посмотрел на него тем особым взглядом, который обычно у допрашиваемых вызывал замешательство. Пленный испугался, замотал головой и замычал… Увы, языка у него во рту не было.

Тимур сплюнул:

– Кто-то предусмотрел такой исход засады.

Он отшвырнул пленного от себя.

Ерич чиркнул себя пальцем по горлу, спрашивая командира об участи оставшихся в живых противников.

Тимур на минуту задумался, посмотрел на Юстиниану и еще раз на поверженных головорезов.

– Свяжи их! – ответил он. – Пока развяжутся, мы уже будем далеко. Да и о нас они, пожалуй, все знают.

Отряд, наскоро перевязав раны, поспешил вперед, чтобы как можно быстрее покинуть коварные заросли осоки.

Залечивать раны сразу после схватки Юстиниана не могла, слишком много сил забрала магическая дуэль. Нерк обладал высокой регенерацией, но сеть, видимо, предназначалась непосредственно для него, поэтому боль, причиненная металлическими путами, во время перехода едва не вышибала его из седла.

На первом же привале Юстиниана занялась лечением раненых. Но ей это сил не прибавило. Она опустилась на траву совершенно изможденная. Тимур подошел к девушке и постелил рядом свою накидку.

– Не лежи на холодной земле. – Он помог ей перебраться на расстеленную ткань.

Ерич подал флягу и посоветовал:

– Давай, Юста, сделай один глоток, а больше не надо.

Юстиниана взяла флягу и глотнула. Благодатное тепло разлилось по всему телу. Мышцы сделались ватными, но зато заполнявшая их свинцовая тяжесть улетучилась.

Ерич, завинчивая крышку, усмехнулся:

– Да, Юста, ты, конечно, завидная невеста.

Ютиниана с удивлением посмотрела на него. А Тимур с Нерком настороженно замерли.

Довольный произведенным успехом, Ерич завершил:

– Травы ты накосила сегодня – двум коровам на всю зиму хватит.

Юстиниана рассмеялась и почувствовала, как глаза начинают слипаться.

– Ты что это ей дал? – поинтересовался Нерк.

– Арника. Что еще так хорошо залечивает раны? – соврал Ерич.

– Арнику не пьют, – проявил осведомленность Нерк.

– Ну, значит, не арника, – не раскололся Ерич.

* * *

Старый слуга наконец-то прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Он позволил себе несколько минут глубокого сна. Первые четыре минуты за последние шесть дней переезда и обустройства быта хозяина. Мо Ши перебрался поближе к вратам. На развалинах старого замка он устроился с привычной для него роскошью. Слуги не знали покоя. Благодушному настроению хозяина всегда приходил на смену сокрушительный порыв гнева. Такие периоды – как затишье перед бурей. Кажется, нет причин для тревог, а кости ноют и тоска подбирается к горлу. Старик, знавший своего хозяина не первый век, предполагал, что у него будет еще пара спокойных дней, но он ошибся.

Лим не отличался уважением к старшим и культуре быта. Он прошел в покои хозяина, расталкивая слуг, словно это был его дом, а слуги – навязчивая свора собак, выбежавших ему навстречу. Руки гонца были заняты. Говорить с прислугой он считал ниже своего достоинства и потому просто раздавал челяди пинки направо и налево.

– И что на этот раз? – лениво проговорил Мо Ши недовольным тоном.

Лим ему не ответил. Он бросил перед хозяином ковер, который, развернувшись, открыл безжизненное тело женщины. Это была Лина. Ее волосы спутались, а к одежде прилипли влажные опавшие листья. Вся она была перемазана грязью и запекшейся кровью.

Мо Ши с интересом разглядывал ее. Потом с трудом поднялся с ложа:

– Вот как… А мои собачки?

– Те, что не разбежались, лежали с ней в одной яме, – хриплым голосом ответил Лим.

– М-да… – Мо Ши на какое-то время задумался. – Ты испачкал ковер, – наконец сказал он.

Гонец поднял на хозяина полные холодной злости глаза. Мо Ши улыбнулся:

– Но это еще послужит нам.

Лим не понял, о чем говорит хозяин, его взгляд приковывало мертвое тело, распростертое у ног.

– Уноси ее отсюда – и сразу отдыхать, – велел Мо Ши. – Тебе предстоит долгий путь.

Мужчина опустился на колено и легко поднял девушку. Полузавернутая в ковер, она повисла, как огромная нелепая кукла.

Через полчаса после того, как Мо Ши закончил отдавать гонцам распоряжения, он вызвал к себе слуг:

– Почему в мои покои любой может войти без доклада?! Черви! Ваши беззубые рты способны лишь поглощать пищу и шептать оправдания!

Старик с горечью подумал, что опять придется обучать новых слуг, а ведь еще не все тюки распакованы. Эти слуги уже были обречены. Вечно с этим Лимом столько хлопот. Но на него можно рассчитывать. А Сулейман... Судя по тому, что ни одна из белых голубок не вернулась в свое гнездо, ему нечем было порадовать своего господина.

* * *

Белесые вершины пологих гор упирались в яркую синеву неба. Круторогие бараны поднимались все выше и выше. Они казались маленькими точками на огромном теле горного хребта. Пестрая ленточка переливалась на солнце, словно солнечные зайчики играли на заснеженных камнях. Она лежала прямо на пути баранов, поднимающихся по крутому склону. В этой полоске острым взглядом охотника старик узнал снежного барса,

застывшего перед прыжком.

– Посмотри, Мариам, видишь, ирбис поджидает свою добычу! – Старик вглядывался в едва различимые штрихи.

Мариам покачала головой и понесла кувшин с водой в саклю. Ей нужно было напечь лепешки к ужину.

Старик и дальше бы продолжил с интересом наблюдать за охотой большой кошки, если бы его внимание не привлек другой звук. К подножию горы приближался отряд из пяти человек. Они были в пропыленных черных одеждах, а их лица укрывали темные платки.

– Мариам! – окликнул старик жену. – Ты бы схоронилась, от беды подальше…

Мариам выглянула из сакли и только махнула рукой. Ага-Аслан, так звали хозяина сакли, не стал ее больше убеждать. Усмехнувшись, он подумал: «Легче осла свернуть с дороги домой, чем старую жену выманить из дома».

Всадники тем не менее приближались, и Ага-Аслан набил трубку табаком. Он смотрел на горы и синеву высокого неба и ждал.

– Ага-Аслан! – вежливо обратился к нему всадник с укрытым платком лицом. – Мне нужна твоя помощь, и я щедро заплачу тебе за нее.

– В моем доме не отказывают в помощи тому, кто в ней нуждается, и не требуют платы за нее, – ответил Ага-Аслан.

– Что ж, – сказал всадник, удерживая разгоряченного коня на месте, – тогда помоги даром, а деньги возьмешь, если в них все же будет нужда.

И он бросил тяжелый кошель, в котором звякнули монеты, на солому рядом с саклей.

– Через час или два сюда приедет отряд из одиннадцати человек. С ними нежить – один вампир и колдунья. Эти люди не знают обычаев гор, они жители равнины. Я хочу, чтобы в воду, которую им поднесут в этом доме, ты влил вот это… – И всадник кивнул одному из воинов.

Тот спешился и, подойдя к Аге-Аслану, поставил у его ног медный кувшин с древними письменами на потускневших боках.

Ага-Аслан слушал молча. Он не проронил ни слова и только пыхтел своей трубкой.

Приняв его молчание за согласие, всадник продолжал:

– Как только они уснут, ты выпустишь голубя.

Он жестом приказал второму воину подойти к старику. Воин спешился и поднес к Аге-Аслану клетку, в которой сидела белоснежная голубка.

– Я буду находиться поблизости и увижу твой знак, –

продолжал черный всадник.

Ага-Аслан не проронил ни слова.

– Ты понял меня, старик? – повысил тон командир отряда.

– Я понял тебя, путник, – спокойно отвечал Ага-Аслан.

– Хорошо! Сделаешь, как я сказал, – станешь богатым, а нет... – Всадник рукой указал в сторону сакли: – Ты и кто там еще у тебя есть пойдете на корм шакалам.

– Не беспокойся, – отвечал старик. – Я же сказал: в моем доме никогда не отказывают путнику в помощи. Ни в хлебе, ни в воде, ни в указании пути...

– Ты, видимо, впадаешь в маразм, старик, – усмехнулся всадник. – Мне не нужно ни одно, ни другое, ни третье.

Ага-Аслан ясным прямым взглядом посмотрел ему в лицо, скрытое тенью и темным платком:

– Ты собираешься подняться к пещерам?

– Я знаю свою дорогу, старик.

– Горы изменчивы, – проговорил Ага-Аслан. – Прошедшие дожди вызвали сель, и он засыпал тропу к пещерам.

Всадник задумался, а Ага-Аслан встал, поднял с соломы тяжелый кошель, взвесил его на сухой ладони и продолжил:

– Ты можешь подняться второй тропой. Она круче, но зато цела. Видишь – левее?

– Ну что ж, благодарю тебя, Ага-Аслан, – ответил всадник и направил коня к левой тропе, уходящей вверх.

– Не благодари, в этом доме указывают дорогу, не прося благодарности.

Всадник презрительно хмыкнул и, отъехав к указанной тропе, оглянулся и напомнил:

– Не забудь о голубе, старик.

– Не беспокойся, – отозвался Ага-Аслан, – я о нем не забуду.

Всадники исчезли в зарослях акации, и суровая Мариам выглянула из сакли:

– Кто были эти люди?

– Мариам, поставь выпекаться лепешку и, как только она будет готова, скажи об этом мне, – приказал Ага-Аслан жене. – Иди и не теряй ни минуты.

Мариам не стала спорить. Она сразу же выполнила приказание мужа. Тесто пропитывалось теплом, а отряд черных всадников тем временем поднимался все выше по узкой тропе. Золотилась корочка, как молодая луна, и тропа сделалась уже. На лепешке зарыжели пятна, из-под копыт коня передового всадника сорвался камушек и покатился по склону.

Мариам вышла из сакли и обратилась к уснувшему, казалось, мужу:

– Готова твоя лепешка!

Ага-Аслан поднялся. Он вошел в саклю и через минуту вышел, но не с лепешкой, а со старой длинной трубкой-дудуком. Он подошел к отвесной скале, возвышавшейся над саклей, вставил трубку в глубокую расщелину и заиграл. Далеко разнеслась тоскливая мелодия. Неясным рокотом ответили горы. И через мгновение послышался далекий грохот – где-то выше произошел обвал.

Старик вернулся в саклю и убрал свою трубку под ковры. Затем взял испеченную лепешку и вышел на свежий воздух. Он покрошил лепешку голубке, та заворковала, но клевать теплый хлеб не стала.

Ага-Аслан пригляделся. У голубки были зашиты глаза, оставалась лишь тоненькая полосочка – она-то и позволила бы несчастной подняться вверх и послужить знаком для черных всадников.

Старик вздохнул, достал успокоенную голубку из клетки и свернул ей шею.

– Ох-хо, – вздохнул Ага-Аслан. – Жаль, загубил бедную душу.

Мариам только покачала головой и подошла к кувшину.

– Не тронь его! – остановил ее строгим голосом муж. – Это письмена черных демонов, я знаю их знаки.

– Что же он, так и будет стоять здесь? – проворчала жена.

– Зачем? – изумился Ага-Аслан. – Мы обольем его ослиной мочой, завернем в рваную ветошь и бросим в пропасть.

* * *

Ветер наконец сменил направление. Установилась сухая и теплая погода. Западный берег изобиловал фруктовыми деревьями. Дорога становилась все более устойчивой, сухой и твердой. Погоня, даже если она и была, на какое-то время отстала, и в отряде царила благодушная атмосфера. Нерк с Тимуром не цеплялись друг к другу. Юстиниана тоже повеселела. Она вдыхала насыщенный ароматами теплой земли воздух, и он ей казался ароматом свободы. Девушка запретила себе думать о каких-либо романтических отношениях и жестко подавляла даже намек на мысли о сопровождавших ее мужчинах. «Я пройду через воды забвения, – думала Юстиниана. – Кто знает, что сохранит моя память?»

Местность понемногу становилась гористой. В ближайшем селении они снова сменили лошадей. Это была особая горная порода, их копыта обладали чувствительной полоской,

называемой стрелкой, которая позволяла ощутить малейшую неустойчивость камня. Благодаря своим чудесным свойствам эти лошади не срывались с обрывов, были молчаливы и устойчивы. Низинные лошадки здесь не ценились вовсе. Поэтому Тимур заплатил хозяину полную цену за его товар, а затем уже продал своих скакунов.

Старик в мохнатой шапке удивился.

– Зачем тебе продавать своих… – Он сделал паузу, не зная, называть ли низинных лошадьми, не нашел слов и только сделал жест рукой в их сторону. – Хочешь – оплати корм, и я отдам тебе их на обратном пути.

– Я не знаю, буду ли возвращаться и какой дорогой поеду, если вернусь, – покачал головой Тимур. – Зачем мне обязывать тебя?

Старик тряхнул в руке несколько монет, которые предназначались в оплату за лошадей Тимура:

– Возьми продуктами, и еще я дам твоим людям бурки. Ночью в горох холодно.

Тимур нашел это предложение дельным. Тем более что так его отряд становился более похожим на местных путников. А при необходимости он всегда мог сбросить лишний груз.

Старик не лукавил. Он щедро накормил воинов, снабдил провизией, дал хорошие бурки и, сверх уговоренного, мохнатые шапки – такие же, какая была на нем самом. Тимур ему понравился.

Проводив отряд, старик вернулся в дом и сказал своей молчаливой жене, расшивавшей синей канвой покрывало:

– Хороший воин и командир. – Потом помолчал немного и добавил: – Похож на нашего Мурата, да будут благословенны звезды над ним.

Женщина оторвалась от шитья, подняла глаза к потолку сакли и сухими губами прошептала благословение.

* * *

Отряду предстояло пересечь небольшой горный хребет. На карте он был обозначен как хвостик большого горного массива, но в реальности это был нелегкий, хоть и наезженный маршрут. Крутые подъемы сменялись глубокими ущельями. Тимур становился все более сосредоточенным. Нерк чаще поднимался в ночное небе, чтобы осмотреть окрестности. Маловероятно, что преследователи ограничились только организацией той несущественной стычки с собачьей сворой и засадой на болоте. А значит, нападения нужно ждать в любой момент.

Днем Тимур высылал вперед конные разъезды, чтобы хоть немного ориентироваться в лабиринтах гор, укрытых теплым туманом и пышной растительностью.

– К нам приближается отряд из пятидесяти всадников, – торопливо доложил Ром, вернувшись к отряду.

– Где они? – спросил Тимур.

– Они вышли из второго тоннеля и находятся выше нас на ярус.

Тимур выругался:

– Проклятое ущелье! Мы в узком горле, и если захотим уйти, то окажемся ниже их, а значит, подставимся под огонь лучников! Надо обустроить засаду и приготовиться к столкновению. Рог! Ерич!

Зазвучали четкие команды, разворачивающие отряд в боевое построение.

Тимур подъехал к Юстиниане:

– Прошу тебя, не ввязывайся, что бы ни случилось! И если наши потери будут слишком высоки, ты уйдешь вот этим тоннелем. – Тимур открыл карту и указал ей темно-коричневую штриховку тоннеля. – Нерк уйдет вместе с тобой.

– Тимур… – попыталась возразить девушка.

Но он не дослушал ее:

– Это приказ.

Послышался нарастающий топот копыт. Воины приготовились к нападению.

Тимур поднял руку: «Внимание!»

Тишина зависла над ущельем. Как только он опустит руку, отряд сойдется с передовыми всадниками.

Но Тимур сделал горизонтальное движение: «Отмена!»

Всадники въехали в ущелье. Условным знаком Тимур передал командование Рогу, а сам отправился навстречу халифскому

отряду.

Приближающиеся всадники резко осадили коней и с удивлением смотрели на подъезжающего к ним Тимура. Уверенность, с которой он двигался, выказывала силу и контроль над ситуацией. Некоторое время Тимур беседовал с халифскими воинами. Его отряд вжался в камни и застыл, ожидая команды. От переговаривающихся отделился один всадник и поспешил к остановившейся полусотне, тоже с нетерпением ожидающей вестей. Наконец к переговорщикам подъехал пышно одетый мужчина, и Тимур обменялся с ним верительными грамотами.

Вздох облегчения освободил от тревожного ожидания как минимум шестьдесят человек. Встреча вооруженных отрядов в этих горах вполне могла закончиться трагедией. Разочарованные грифы сделали прощальный круг и расселись на ближайших скалах, все еще не теряя надежды поживиться.

Невольно потеряв время в переговорах, командиры с обеих сторон приняли решение устроить привал, совместив лагери. Ночь в горах падает внезапно, словно занавес, не давая путникам форы. Никто не хотел подставлять свою спину и начинать спуск в темноте, предоставляя вероятному противнику преимущество в высоте. Тимур понимал, что он находится в гораздо менее выгодном положении, чем его временные союзники. Но, разглядев состав халифского отряда, повеселел: там оказались женщины. Они были укутаны в многочисленные дорогие ткани и не представляли собой военную силу. Как позже объяснил халифский командир Амир, он сопровождал посла и десять кандидаток в невесты халифа. Услышав за спиной веселый шепоток, Тимур, не оборачиваясь, показал за спиной своим воинам увесистый кулак.

Нерк, следуя указаниям командира, так и не покинул расщелину и висел неприметным нетопырем, ожидая дальнейших указаний. Но Амир не был новичком в ратном деле.

– А куда подевался еще один ваш воин? – Он указал на заседланную лошадь Нерканна.

– Наверное, по нужде отошел, – сделал Тимур невинное лицо, и опять за спиной его ладонь сделала приглашающий жест, переданный Еричем таким же образом Нерку.

Нерк, хорошо расслышав ответ Тимура, преобразился в человека и вышел из укрытия, оправляя одежду.

Амир вытаращил глаза. Он знал эту местность и каждую ее складочку, как свою ладонь.

Поэтому, не скрывая удивления, кивнул на приветствие Нерка и подошел к расщелине, из которой только что «вышел» господин в богатой одежде. Расщелина была глубиной не более

полулоктя.

Нерк скромно улыбнулся. Амир покачал головой, словно стряхивая наваждение: «Не мог я ошибиться! Отсюда вышел этот господин в костюме, указывающем на его знатное происхождение. Но поместиться здесь у него не было никакого шанса!» После недолгих раздумий Амир приписал это оптическому обману зрения, которое приблизило фигуру вышедшего локтей на двадцать пять.

Халифские воины быстро развернули шатры, где разместились закутанные в красочные ткани женщины. Рядом с ними расположилась молчаливая охрана. Воины Амира, выполнявшие роль сопровождения, расстелили ковры и устроились на земле, так же как и воины Тимура. Оба командира выставили охранение.

Постепенно расположившиеся у костра мужчины разговорились. Поймав косой взгляд Амира в сторону шатров, Тимур спросил, глядя на причудливо одетых стражей невест:

– А эти что, тоже твои?

– Да нет, это люди визиря, – с нескрываемой досадой отвечал Амир. Потом, хмыкнув, добавил: – Специально для охраны женщин.

– Это как? – заинтересовался Тимур.

– Евнухи. У них… – Амир сделал поясняющий жест. – Не мужики и не бабы, а гонора… Мы, дескать, спецохрана!

В этот момент из шатра выскользнула одна из невест. И хотя ее лицо было завешено узорной вуалью, жгучий взгляд, который она бросила на расположившихся у костра, заставил даже огонь вспыхнуть ярче. Мужчины как по команде обернулись в ее сторону. Евнух, плетущийся за девушкой, что-то сказал ворчливым голосом. Восточная красавица выплеснула из медного таза воду и, виляя бедрами, прошмыгнула в глубину шатра. Оттуда донесся веселый смешок. Евнух только опустился на коврик, как из шатра вышла вторая девушка с тем же тазом, на донышке которого плескалась вода. Евнух теперь ворчал все время, пока она, не проделав те же манипуляции, что и ее товарка, не исчезла с глаз.

– Да, – рассмеялся Тимур, – твои бы не уследили.

– Да что бы им сделалось? – отвечал Амир. – Разве ж кто не понимает, что это невесты халифа?

В большом казане сварился плов. Его аромат разнесся по всему ущелью. Словно жалуясь на свою голодную участь, с тоской затявкали шакалы. Наглые еноты все время высовывали носы в зону света. К общему казану подошел старший из евнухов и переложил в свой казан львиную долю плова, под презрительным

взглядом Амира бесцеремонно выбирая куски мяса. С извиняющимся видом Амир пригласил своих гостей отведать горячей еды. Ром в этот момент взгромоздил на костер их походный котел, наполненный мясом. Кашевар Амира с одобрением крякнул, глядя на такое добавление к рациону. Снова горный воздух всколыхнула волна ароматов. Воины с наслаждением ели горячую сытную пищу. Юстиниана отправилась спать, устроившись в импровизированном шатре из бурок и лапника.

– Командир, можно тебя на минуту? – Ерич отозвал Тимура в сторону и принялся что-то ему доказывать.

Тот улыбнулся и покачал головой:

– Ну валяй, а там – на усмотрение Амира.

Он вернулся к костру, Амир несколько раз подозрительно вглядывался в его лицо, наконец не выдержал и спросил:

– Все в порядке, Тимур?

– Да вроде все, – спокойно ответил тот.

Начали разливать напитки. Ерич сам отнес настой из терпких горных ягод, который заваривал Ром, к шатру с женщинами. Охранник что-то проворчал в ответ, видимо так выражая благодарность.

– Зря переводишь хороший напиток, – процедил сквозь зубы Амир. – Для женщин он слишком крепок, а этим… – Амир не нашел слов.

– Да пусть пьют – не отравятся, – весело отвечал Ерич.

Командиры сменили охранение. Прибывшие из дозора жадно поглощали еще не остывший плов с мясом. Сменились и евнухи. Тот, который выбирал мясо из казана, передал сменщику котелок с настоем. Напитка осталось едва ли больше трети. Еще полчаса спустя специальная охрана халифа выводила рулады, свалившись перед входом в шатер.

Амир забеспокоился.

– Ничего с ними не случится, – с недоброй улыбкой заметил Ерич. – Немного переели, устали…

Амир встряхнул свой бокал и обратился к Тимуру:

– Это чудесные свойства вот этого напитка?! – Его рука легла на пояс, где покоилась рукоять кривой сабли.

Но Тимур успокоил:

– Мы с тобой пили из одного котелка.

Амир обеспокоенно покачал головой.

– Я лично против подобных выходок, – вмешался Нерк, переводя гневный взгляд с Тимура на Ерича. – Как представитель…

– Нерк, будь человеком, – смеясь, перебил его Ерич. – Мы за

полчаса успели устать от этих голубей халифа, а ребята, – он показал на людей Амира, – с ними полмесяца мучаются. Пусть поспят пару часов. А красавицы, может, споют для нас.

Он посмотрел в сторону шатра, откуда, пока мужчины беседовали, незаметно вышли три девушки. Одна из них носком узенькой туфельки тихонько попинала евнуха, который только перебирал влажными губами.

– Они даже храпят фальцетом, – не удержался от язвительного замечания Амир, наблюдавший за этой сценой. Потом обратился к Тимуру: – Надеюсь, больше сюрпризов не будет?

– С нашей стороны – нет, – заверил его Тимур.

Нерк сделал движение, показывающее, что он умывает руки. «Быть человеком» он не собирался.

Девушки, судя по всему, слышали их разговор. Из шатра они вышли, весело улюлюкая и звеня бубнами. Проснувшаяся Юстиниана подошла к костру.

– Я их предупреждал, – не преминул сказать Нерк.

– О чем предупреждал? – изумилась Юста.

– Они подсыпали сонных ягод в питье, и вот охрана халифских невест беззаботно спит, а невесты расползаются по ущелью.

– Да? – покачала головой Юстиниана. – Это плохие шутки.

Одна из девушек тем временем настроила лютню и красивым голосом запела:

Заходи в мой золотой шатер!
Здесь в избытке и вино, и влага…

Под одобрительные крики воинов две девушки вышли в круг перед костром и начали танец. Они то сходились, то снова расходились. Звенели мониста и пряжки. Красавицы скинули покрывала, словно соревнуясь друг с другом. Их тела двигались в такт музыке. Тонкая ткань едва прикрывала горячие прелести танцовщиц, завораживая зрителей, унося их в мир грез.

Перекинут через время мост,
Жалит щеки пылкое свиданье,
Трепет и томленье ожиданья,
Рассыпаются дробинки звезд.

Одна танцовщица сменяла другую, их цветные одежды, словно полоски радуги, плавно перетекали, и танец казался

бесконечным. Покидая круг, танцовщицы бросали платок кому-нибудь из зрителей, таким образом выражая ему личную симпатию.

Дивной флейтой вызывают змей
Из затерянных в веках сосудов,
Этой ночью танцевать я буду
Для тебя до утренних огней.
И пока тягучий льется мед
Из серебряных глубин кувшина,
Юноша найдет в себе мужчину,
Мудрость скинет лет тяжелый гнет.

Певица остановилась, чтобы перевести дух. И в это время неискушенный Лаз, распаленный невиданным зрелищем, крикнул:

– Юста, а ты? Покажи им!

– Юста! Давай! – поддержали его сразу несколько голосов.

Тимур обернулся на горлопанов, намереваясь осадить их, как неожиданно Юстиниана встала и направилась в круг.

Она встала посреди круга, склонила голову и начала ладонями отбивать ритм, который зрители тут же подхватили. Ритм становился все жестче. Юстиниана все стояла, не поднимая головы. Наконец она словно проснулась и сделала то, что привело зрителей в полный восторг. Девушка резко наклонилась и продемонстрировала двойной удар ногой, называемый «вертушка». Она провела серию тренировочных ударов, которые опытные воины называют боем с тенью. Ладони зрителей отбивали ритм. Они с нескрываемым восторгом кричали и свистели, выражая Юстиниане восхищение не только как девушке, но и как боевому товарищу.

Каждый элемент этого своеобразного танца воины встречали с ревностью, испытывая желание выйти с ней в круг. Она как бы вызывала на бой. Затем Юста опять замерла, а после провела рукой по волосам, распустив их. Она знала, какое впечатление производят ее огненные волосы, рассыпающиеся по плечам. Это как лава, вытекающая из жерла вулкана, как языки неуправляемого пламени. Невесты халифа сгрудились в сторонке и с недовольством смотрели на эту женщину-воина. Они бросали презрительные взгляды на ее странный наряд.

Юстиниана улыбнулась им и медленно, под неизменный ритм, приподняла нижний край майки к груди и завернула так, чтобы ее тело оказалась открытым на манер исполнительниц танца живота. Юстиниана поиграла боком, и теперь невесты

халифа почувствовали себя неуютно. Шрамы на ее боку были похожи на причудливую вязь рисунка. Юстиниана тем временем приблизилась к одному из восточных воинов, забрала лежащее рядом с ним копье и с силой вонзила в землю в центре круга. Каменистая почва заскрежетала, из-под наконечника выбились искры. Юстиниана рассчитала верно и концом копья попала в природную расщелину. Оружие намертво закрепилось в породе.

Используя копье, Юстиниана показала несколько невероятных акробатических элементов, которые странным образом распаляли зрителей. Всех, кроме двоих, если не считать невест халифа. Нерк и Тимур – вот те двое, кому танец Юстинианы причинял волнение и беспокойство. Ревность и соперничество, тревога и ответственность охватили обоих. Нерк обратил внимание, что если все девушки косились на танец Юстинианы с негодованием, то одна из них, невысокая смуглянка в желтом платье, не отрывала глаз от движений магички. Ее сосредоточенный взгляд неотрывно следовал за каждым элементом танца, словно стремясь закрепить в памяти. Губы слегка шевелились, проговаривая вслух этот невиданный рисунок. Нерк подумал, что у нее больше шансов стать женой халифа, чем у других.

Но наступил тот самый момент, который заставил Тимура и Нерка отвлечься от всех мыслей, кроме одной. В руке Юстинианы невероятным образом оказался алый платок. Она опять остановилась, и платок, вознесенный ее рукой вверх, начал медленно опускаться. То ли ткань была настолько легкой, то ли горячий воздух от прогретых камней замедлял движение, но платок опускался бесконечно долго. Можно было разглядеть созвездия на ночном небе, просвечивающиеся сквозь дымку платка. «Кому? Кому бросит Юстиниана свой платок?» – эта мысль почти ощутимо витала в воздухе. Тимур почувствовал, что его сердце сейчас остановится.

Долгожданный взмах руки… и платок опустился под ноги танцовщице. Он еще не коснулся земли, когда острый конец копья пронзил его, пригвождая к скальной поверхности, как бы ставя точку во всех чаяниях и надеждах.

Танцы закончились. Никто из десяти невест не решился выйти после Юстинианы в круг. Но они еще долго играли на лютне и других музыкальных инструментах, звучали нежные голоса и звонкий смех. Смуглая девушка в желтом платье подошла к танцовщице-воину и подала ей какой-то сверток.

– Что это? – спросила удивленная Юстиниана.

– Это мой подарок тебе, – проговорила та и опустила глаза.

– Мне не нужны подарки! – категорично отказалась

Юстиниана.

– Я восхищаюсь тобой… – начала девушка.

– Прости, я не могу. – Юстиниана отошла в сторону.

Тимур подошел к ней и спросил:

– Что эта халифша хотела от тебя?

– Ничего, просто хотела сделать подарок.

– И что? – допытывался Тимур.

– Я не взяла, и мне жаль.

– Я не понял, – с досадой покачал головой Тимур. – Хотела, не взяла…

– Бойтесь данайцев, дары приносящих, – проговорила Юстиниана.

– Говори, пожалуйста, проще, я не понимаю тебя! – с мукой в голосе произнес Тимур.

– Извини, это песни другого мира, – ответила Юстиниана. – Девушка хотела подарить мне шелковый ковер – я отказалась. Но если у меня когда-нибудь будет дом…

Она развернулась и пошла спать. Тимур покачал головой и отправился проверять посты. Когда он вернулся, костер начал затухать и в лагере воцарилась тишина. Не спал только Нерк.

– Почему закончилось веселье? – спросил вампира Тимур.

– Это Юстиниана, умница, избавила нас всех от хлопот, – отвечал довольный Нерк.

Тимур вопросительно смотрел на него. Нерк пояснил:

– Она послала заклятие, стирающее память. Завтра никто ни о чем и не вспомнит. Поверь, это единственно правильное решение. С халифом не стоит играть в такие игры. У него плохо с чувством юмора, когда шутка касается его невест.

– Да она вообще молодец, – пробормотал Тимур.

Утром отряды разъезжались каждый своей дорогой. Тимур о чем-то долго разговаривал с Амиром. Они подошли к тюкам, и Тимур, просмотрев несколько свертков, наконец нашел то, что искал.

Амир не хотел брать увесистый кошелек с монетами, который передал ему Тимур, но тот категорически отказался от возможности принять что-либо в дар.

– Спасибо, Амир, но не обижайся на мой отказ. У меня нет намерения как-то обидеть тебя, но я беру это не себе, а в подарок женщине. В этом случае я должен заплатить сам.

– Ну, раз такое дело… – Амир согласно развел руками.

Командиры дружески попрощались.

Когда отряд отъехал уже достаточно далеко, Тимур бросил свою добычу поперек седла Юстинианы:

– Когда украсишь свой дом, я хотел бы увидеть, как он будет

смотреться в нем.

Юстиниана отодвинула краешек ткани. Это был причудливый кашимский ковер.

– Спасибо, Тимур.

Он кивнул и пришпорил коня, чтобы возглавить отряд.

* * *

Дальнейший путь был однообразен, а потому долог. Еще дважды меняли коней. Теперь под седлами воинов красовались высокие пустынные аргамаки. Они стойко переносили палящий зной и были благодарны своим седокам, укутывающим их попонами на ночь. Фураж был скуден, но именно лишения создали этих отточенно скульптурных животных, и они вышагивали по пескам, гордо подняв свои благородные головы.

Пустыня забирала все силы. Красные пески перекатывались изменчивыми барханами, подчиняясь воле ветра. Жар дня сменял холод ночи. Редкие ящерки и ядовитые змеи вызывали оживление, и их обезглавленные тела служили пищей изрядно вымотанным путникам. Один раз пришлось изменить маршрут и потерять почти сутки. Тимур заметил в небе стаю падальщиков, кружащихся черной воронкой почти у линии горизонта, и остановил отряд.

– Что-то там есть! – сказал он подъехавшему Нерку.

– Давай я слетаю?

– Это не так просто, к тому же, случись что, укрыться тебе будет негде, – возразил Тимур.

– Если в объезд, то мы потеряем много времени.

– Иного выхода у нас нет. Из двух зол нужно выбирать меньшее.

Нерканн легче всех переносил жажду, но и он страдал неимоверно. Вампир взглянул на обветренные и выжаренные пустыней лица своих спутников и еще раз обратился к Тимуру:

– Эта дорога может доконать нас не меньше, чем столкновение с неизвестной опасностью.

Тимур обернулся к товарищу. На загорелом лице его глаза смотрелись, как голубовато-белесые озера; сузившаяся точка зрачка была похожа на прицел, выбирающий себе жертву.

– Никогда нельзя игнорировать этих птиц. Где скопление ворон – там смерть. Мы можем столкнуться с мором или убитыми, что в такой жаре однозначно погибельно. Посмотри, – обратился Тимур к Нерканну, – как оживлены птицы! Ворон горячит падаль. Они только собираются на пиршество. Значит,

убийца, будь то болезнь или человек, рядом. Мы можем столкнуться с ним случайно, а можем нарваться на засаду, которая предназначена для нас.

Нерк слушал и понимал, что Тимур верно говорит. Он забыл, что люди не обладают иммунитетом от болезней, каким защищен он сам.

– Да, наверное, ты прав.

– Я прав, – горько заключил Тимур. У него не было слюны, чтобы сплюнуть, как он обычно делал после неприятного разговора и что стало у него вредной привычкой. – Отряд выдержит еще сутки пути, а на необоснованный риск мы не пойдем.

И опять красные пески жгли копыта коней и, поднятые сухим ветром, немилосердно секли измученные лица путников.

* * *

Всадник в черном плаще потянулся к поясу и отцепил флягу. Он знал, что она пуста уже четыре часа, но надеялся, что соберется хотя бы капля. Он пощупал бесчувственным языком горлышко. Увы, фляга была абсолютно пуста. Первым порывом Лима было желание запустить ее подальше в проклятые красные пески. Но разум еще не покинул его, и мужчина прицепил бесполезную флягу обратно на пояс. Она гулко звякнула, как безъязыкий колокол, суливший скорую погибель. Лим спешился и ловким движением вонзил кончик стилета в горло своего коня. Тот захрипел, но Лим крепко удерживал повод. Сухим ртом путник прилип к отворенной яремной вене пустынного скакуна. Он сделал пару глотков и прижал вену пальцем, чтобы она припеклась и конь не терял больше сил. Густая конская кровь отвратительно рвала горло. Ржавый привкус сковал язык, а желудок возмущенно сжался. Лим заставил себя отключиться от восприятия вкуса и запаха. Через несколько минут они уже следовали дальше.

Ослабевший конь, пошатываясь, поднялся на вершину бархана. Умелым движением Лим тут же подсек скакуна, и тот завалился на бок. Лим прижал ему голову. Таким образом они сразу же исчезли из поля зрения путников, которые расположились между высокими барханами, укрываясь от суховея. Лим пристально вглядывался в четверых расположившихся в низине. Его глаза резал песок, но слез не было, чтобы вымыть колючие песчинки. Он с трудом различал нечеткие фигуры. Но главное Лим уяснил: они вооружены и

достаточно обеспечены водой. По тому, как расположились фигуры, было ясно, что они не испытывают недостатка в чем-либо. Их кони лоснились и перебирали тонкими ногами, выражая готовность следовать дальше. Однако путники не спешили покинуть погибельные пески, вероятно, они кого-то ждут. Их ожидание беспечно, значит, пройдет еще немного времени и врагов, как определил для себя Лим, станет больше. Он заколол своего несчастного коня и, словно песчаная змея, пополз, укрываясь красной тенью бархана к людям, сидящим в чаше барханов.

Не успели вздыбившиеся кони странников опустить передние копыта на песок, как все уже было кончено. Лим черной змеей взвился перед разморенными зноем путниками. Его разящий клинок молнией сверкнул перед изумленными его внезапным появлением людьми. Один из них успел коснуться рукояти своего клинка, а последний извлек меч из ножен лишь наполовину. Двое других умерли, так и не успев понять, что произошло.

Первым делом Лим рассек пояс ближайшего воина и, срезав флягу, напился теплой воды, вернувшей его к жизни. Только после этого он стал рассматривать тех, чьи жизни прервал. Лицо Лима исказила гримаса досады. Это были люди Сулеймана! Лиму не стоило трудиться, чтобы получить воду и помощь. Впрочем, ему не было их жаль. Они позволили себе беспечную халатность, за которую он в полной мере их наказал. Сулейман и его люди никогда не отличались организованностью и дисциплиной. С таким отношением к войне можно мародерствовать и истреблять мирное население, но уж никак не сталкиваться с обученными воинами. Выехали как на пикник.

Лим презрительно сплюнул.

Не мешкая, он обобрал убитых и погрузил провизию и фляги с водой на одного из скакунов. Среди убитых была девушка. Она лежала, уткнувшись лицом в песок, но из-под капюшона вывалились под лучи пялящего солнца белокурые локоны, такие же как у Лины. Воин с замиранием сердца перевернул ее на спину, пнув мыском сапога. Она была удивительно похожа на Лину. Но все-таки это была не она.

Лим вспомнил свое знакомство с Линой. Он увидел ее у Мо Ши лет шесть назад, она была еще почти ребенком. Мо Ши играл с девчонкой, как со щенком: клал ей руку на кудрявую голову и придавливал. Лина взрывалась от ярости, стряхивала руку господина и пыталась укусить или оцарапать его. Мо Ши ее гнев только веселил. Раскрасневшаяся и растрепанная Лина сделала попытку встать и уйти, но могучая лапа Мо Ши опять прижала ее к ковру.

– Куда? Сидеть! – приказал он едва не плачущей девчонке, как плохо вышколенной собаке. И обратился к Лиму: – Ну как она тебе? Правда, смешная?

Лим без выражения эмоций покачал головой:

– Не знаю.

– Возьми ее себе, – предложил Мо Ши. – Научи хоть чему-нибудь.

Лим посмотрел на него с недоверием – совершенно неясно, чему ее можно было бы научить. Но Мо Ши не отставал.

– Видишь, какая злюка! – Он еще раз пригнул белокурую головку к ковру и рассмеялся: – Ее не взяли в монастырь. Она – дочь магов, но сама лишена магических способностей. Такой курьез.

Лина сидела, опустив голову, а Мо Ши продолжал:

– Сама пришла ко мне. Видишь какая!

Лина вздрогнула.

– Научи ее воинскому искусству, фехтовать и прочей ерунде, а то жаль этого зверька.

Мо Ши, ухватив девчонку за волосы, приподнял ей голову. Выражение ее лица было измученным, но в голубых глазах горел огонь ярости.

Тренировалась она с упорством и обожала Лима как своего учителя и старшего друга. Она смотрела на него глазами преданной собаки. Уже скоро Лина всецело принадлежала ему. Все с ней было просто, как с куском мыла. Ее любовь была так же яростна, как тренировки, и очень часто утомляла и раздражала Лима. Однако он к ней по-своему привязался. Лим улыбнулся своим воспоминаниям…

– Остынь! Ярость в бою приводит к промахам и влечет смерть, – спокойно говорил Лим, прижимая рычащую девушку коленом к земле, поймав ее на очередном выпаде.

Едва воин отпустил ее, как Лина с остервенением ринулась на него, издав воинственный клич:

– Агн!

– Трезвость и холодный расчет – вот что обеспечивает успех атаки, – продолжал он урок, нависнув над телом опрокинутой навзничь ученицы. – Ярость тебя ослепляет! Напор и натиск хороши, когда ты превосходишь противника, но, если он достаточно владеет собой, победит тот, кто более хладнокровен.

Лина тяжело дышала и кивала, опустив голову. Лим не был уверен, что его уроки шли впрок. Она была упряма, и в тот день Лим безжалостно отделал ее. Девушка, получив множество синяков и порезов, тяжело стонала, но непокорный огонь все еще горел в ее ангельских глазах.

Вскоре Лим отбыл телохранителем к Сате и его донору. С тех пор Лину он не видел, пока Мо Ши не объявил охоту на сбежавшую Юстиниану.

Конечно, Лина выбрала удачное время, чтобы расправиться с отрядом Тимура. Она разгадала хитрый маневр командира и выбрала верный путь именно тогда, когда отряд разделился. Но ей нужно было позвать Лима. Самонадеянная девчонка решила доказать ему, своему учителю, что может справиться сама. Но первое столкновение с опытными воинами погубило ее. Лим нашел бездыханное тело Лины, закиданное трупами собак и ветками деревьев. Грязный бесполезный комок – вот все, что от нее осталось.

И вот сейчас у его ног лежит ее двойник. Кто она: сестра или имитация?

Лим рассек одежды на бездыханном теле девушки, столь напоминавшей Лину. Такая же маленькая грудь и прозрачная белая кожа, только все тело ее покрывали восточные татуировки. Словно она была оторванным листком книги. Лим ощутил к ней странное влечение, но отогнал этот морок. Если Мо Ши будет доволен, он подарит своему гонцу вторую Лину. А эта, наверное, такая же фанатичка, которая была по-собачьи предана Сулейману. На шее мертвой девушки Лим увидел флакон-амулет. Снимая его, он улыбнулся. Еще одна полезная находка за сегодняшний день. На боках флакона красовались искусно выгравированные змеи, которые, сплетаясь в узор, образовывали выпуклый клубок.

– Если я не ошибаюсь, это именно то, что нужно. – Лим отвернул крышечку флакона и, осторожно понюхав его, отпрянул.

Да, это было именно то, что он предполагал. Зелье «Змеиные чары». Разлив содержимое флакона по телам убитых, Лим услышал шипение. Гады уже начали сползаться на призывный аромат. Кони зафыркали и стали отчаянно бить копытами. Еще через некоторое время змеи войдут в раж, образуют клубки и будут кидаться на любое двигающееся существо. Если они не найдут себе жертву, то свои смертоносные полые зубы станут вонзать друг в друга или даже в собственные хвосты. На смену погибшим будут приползать новые. Из этого кольца вряд ли кто выйдет живым.

Над головой Лима закаркала вестница смерти. Она сзывала своих товарок на пир.

– Мерзкая тварь! – выругался Лим, глядя на птицу-предательницу. Нужно было спешить. Он оседлал одного из скакунов, а второго с небольшим грузом воды и провианта повел за собой в поводу.

* * *

Лишние сутки едва не доконали отряд. Многим виделись миражи. Если бы не магические способности Юстинианы, сумевшей вызвать короткий проливной дождь в этих безжизненных краях, вероятнее всего, коней они бы уже потеряли. Наконец вдали показались, подобно зеленому парусу, высокие кроны пирамидальных тополей. Мираж трепетал в мареве горячих потоков воздуха. Люди восприняли это видение скептически, но Тимур обрадованно выдохнул:

– Наконец-то!

– Разве это не мираж? – переспросили его одновременно Нерк и Юстиниана.

– Нет. Почувствуйте ветер…

Волна влажного ветра омыла их лица. Пряный лавр и горьковатая лаванда, розы и ирисы проникли в ноздри и придали сил. Лошади встрепенулись и рысью припустились к заветному зеленому островку оазиса.

Роскошь и краски оазиса невозможно представить, если однажды не увидишь его сам. Еще полчаса назад ты, умирая от жажды, тащился по пустыне, а сейчас уже отбиваешься от торговцев с огромными подносами, полными сочных фруктов. Разносчики воды, отойдя в сторону, уступают место людям с серебряными запотевшими кувшинами, в которые налит лимонад до такой степени холодный, что сводит зубы. И всюду идет торговля: лукум, вяленая рыба, специи, краски, причудливые мозаики, ковры, посуда. И все словно ждали только тебя. Ты идешь, словно король, дорогу которого устилают лепестками роз, а люди сгибают свои спины, приветствуя твое появление. Птицы, также нашедшие себе приют в этом райском уголке, буквально путаются под ногами, изумляя своим диковинным оперением. Ты сколько угодно можешь плескаться в фонтане с водой, пока наконец не промерзнешь так, что зуб на зуб перестанет попадать.

Несмотря на то что фонтаны пышно украшены золотом и лазурью, никто не посмеет тебе даже слово сказать, будь ты хоть последний бродяга. Это священное правило оазиса – принимать всех. Иначе этот источник жизни может постигнуть горькая участь нескольких оазисов древности. Как только за воду надумывали брать деньги, источники покидали свое русло и оазисы, невзирая на все мольбы и попытки раскопать родник, исчезали. Не более чем через неделю оазисы стирались полностью, погребенные красными песками пустыни.

Тимур видел, как мимолетное счастье охватило всех его спутников. Юстиниана будто изнутри светилась и впервые с того

момента, как он увидел ее, не скрывала радости, умиляясь маленьким зверушкам и благоуханным цветам. Наконец девушка купила себе большой поднос с вишней и съела ее столько, сколько не едала в целом за время их похода.

Нерк буквально летал, принося Юсте всевозможные мелочи, чтобы заслужить внимание и улыбку. То заколка, то духи, то восхитительное шелковое платье. К досаде Тимура, Нерк так умело вручал подарки, что Юстиниана не находила возможности отказаться. Вот эту замечательную заколку ему, видите ли, дали в довесок к кинжалу и перевязи, которые он покупал для себя, а платье вообще взял потому, что «у купца не нашлось сдачи». Этот нетопырь принял облик белоснежного голубя! Он ворковал, ворковал, ворковал… И оказывался знатоком буквально во всем. И духи, и музыка, и украшения. А когда он решил притащить Юстиниане пушистого белого котенка, цена которого здесь превышала стоимость трех милительских жеребцов, то соблаговолил поинтересоваться заранее, хочет ли девушка такого зверька. Предлог был невиннейше благовидным:

– Я шел сейчас мимо арыка и увидел, что какой-то мужчина собирается топить котят. Я спросил, не может ли он оставить мне одного, и вот поспешил к вам, моя прекрасная Юстиниана, узнать, не захочется ли вам приютить это милое создание.

Тимур едва не выругался, но с неменьшим изяществом предупредил:

– Не забываете ли вы, уважаемый, что именно эта порода котят предпочитает всем другим лакомствам летучих мышей? А на переходе, который нам еще предстоит, вам придется иногда принимать свой истинный облик.

Нерк задохнулся от возмущения, но этот оазис и в самом деле усыпил его восприятие реальности: он совершенно забыл о том, что им предстоит дальнейший поход. Нерк не успел ответить, как Тимур продолжил:

– Давайте все-таки обрастать кошками и прочим барахлом мы будем после того, как выполним задание.

– Но котенка же утопят! – со слезами в голосе прошептала Юстиниана.

– Не утопят! Наш благородный вампир договорится с хозяином котенка, – успокоил ее Тимур и строго посмотрел на Нерка: – И если котенок напьется воды, он на обратном пути выпьет из его хозяина всю кровь. Правда, Нерк?

Нерк, обескураженный таким натиском, неожиданно для себя самым дурацким образом подтвердил слова Тимура:

– Правда!

Но тут же спохватился и исправил свою оплошность,

поспешив успокоить Юстиниану:

– Конечно, я с ним договорюсь, чтобы не топил котенка, а подержал его у себя до нашего возвращения.

А про себя с досадой подумал: «И верно из-за любви глупеют».

Тимур отдал приказ собираться, чтобы на рассвете покинуть эту пустынную жемчужину. Он знал, что хотя оазис и реальность, но счастье в нем кратковременно, как мираж. День-другой – и ты привыкаешь к его краскам. Потом начинает раздражать шум и суета бесконечной торговли, да и торговцы быстро узнают тебя и ты становишься для них помехой. Ибо то, что тебя интересовало, ты уже купил и теперь таскаешься по улицам из праздности и только заслоняешь товар от вновь прибывших. Здесь все проездом, кроме разносчиков воды. И купцы, и путешественники рано или поздно собираются в путь.

Рог, уже бывавший в этих краях, одобрил решение командира:

– И правильно. Этот оазис только расслабляет людей.

Но, видя, как расцвела Юстиниана, Нерк упросил Тимура подарить еще один день счастья. Тот нехотя согласился.

Юстиниана в сопровождении Рома и вечного добровольца Лаза пошла прогуляться, прощаясь с узкими, увитыми гроздями ярких цветов улочками города. Она остановилась у термальных бань. Был женский день. Оставив в тени стыдливой мимозы дремать разморенных воинов, девушка вошла в храм чистоты и блаженства.

* * *

Лучи солнца переливались по разноцветным стеклышкам витражей, и радужные зайчики дрожали на голубой воде и мозаичном полу. Юстиниана лежала на теплых плитках, выложенных смальтой. Она в задумчивости водила пальцем по витиеватому узору орнамента. Тончайшие трубочки внутри плит несли по ним горячую термальную воду. В центре бассейна бил небольшой фонтан – это из глубин земли поднималась минеральная вода, создавшая это удивительное животворное тепло. Когда Юстиниана погрузилась в бассейн, ее кожа покрылась мельчайшими пузырьками и засияла серебряным свечением. Девушки, служившие в банях, прошли вокруг бассейна с большими подносами, осыпая пол и воду розовыми лепестками. Насладившись чудом омовения, Юстиниана вышла из воды и обернулась мохнатой простыней. Она села на край бассейна,

погрузила ступни в воду и, почувствовав себя счастливой, закрыла глаза.

Зато наверху, под самым потолком, прижавшись друг к дружке, как нахохлившиеся воробушки, во все глаза глядели на купающихся женщин мальчишки.

Они смотрели через щелочки разноцветных стеклышек, затаив дыхание, но кто-то вспугнул их. Вмиг встрепенувшись, воробышки слетели со своих жердочек. Сердито чирикая, они покинули наблюдательный пост, уступив место свирепому дядьке, который беззастенчиво занял их наблюдательный пункт. Его острый взгляд был устремлен к ничего не подозревающей, нежащейся в благодатном паре Юстиниане.

К разомлевшей девушке подошла одна из служанок, теперь в ее руках тоже был поднос, но не с лепестками, а с высоким кувшином и маленькой чашечкой.

– Вы желаете бодрящий напиток, госпожа?

– Да, хорошо, – томно потянулась Юста.

Девушка налила из кувшина в чашечку темную жидкость и оставила поднос перед гостьей.

– Если хотите, – предложила она, – я позову мастерицу, она снимет усталость и наполнит вас силой и красотой.

– Да, пожалуй, – ответила Юстиниана, не открывая глаз.

Девушка легко поднялась и вышла из зала. Она двигалась бесшумно и быстро, словно не касалась земли. Ей на смену вышла женщина, обернутая в легкую ткань, заколотую на плече несложной заколкой, села рядом с Юстинианой и откинула с нее простыню.

Юстиниана вздрогнула и открыла глаза. Но женщина положила ей на плечи ладони и сказала тихим, умиротворяющим голосом:

– Все хорошо, моя госпожа. Расслабьтесь. Я сделаю ваше тело податливым, как воск. Оно отдаст мне всю тяжесть, всю боль и усталость. Я сниму их с вашей кожи, как старую одежду, и омою руки в горячем источнике. Останется лишь первородное совершенство, в которое я волью силу этой воды…

Юстиниана потянулась, и казалось, что она заснула, слегка улыбаясь во сне.

Не отрывая полного ненависти взгляда, смотрел на обнаженную девушку Лим. Сколько раз он мог бы метнуть нож в ее спину. Вот как раз сюда, под лопатку. Гонец почувствовал, как вспотели его ладони и во рту появился ржавый привкус крови.

Сколько раз он видел ее такой беспомощной, и каждый раз он был не властен над ней: Юстинианой – теперь, Изольдой – тогда.

– Какие ужасные шрамы. – Рука женщины коснулась бока

Юстинианы.

Только сейчас Лим понял, что массажистка – слепая. Благодаря недугу, видимо, ее руки приобрели необычайную чувствительность и исцеляющую силу. Вот почему она заметила шрамы Юстинианы, только «увидев» их руками.

– М-да… – Юстиниана не знала, что ей ответить, но слепая не ждала ответа, она все знала сама.

– Твои раны давно зажили, ты сама бередишь их.

– Возможно, – задумчиво отвечала Юстиниана.

– Я уберу их с тебя. – Руки женщины скользили по коже девушки, как танцующая ритуальный танец пара.

Лим хорошо знал каждый шрам на ее теле, сколько раз он сам залечивал эти раны. Особенно когда Сата увлекался… Почему она так нужна им? Сате, а теперь Мо Ши. Она нужна им живой. Она им всем нужна. Особенно Тимуру. Злой огонь разливался в глазах Лима. Тимур. Он готов отдать все, лишь бы увидеть страх в его глазах.

Лим вспомнил, как Мо Ши забрал его собственную душу. Лим с отрядом из восьми человек был зажат демонами в болотах. Мерзкие жабы слизистыми ртами дожирали останки павших, и тогда Мо Ши заглянул ему в глаза. Погибнуть в смрадной пасти или… Страх смерти охватил Лима, и он, лежа на разогретой палящим солнцем крыше, вновь ощутил леденящий ужас, который много лет назад сковал его на тех гнилых болотах.

Одним движением век Лим ответил согласием, и Мо Ши подарил ему жизнь. Жизнь своего слуги. Лим развернулся и ткнул обломком клинка сражавшегося с ним бок о бок товарища. Тот с недоумением посмотрел на него и испустил дух. Оставшиеся в живых члены отряда, стоявшие спиной к спине, не ожидали такого подвоха и были ошеломлены вероломством Лима. Когда осознание пришло к ним, было поздно. Тимур всегда говорил, что первая обязанность командира – выполнить боевую задачу, а его долг – сохранить вверенных ему людей. Потому что победа никогда не будет полной, если за нее заплачено жизнью, которую командир обязан вернуть в тот дом, из которого увел за собой. Интересно, выдержал бы Тимур взгляд смерти на тех болотах? Или поступил бы, как он?..

– Сколько зла причинили тебе… Я прочла твое прошлое. – Под руками слепой шрамы Юстинианы исчезали, как будто она смывала неудачный рисунок с фарфоровой амфоры. – Оно и сейчас не смыкая глаз следит за тобой.

Лим невольно отпрянул от щели между витражными стеклами.

Юстиниана только застонала, когда сильные руки женщины с

нажимом вошли в ее мышцы.

– Твое тело – это глина, мы снова вылепим то, что пытались разбить. Отдайся моим рукам, – успокоила слепая напрягшуюся было девушку.

Она смазала пальцы маслами из узорных пиал, расставленных перед нею бесшумно двигающейся служанкой.

– А теперь будет только твое будущее. – Слепая улыбнулась и коснулась чуткими пальцами шеи Юстинианы.

Лим невольно засмотрелся на прозрачную, словно светящуюся изнутри, кожу Юсты, ее плавные изгибы. Он хорошо знал каждый рельеф ее тела, его упругую силу и ее взгляд...

Из-за этого взгляда он и ненавидел ее. Или боялся? Ну уж нет! Он оставил весь свой страх на тех болотах.

Только когда пять лет назад Лим встретился взглядом с пленной магичкой, он увидел, что она не сломлена. И позже ему показалось, что она знает о нем все и презирает его. И Лим всем своим существом возненавидел ее. Ненавидел и каждый раз спасал, и каждый раз ее глаза напоминали ему о том, кто он есть. А теперь, когда она оказалась так дорога Тимуру, его бывшему товарищу и сопернику, он готов был отдать свою жизнь, чтобы погасить зеленый огонь в глазах Юстинианы. Только сделать это так, чтобы видеть, как он угасает, чтобы чувствовать ее дыхание, тепло духа, покидающего плоть. А Тимур? Если бы...

Лим не выдержал, его голова разламывалась от боли. Он обхватил ее руками и на мгновение закрыл глаза.

– Твоя жизнь возродит... – ворковала слепая и вдруг смолкла.

Лим открыл глаза и увидел картину, от которой из его груди вырвался рык. Лицо слепой исказила ужасная гримаса. Она и впрямь умела читать будущее. Несчастная провидица узрела грядущее и поняла, какая роль уготована магичке всепоглощающим Злом. Слепая занесла над шеей Юстинианы выхваченную из укрывавшей ее простыни заколку и собиралась прикончить ничего не подозревающую девушку.

В мгновение ока Лим оценил всю устрашающую силу рук слепой женщины и, разбив витраж, метнул в нее свой граненый стилет. Он вошел женщине в затылок, и острый конец его вышел из горла. Она снопом рухнула на обнаженную спину Юстинианы, кровь брызнула фонтаном и вмиг обагрила белоснежные простыни. Юста вскочила на ноги. Сверху еще осыпались разноцветные стеклышки. Свет солнца проникал через разбитое окошко, ни одна тень не мешала его золотистым лучам.

На звон разбитого стекла прибежали девушки, обслуживающие бани, и пронзительно завизжали. Бледная Юстиниана выскочила из центральной залы и, подхватив тунику,

кинулась к увитому плющом дому, где они остановились.

– Ни на минуту нельзя оставить одну, – возмущался Тимур. – Теперь даже мыться одна не смей.

– Может быть, убийце была нужна не я?

– А кто? – возразил Тимур. – Не слепая же?

– Но клинок очень точно поразил ее, – возразила Юстиниана.

– Она, вероятно, нагнулась и закрыла тебя собой совершенно случайно, – предположил Тимур.

– Мне так жаль ее, – с грустью проговорила Юста.

– Главное, что ты осталась живой, – заключил Нерк, все это время молча выслушивавший рассказ Юстинианы и предположения Тимура.

– Мы слишком задержались здесь, – сказал Тимур и строго поглядел на Нерка.

Тот опустил глаза и согласно кивнул:

– Не дожидаясь утра.

В предрассветных сумерках они покинули благоухающие сады и голубые фонтаны, затерявшиеся в красных песках пустыни.

* * *

Берега лунных озер утопали в красно-желтом кипении осенней листвы. Первые холода уже сдернули птиц с северных земель, и они шумными стаями спускались на озера. Прилетевшие с разных островов, они обменивались новостями и впечатлениями, гоготали и крякали, с шумом и брызгами садились и взлетали с зеркальной глади воды. К рассвету широкие пряди травы покрывались сверкающей сединой инея. У этих озер отряд остановился на привал.

Ром и Ерич собрались наладить лов рыбы, но Тимур им запретил:

– Завтра я дам вам время на рыбалку и охоту. Но сегодня за раздавленного комара шкуру спущу.

– Так ведь нет вроде комаров? – не к месту вступился Лаз.

– Вот ты, молокосос, за комара как раз сойдешь! – осадил молодого воина Тимур.

Ром покачал головой, а после того, как командир отошел от них, Ерич ощерился на Лаза:

– Чего распищался? Тебя кто спрашивал?

Ночью, когда осенние звезды отражались в воде, а на лунных дорожках грели брюхо поднявшиеся из глубин чудовища, Тимур заглянул в палатку к Юстиниане и тихонько позвал:

– Юста, вставай!

Походная жизнь научила Юстиниану спать чутко, а просыпаться – мгновенно и совершенно бодрой, даже если на сон выпадало не более четверти часа за сутки. Она спала, не снимая формы, поэтому тут же оказалась рядом с Тимуром.

– Идем, – приказал он.

Путники прошли по влажному берегу около ста шагов. Шедший впереди Тимур обернулся к Юстиниане:

– Это здесь.

Девушка сразу поняла, о чем он. А Тимур продолжил:

– Через пять минут лунные дорожки скрестятся. В этом перекрестье ты и должна оказаться. Достигнув его, ты нырнешь, и так три раза. Рядом с тобой может плыть кто угодно и что угодно – не пугайся. Пока ты в лунном свете, с тобой ничего не случится.

Юстиниана слушала его и молча кивала.

– У тебя может возникнуть желание остаться там. Это тоже забвение, верная смерть. Если ты думаешь, что тебя здесь ничто не держит, то я хочу, чтобы ты знала… – Его голос предательски дрогнул. – Как бы ты к этому ни относилась, я… – Тимур сделал над собой усилие, понимая, что если говорить, то только сейчас. – Я люблю тебя!

Последние слова он сказал твердо и не колеблясь. Дальше было легче:

– Ты мне нужна, и я буду тебя ждать.

Юстиниана совершенно не ожидала этих признаний. Она не знала, что ответить Тимуру.

– Все! Нет времени на разговоры! Иди, – мягко приказал он.

Юста скинула одежду и вошла в источник. Холодная вода обожгла, словно кипятком. Стоило большого усилия воли, чтобы окунуться в черные объятия холода и поплыть.

Пара сильных гребков – и Юстиниана оказалась на лунной дорожке. Холод сковывал мышцы, каждое движение давалось с трудом, будто она рвала невидимые путы. Несколько раз пальцы сводила судорога, но каким-то чудом девушка справлялась с этой выворачивающей немощью. Она почувствовала рядом какое-то движение, и в следующий момент хвост неведомого чудовища проскользнул по ее спине. Гигантская рыбина плыла по самой поверхности воды следом за ней. Еще через секунду Юстиниана поняла, что ее сопровождают два огромных сома. Они глядели на нее маленькими глазками и ощупывали многочисленными усиками, росшими вокруг пасти, размера которой с лихвой хватило, чтобы туда вошли три таких Юстинианы. Она с тоской поняла, что у нее нет даже маленького кинжала, чтобы хоть как-то защитить свою жизнь. Но ведь Тимур ее предупредил и о

чудовищах, и о том, что ей будет страшно. Значит, все идет как надо, и она поплыла дальше, не обращая внимания на свой ужасающий эскорт.

Перекрестье возникло неожиданно, Юстиниана едва не проскочила его. К удивлению, вода в этом месте была теплой. Или Юстиниана уже настолько привыкла к холоду, что перестала ощущать его. Вода вокруг забурлила. Словно зеленые жемчужины, со дна поднимались мельчайшие пузырьки воздуха. Юста поняла, что пора. Она вдохнула поглубже и погрузилась в воду. Вся ее жизнь предстала перед ней сменяющими друг друга видениями.

Монастырь, Хельга, Сати, отец – они проплывали мимо нее такими реальными, что казалось, протяни руку – и дотронешься до них. Юстиниана увидела свою мать, та силилась что-то сказать. Лицо женщины сковывала гримаса мучения, наконец сделав невероятное усилие, она открыла рот, и Юстиниана в ужасе отпрянула. Это была пасть огромного сома. Девушка резко потянулась наверх. Вынырнула, захлебываясь и понимая, что сил на второе погружение у нее нет. Но это испытание нельзя пройти наполовину. Юстиниана знала это точно. Она собрала всю свою волю в кулак, вдохнула как можно глубже и погрузилась в зеленую воду еще раз.

Теперь они с ней говорили, спорили, что-то доказывали. Все их слова казались искренними. Некоторые обвинения были ужасны.

– Как ты могла убить меня? – спрашивал Сати. – Да, я чудовище для того мира! Но не для тебя! Власть стоила нашей крови! Разве люди лучше? Я дал бы им намного больше справедливости, чем они давали ее себе сами. Не я убил их Спасителя!

И много чего еще:

– Почему, Изольда, ты убила меня, а теперь даже имя мое хочешь стереть из своей памяти?

Сати сменила Хельга:

– Разве не я спасла тебя, отдала тебе всю свою кровь и свою жизнь? Чтобы спасти тебя, я готова была погибнуть! А ты? Зачем ты забираешь себе моих мужчин? Мы с Нерком давно любим друг друга! Ты не знала этого? А Тимур? Он предан только мне! Ты и Дракона уведешь у меня?

Позади них что-то бормотал отец. Смуглая девушка в желтом платье протягивала ей сверток с мольбою во взгляде.

Наконец пробилась мать:

– Доченька, как ты могла оставить нас ради этого монастыря? Что он дал тебе взамен моей любви? Я умирала...

Юстиниана не выдержала. Она хотела ответить матери.

Но та вдруг замотала головой, и боковым зрением Юстиниана увидела вокруг ее лица мерзкие сомьи усики. Девушка рывком выбросила себя на поверхность. Горло болело от пахнущей тиной озерной воды, которой она нахлебалась во время второго погружения. Юстиниана не знала, сколько времени она пробыла под водой, но ей казалось, что все длилось бесконечно долго. Собираясь на третье погружение, Юстиниана с тоской подумала, что еще немного, и она сойдет с ума. Она вдохнула и ушла под воду.

Больше здесь не было никого. Только тишина и покой. Отдаленно звучала музыка и чьи-то ласково воркующие голоса. Ей стало невероятно хорошо. Она поджала ноги к животу, словно находилась в утробе матери. Больше нет боли и переживаний. Она никому ничего не должна. Пусть решают все свои вопросы сами. Ее больше никто не ждет, только...

Почти неслышно прозвучали слова Тимура: «Я люблю тебя! Ты мне нужна, и я буду тебя ждать».

Это воспоминание на секунду остановило погружение. Юстиниана вздрогнула и открыла глаза. Среди меленьких зеленых пузырьков куда-то вбок – наверное, там был верх, – поднимались крупные пузыри. «Что это?» – мелькнула заинтересованная мысль, и тут же сознание ответило само себе: «А это ты тонешь».

Юстиниана сделала усилие и попыталась плыть в ту сторону, куда спешили пузыри из ее легких. Стало невероятно больно. Все ее тело сдавило со всех сторон, и в области живота она почувствовала боль, словно оборвалась пуповина. В черную бездну плавно уходила какая-то длинная водоросль.

Девушка едва показалась на поверхности, как снова стала тонуть. Трудно сказать, смогла бы она выплыть или нет, если бы Тимур, ожидавший ее, не поплыл за ней и не вытащил на берег. Они какое-то время лежали, прижавшись друг к другу и согреваясь. Юстиниана попыталась понять, что же с ней произошло. Что унесла с собой эта река Забвения, скрытая в глубинах Лунных озер? Что отдала ей страшная сила зеленой воды?

Больше не было прошлого. Нет, оно не стерлось из памяти Юстинианы, оно осталось целым и невредимым. Только это прошлое уже было не властно над ней. Та прошедшая жизнь стекла с Юсты струями холодной воды. Она снова родилась в новой жизни. Не было ни боли, ни страдания, была ощутимая новь.

Тимур поднялся первым.

– Если ты… – Он не знал, что говорить, и жестом указал на ее одежду.

Юстиниана сделала шаг к нему навстречу и, не отрывая от его лица своих светящихся зеленых глаз, сказала:

– Кажется, я снова могу чувствовать… – Она не договорила.

Тимур долго целовал ее губы. С ветки ближайшего дерева раздался возмущенный писк какого-то зверька.

– Там кто-то есть? – спросила задыхающаяся Юстиниана.

– Там никого нет. – Тимур поднял с земли укатанную гальку и бросил в направлении, откуда доносился писк. Звук моментально смолк, послышался удар и падение какого-то большого тела.

– Что это? – насторожилась Юстиниана.

– Ничего. Наверное, сшиб с ветки осиное гнездо. – Тимур привлек девушку к себе.

Она ошеломила его своей красотой и нежностью. Огонь внутреннего тепла согревал обоих, и ночь казалась вечностью. Так тянется медовая капля, и ты с восхищением следишь за ней и боишься, что она все-таки оборвется. С надеждой в голосе Тимур тихо произнес:

– Мне давно предлагали возглавить Элладанский порт. Там неприступные стены и невероятной красоты лазоревое море. Я построю для тебя дворец, и там ты будешь в безопасности. Мы будем выходить в море под белыми парусами и ловить серебристых рыб. В горах водится множество дичи, и, если тебя привлечет охота, ты сможешь находить упоение в девственной красоте горных лесов.

Тимур вопросительно посмотрел в зеленые озера Юстиных глаз.

– Я не стану покидать тебя надолго, – целуя ее, продолжал он. – Служба моя будет рядом, и мы каждый день сможем быть вместе.

Юстиниана улыбалась, глядя на звездное небо.

Поодаль, в кустарнике ворчали «побеспокоенные осы из упавшего гнезда»…

Под утро Тимур проводил Юстиниану до палатки. Когда он обернулся, рядом с ним стоял разгневанный Нерк.

Его глаз заплыл и приобрел нежно-сиреневый оттенок.

– Чего это с тобой? – Тимур хохотнул. – Летал ночью, чтобы хотя бы одним глазком подсветить ситуацию?

Нерк сжал кулаки:

– Если это и есть твой способ забвения, то стоило ли нас так далеко тащить?

Оба, насупившись, придвинулись друг к другу.

– Командир! – окликнул Тимура Ерич. – Так что с рыбалкой? Ты же обещал!

Тимур с досадой оглянулся на оклик.

Нерк же превратился в нетопыря и полетел прочь,успев бросить:

– Мы еще договорим!

* * *

В предрассветных сумерках филин, скрывавшийся кроне разлапистой елки, наконец увидел цель. Его круглые зрачки в янтарном ободке радужки, эти два совершенных прицела, с точностью рассчитали расстояние до вероятной жертвы. Он пригнулся и застыл в изумлении. Летучая мышь, которую он наметил своей жертвой, ругалась самыми непотребными словами. Филин в изумлении осел на ветку.

Нерк был взбешен. Теперь все. Он выполнил то, о чем его просила Хельга: Юстиниана благополучно «забылась». Он здесь больше не нужен. Пусть эти смертные живут своей смертной жизнью. Более трех веков его сердце не ощущало подобной боли, и вот! Ну и хорошо. По крайней мере еще лет триста покоя ему обеспечено.

Еще одно вызывало досаду. Он не взял лошадь, и теперь ему приходилось тащиться на собственных крыльях до ближайшего селения. На горизонте все ярче разгоралась заря, и уже минуту спустя начал подниматься алый шар солнца. Птицы орали на все голоса, приветствуя своего огненного бога. Нерк решил не искушать судьбу, а отвисеться в дупле какого-нибудь сухого дуба, которые здесь росли в изобилии.

Он уже укрыл крыльями свою мордочку и готовился погрузиться в сон, как вдруг услышал глухой звук. Лошадь галопом промчалась мимо его укрытия. Нерк выглянул. В фигуре всадника он узнал Юстиниану. Лететь сейчас за ней на глазах многочисленных селян он уже не мог, поэтому немедленно помчался к лагерю. Надо узнать, что произошло, и взять лошадь.

В лагере, казалось, все благополучно. Воины, не занятые на постах, нашли себе увеселение в ловле и разделывании рыбы. Вроде бы ничего не произошло.

Тимура нигде не было. Нерк окликнул проходившего мимо Лаза:

– А где Тимур?

Лаз спокойно ответил:

– Командир спит у себя в палатке.

Нерк почувствовал неладное, но что это было, не мог понять. Словно с каждым шагом он увязал в какой-то невидимой паутине. Вампир вошел в палатку Тимура. Тот спал совершенно безмятежно, даже улыбался во сне, что совершенно не умилило Нерканна. Еще один шаг – и Тимур открыл глаза, в его руке оказался короткий меч, который, видимо, был у него в подголовье.

– Нерк? – изумился командир.

Тот хотел что-то сказать, но что именно, не знал и вообще не понимал, зачем он вернулся.

– Нерк, ты чего-то хотел? – Рука Тимура продолжала сжимать рукоять меча.

Вампир молчал как истукан. Он знал, что ему надо что-то срочно узнать у Тимура. Но что конкретно, не мог вспомнить. Венки на его висках отчаянно пульсировали, лоб пересекла глубокая складка раздумья.

Тимур не выдержал, вскочил и, отодвинув Нерка, вышел из палатки. Жизнь в лагере его не насторожила, и все-таки он решил заглянуть в палатку Юстинианы, а затем уже проверить посты.

Нерканн все с тем же задумчивым видом плелся за ним. Тимур отодвинул полог. Юстинианы в палатке не было.

– Где она? – взревел Тимур.

– Кто «она»? – Нерканн скривился так, словно у него болят зубы.

– Юстиниана! – тряс его Тимур.

– Кто? – еще раз переспросил вампир.

– Юстиниана! – Глаза у Тимура сделались бешеными. – Демоны тебя подери! Тебя что, контузило?

Нерк помотал головой.

Поняв, что добиться от него ничего не возможно, Тимур прогремел на всю поляну:

– Где Юстиниана?!

Воины с недоумением смотрели на него, будто он спросил их о чем-то неведомом. Зато Нерк словно проснулся.

– Конечно! Юстиниана!

Тимур резко обернулся к нему:

– Ну?

– Я видел ее на рассвете. Она мчалась в обратном направлении.

Тимур развернулся к своим солдатам:

– Почему мне не сообщили?

Воины смотрели на командира с недоумением и не знали, что ответить.

Нерк разъяснил ситуацию:

– Не кричи ты на них. Юстиниана наложила заклятие. Тут никто ничего не может поделать и не вспомнит о ней, пока трижды не услышит ее имя. Так получилось и со мной.

– Что за чушь ты несешь! – разозлился Тимур – Мне ведь…

– А ты, видимо, единственный, кто любит ее по-настоящему, – грустно констатировал вампир. – От любящего сердца заклинание не скроет имени.

– Ладно, – махнул рукой Тимур. – После будем разбираться с любовью. Юстиниана! Юстиниана! Юстиниана! – выкрикнул Тимур, разрушая заклинание.

Воины помотали головами, словно стряхивая с себя невидимые паутинки.

– Кто ее видел в последний раз и где?

К сожалению, рассказать они смогли немногое.

Выскочила из палатки, оседлала лошадь, и все. Тимур с Нерком вошли в палатку. Ничего необычного там не было. Но Нерк замер, глядя на развернутый шелковый ковер.

– Вот это да! – изумленно проговорил он.

– Что? – Тимур потряс его за плечо.

– Узор ковра – это зашифрованное письмо.

Нерк начал читать.

Тимур дергал его, но вампир продолжал смотреть на узор и только беззвучно шевелил губами. Наконец он обернулся к Тимуру.

– Дело плохо. Тут в красках рассказывается, как погибнет отряд, в том числе и мы с тобой, если она не явится на встречу с неким господином, он указал ей место встречи, но тут узор уже уничтожен. Неприятные картинки. – Нерка передернуло.

Кончиком шпаги он поддел маленького червячка, быстро вынес его из палатки и бросил на догорающие угли. Тот вспыхнул искрящимся синим пламенем и исчез.

Тимур с яростью ударил кулаком в шест, поддерживающий палатку, шест переломился, и палатка рухнула.

– И главное, я сам выбрал ей этот ковер! – яростно воскликнул он.

– Это неважно, – попытался успокоить его Нерк. – Узор не рукотворный. Ты мог выбрать цветочки или кубики, он все равно сложился бы в это письмо. Странно другое: ведь никто не чувствовал магии.

– Где нам теперь ее искать? – в отчаянии спросил Тимур.

– Я не знаю. – Нерк выдохнул и все-таки озвучил то, о чем думал: – Но в любом случае, если мы и найдем ее, будет поздно.

Тимур сжал голову обеими руками. Через мгновение из его уст прозвучала команда:

– Сбор! С лагеря сниматься.

И тут же отбой:

– Однако есть выход.

Тимур объявил, что отряд выдвигается ночью. А сейчас – отдых.

– Что ты задумал? – спросил Нерк.

– Вода. Она всюду. Ведь так? Есть подземные реки и озера, они тоже сообщаются между собой. – Глаза у командира отряда горели взбудораженным внутренним огнем.

– Ты что, топиться собрался? – перебил его Нерк.

– Как стемнеет – увидишь. Только мне нужна твоя помощь.

Нерк не обиделся, что Тимур не поделился своими планами заранее. Как тот едва различимый червь, которого он уничтожил, шпионы могли быть где угодно.

Едва стало смеркаться, Тимур, не испытывая угрызений совести, подмешал своим ребятам в напитки веселящее зелье и предложил освежиться и окунуться в озере пару раз.

Разгоряченные воины приняли его предложение с радостью. Всплески и гогот разнеслись далеко над гладью озера. Когда они наделали достаточно шума, Тимур приказал всем выйти из воды и собираться в дорогу.

Надо сказать, весь остаток зелья холодная вода вымыла из воинов очень быстро, и теперь они недоумевали, что это на них вдруг нашло.

Тимур взял головешку от костра и позвал с собой Нерка. Они шли вдоль берега, удаляясь от лагеря. Здесь Тимур посвятил Нерканна в свой план.

– Рискованно, – заключил тот.

– Другого выхода у нас нет.

Тимур разложил маленький костерок.

– Значит, так… – говорил он Нерку. – Висишь тут мышью и вмешиваешься только в крайнем случае.

– Если это будет действительно крайний случай, то они и меня утащат, – проворчал Нерк.

– Да, с вампирами это иногда случается, – серьезно посмотрел на него Тимур.

– Что случается? – не подозревая подвоха, переспросил Нерк.

– А откуда столько пиявок в прудах? Не иначе потомство от вампиров и русалок! – тихо засмеялся Тимур.

– Вот дурак! – возмутился Нерк. – Ты лучше на деле сосредоточься. Может, тебя веревкой привязать?..

– Да нет, – уже серьезно ответил Тимур. – На живца надо брать натурально.

– Ладно, – усмехнулся Нерк. – Вода холодная, смотри долго

не сиди, а то живца отморозишь.

– Всё, начали. – Тимур пошел в воду.

Нерканн повис на ветке в виде обыкновенной летучей мыши.

Тимур несколько раз проплыл кролем вдоль берега. Никто не показывался. Он уже усомнился в верности своей затеи, как вдруг рогозы зашелестели и засветились зеленые огоньки. Сначала выплыли шесть русалочек, затем еще три и еще…

Тимур не рассчитывал на такое количество, но отступать было поздно. Русалочки пели тихую песенку, призывая сомов к своему празднику:

За болотным берегом
Под присмотром мельника
Сом – не сом, старинушка,
Травная сединушка,
Зыбит речку быструю,
Мутит воду чистую,
Гонит рыбу, стадушко,
Чертова лошадушка.
С ним играют в салочки
Шустрые русалочки,
Пагубные девицы,
Карусель им мельница…

Водяные девицы светились в лунном свете и тихонько посмеивались. Они приближались.

Русалочки окружили Тимура и ласково манили к себе. Нетопырь предупреждающе пискнул. Одна из русалочек оказалась к Тимуру чуть ближе своих подруг, и тут он схватил ее.

Русалки зашипели и раскрыли огромные зубастые пасти, намереваясь разорвать воина на части. Но он крепко ухватил водяницу за горло.

– Если кто-нибудь меня коснется, я оторву ей голову! – закричал Тимур. Несмотря на то что кожа русалки была покрыта густым слоем светящейся слизи, Тимур крепко удерживал ее.

Нерк, приняв человеческий облик, уже спешил к нему на помощь, вооружившись двумя мечами. Тимур отступал к берегу. Русалки, превратившиеся из хорошеньких девушек в отвратительных чудовищ, следовали за ним.

Тимур, стоя по колено в воде и охраняемый Нерком, наконец обратился к своей жертве:

– Мне нужен Тритон! Конь, который помнит Юстиниану. – На всякий случай Тимур трижды повторил ее имя. – Зови! – Он перехватил русалочку и теперь удерживал ее самым варварским

способом. Одной рукой – за роскошные зеленые волосы, а пальцы другой погрузил ей в глазницы, едва не выдавливая глаза.

Русалочка орала благим матом. Ее подружки шипели, но тоже погрузили головы под воду.

Несколько раз Тимур заставил русалочку повторить вызов.

– Тимур, – шепотом сказал ему Нерк, – а что, если он не успеет до утра?

– Тогда я вытащу ее на солнце, и мы будем искать иной выход.

В этот момент вода в озере забурлила, и, весь в сверкающей пене, из расступившихся волн появился огромный конь. Он бесстрашно подошел к Тимуру. Тот выпустил свою жертву и, ухватив коня за холку, мгновенно вскочил ему на спину. Тритон направился к берегу. Русалочки верещали и размахивали кулачками. Тимур обернулся к ним:

– Простите, девочки! В другой раз.

Нерк только головой покачал:

– Ну ты и хам! Вот расскажу я Юстинне, как ты с женщинами обращаешься.

Тимур посмотрел серьезно:

– Обязательно расскажи, только давай сначала ее найдем.

Тритон, словно ищейка, вел отряд по следам, оставленным Юстой. Любое место, где она коснулась воды, тотчас становилось ему известным. Через два дня они уже знали, где у нее состоялась встреча, и спешили туда, не щадя сил.

* * *

Юстиниана гнала несчастного коня во весь опор. Слезы душили ее.

«Никому не открывай свою душу! Никого не люби и ни к кому не привязывайся! Твоя душа должна быть свободной от пут! Все, что тебе дорого, – первый инструмент твоей погибели». Все это она знала и вот почувствовала себя свободной.

Если привязываешься к чему-либо, это та самая цепь, за которую тебя можно дернуть, притянуть к себе. Мо Ши вызвал ее с помощью шантажа. Его возможности велики, но Юстинна ему нужна. Зачем? Месть? Но если он сумел передать ей письмо, значит, мог и легко подослать убийцу. Поднести отравленный фрукт или напиток – что может быть проще? А вот похищение ее живой и невредимой, да еще из-под охраны, – мероприятие куда более сложное. Тут самый верный способ – шантаж.

Конь захрипел и перешел на рысь. Юстиниана похлопала его

по мокрой шее:

– Прости, так надо! Продержись еще немного, и я сменю тебя.

Конь застонал, его пошатывало.

«Итак, я нужна живая, – размышляла девушка. – Значит, у меня будет пара минут, чтобы выслушать Мо Ши. Он склонен к некоторому артистизму». Юстиниане припомнились подробности гибели Расты. Цветы и прочий антураж. Пожалуй, если сразу не вызвать его гнев, то возможно узнать, зачем она ему так нужна. И попытаться уйти, или убить Мо Ши, или что-то сломать...

Способ перемещения в другие миры может быть связан с каким-нибудь агрегатом, с помощью которого их вытащила Раста.

Близ Выхиной топи! Юстиниана вспомнила указатели в орнаменте узора ковра. Там происходит нечто неладное. Там находится Мо Ши, туда он вызывает ее... Похоже на переброску в другой мир. Опять к Сати? Но он мертв, так сказала река. Впрочем, источник мог быть недостоверным.

Конь пал. Юстиниана все-таки потратила на несчастное животное пару минут. Она дохнула ему в ноздри, и неостывшее сердце сделало два полноценных удара. И еще конь приподнял голову.

– Не спеши, – сказала ему Юстиниана. – Сейчас по этой тропинке пойдет мальчик, он будет очень рад такой находке. Мальчик выходит тебя, и ты будешь служить ему.

Благородное животное прикрыло глаза и опустило голову на землю. Юстиниана пошла через скошенное поле в ту сторону, где уже виднелись крыши домов.

Новая лошадь отсчитывала версты дорог под Юстинианой. А она все пыталась рассчитать возможные варианты.

Все-таки наиболее правдоподобны два варианта. Первый – это Сати, второй – способы перехода в иные миры. В обоих случаях она должна попытаться помешать осуществлению планов Мо Ши и уйти. Любым способом. Юстиниана вспомнила свое третье погружение.

Умирать не страшно. Рождаться гораздо больнее. Тем более что на берегу ее никто не ждет. Уж она об этом позаботилась. Стерто все, даже ее имя.

Когда девушка оказалась возле Живицы, у нее мелькнула мысль вызвать Тритона.

«Нет! – ответила Юстиниана сама себе. – Ничего и никого, что могло бы меня связывать. Я одна! Мне никого и ничего не жаль. Даже себя».

* * *

В захолустной таверне Лим прозябал вторые сутки. Ему до смерти надоело вынужденное бездействие. Он ждал послания от хозяина. Ловушка с ковром уже настроена и ждет своего часа. Как только она сработает, Лим двинется вслед за Юстинианой к своему господину. Еще немного – и все будет кончено. Он будет служить ей. Той, которую ненавидит всем своим существом. Но как только исполнится воля и предназначение, Мо Ши пообещал отдать Юстиниану ему. Магичка будет умирать так долго, как он этого захочет. Она еще и послужит приманкой для своей бешеной сестренки. Лим с наслаждением представил, как он перережет Хельге горло на глазах бессильной Юстинианы. Пусть напьется скорби. Пусть умоляет того, которого так презирала.

Бродячий музыкант перебирал струны и наконец запел, глядя на Лима:

Прощай, королева!
Храни тебя бог
От лести и гнева,
От смутных тревог.
Как мало мне надо,
Ты знаешь сама —
Свет долгого взгляда,
Что сводит с ума…

Лима передернуло, и он тихо прошипел:
– Заткнись!
Но музыкант не слушал его и продолжал:

Прости, королева!
Сомкнутся ряды,
Мы справа и слева,
Мы – щит от беды.
За жизнь королевы
Мы ринемся в бой,
О, если б умела
Ты ладить с собой…

– Демоны тебе в глотку! – выругался Лим и залпом допил содержимое кружки. – Вечно эти менестрели сверлят тебя взглядом, а потом лезут в душу со своими бреднями. – Эй, парень! – окликнул он худенького юношу, разносившего тарелки. – Принеси еще! – И покачал опустевшей кружкой.

Народу в таверне прибавилось. Гудели как пчелы. Только и

слышалось: «Выхина топь…», «могут объявить мобилизацию…» – и все в этом роде.

Лим, притворяясь полусонным, вслушивался в деревенские сплетни.

– Антип! – позвала хозяйка паренька, войдя с улицы. – Иди отнеси девушке поесть и поменяй ее коня на чалую кобылу.

– Но… – поначалу возразил паренек.

– Она хорошо платит, – прервала его возражения хозяйка.

Мальчишка убежал.

– Они и лезут из Выхиной топи... – продолжал деревенский рассказчик.

Лим понял, что он что-то упустил, и опрометью бросился на улицу. Выскочив за ворота, увидел удаляющуюся всадницу. Ошибиться он не мог. Лим поспешно оседлал своего жеребца.

* * *

За ширмами послышались удары и шум борьбы.

Мо Ши приподнялся на локте и с изумлением глядел на влетевшую в его покои Юстиниану. На ее плечах повисли многочисленные слуги. Многие были в крови. Сзади плелись двое, едва удерживая отнятое у девушки оружие.

– Я не ждал тебя так скоро, – улыбаясь, произнес хозяин апартаментов. – Если бы я знал о твоем приходе, не встречал бы тебя так тривиально. – Он развел руками.

Старший слуга едва не плакал. Опять в покои хозяина едва не прорвалась жаждущая встречи с ним девица. А ведь он говорил хозяину, что нужна профессиональная охрана.

Но Мо Ши не сердился, казалось, он даже доволен, что эта нахалка ворвалась к нему.

– Фрукты и вино для дорогой гостьи! И цветы – те, что мне привозят через врата, – приказал Мо Ши.

– Пожалуй, еще стакан воды, – добавила Юстинна. – Я хочу пить.

Слуга с поклоном подал ей стакан с прозрачной холодной водой. Девушка выпила его до половины, между тем с интересом разглядывая покои Мо Ши. Пышный восточный колорит. Бесценные ковры, нефритовые столики и янтарные светильники. Войти сюда можно, а вот выйти отсюда – нет. Она ощущала присутствие силы, природу которой не могла понять. Щупальца сознания пробежали по стенам: они завешены золотистой сетью, в мелкие ячеи которой нет возможности просочиться – повиснешь, как жалкая рыбешка.

– Ты умеешь выжидать, – констатировал Мо Ши. – Мне нравится это качество, а в женщине это особенная редкость.

Мо Ши бесцеремонно разглядывал Юстиниану. Уже долгие годы его ничто так не заинтересовывало.

– Ты знаешь, зачем я тебя позвал? – спросил он наконец.

– Я готова выслушать вас, – холодно ответила Юстиниана.

– Зачем так официально? – улыбнулся Мо Ши. – Мы ведь родственники.

Девушка приподняла тонкую бровь.

– Ты моя невестка, и даже если я потерял сына, я не собираюсь терять тебя. – Мо Ши пригласил жестом опуститься на ковры.

Старый слуга сервировал столик. В вазу он поставил памятные розовые пионы, которые благоухали неповторимым теплым ароматом. Справа от сервировочного столика на резной подставке стояла нефритовая шахматная доска. Она необъяснимым образом привлекала внимание Юстинны. Мо Ши перехватил ее взгляд.

– Эта фигура, – он указал на пешку, – близка к тому, чтобы стать ферзем. – Пешка, на которую он указал, засветилась изнутри пульсирующим зеленоватым сиянием. – Один шаг, и ты станешь моей королевой.

– Это не моя игра. – Юстиниана провела рукой, как бы отталкивая от себя неожиданное предложение.

– Конечно, не твоя, – утвердительно кивнул Мо Ши. – Ты только пешка. Но видишь – этот конь готов пожертвовать собой, и слон, и ладья. У тебя неплохие защитники. Однако всем им грозит гибель, если ты совершишь неверный ход.

– Я уже поняла это, прочтя послание, – с горечью отвечала Юстиниана.

– Почему так грустно? Я не обижу тебя.

Мо Ши на удивление легко поднялся со своего ложа. Он подошел к Юстинне, и она тоже встала.

– Видишь, я простил тебе гибель Саты. Столько веков надежд и труда… – Мо Ши стоял за спиной Юстинианы, оглаживая ее. А она, словно погружаясь в сладкую дремоту, не могла даже пошевелиться.

Слуга неслышной тенью скользил по залу и приглушал пламя светильников.

– Я все простил тебе, потому что ты станешь моей королевой. Ты родишь мне нового Сату. Твоя память вдохнет в нашего сына его черты, его силу и устремления.

Мо Ши начал целовать неподвижную девушку, продолжая шептать ей:

– Ты дашь новому Сате свою твердость и выдержку… И красоту, твою совершенную красоту…

Мо Ши вытащил из волос Юстинианы заколку, и огненные волны волос рассыпались по ее плечам.

* * *

Несколько тысячелетий назад из глубин бездонного океана Мо Ши услышал зов. Кто-то настойчиво повторял его имя. Мо Ши вынырнул в огромной зале, где горели сотни факелов. Ароматические масла наполняли и без того истощенный воздух тяжелыми парами. Посреди тщательно выложенной пентаграммы лежала женщина в золотых одеждах. Ее служанки, упав ниц, призывали его явиться к их царице.

Звероголовые статуи богов мрачно взирали на колдовское действо. Они не могли помешать оскорбленной царице вершить возмездие. Чародейка и царица Египта была отвергнута своим супругом, и она решила отомстить всему миру. Сотни старинных манускриптов и папирусов прочла великая волшебница прежде, чем засияли факелы в ее дворце.

Мо Ши явился в облике дракона, и опоенные дурманом служанки забились в трансе при виде его сверкающего великолепия.

– Что тебе нужно, чародейка? – взревел Мо Ши, видя, что ее разум абсолютно трезв и ясен.

– О великий Мо Ши, не гневайся, прими мое поклонение и жертву! – отвечала ему, не опуская взгляда, царица. – Дай мне наследника, который уничтожит отвергшую меня империю! Дай мне нового властелина, – продолжила она и открыла ему свои чресла.

Увидев готовность синего дракона принять ее жертву, она попросила:

– Явись мне в человеческом облике, чтобы не пресечь мою жизнь и мои замыслы.

Стены древнего дворца осы́пались, но, увы, создатели храма были искусны, и свод не обрушился на головы вершащих погибель мира.

Мо Ши уже собирался покинуть свою нежданную невесту, но обернулся и сказал ей заветное слово призыва:

– Моего сына назовут Сата! Когда ты произнесешь его имя, я явлюсь за ним.

Волшебница лежала посреди потускневшей пентаграммы, а служанки, не поднимая голов, продолжали охрипшими голосами твердить имя того, кто должен погубить их мир.

Девять долгих месяцев царица носила в себе плод ее мести. Она тщательно скрывала свое бремя. И супруг, изредка видевший ее прогуливавшейся на террасах сада, не отмечал в забытой

нелюбимой женщине перемен. Царица больше не интересовала его. Доносчики молчали, и казалось, она смирилась со своим положением брошенной супруги.

Раз в месяц ей приносили курицу, и царица, свернув ей голову, пачкала свои одежды, чтобы у стиравших ее исподнее слуг не возникло подозрений. Наконец в ночь полного лунного затмения царица разродилась сыном. Медноглазые кошки вылизали окровавленное дитя и подъели послед. Доверенные служанки принесли корзину, в которой младенец должен был покинуть опасный дворец. Но и у стен есть уши, а у ширм есть глаза.

Кто донес фараону о бесчестии, которым оскорбила его опальная царица, так и осталось неизвестным. Разгневанный фараон кинулся в покои бывшей своей супруги. Поручи он расправу жрецам или воинам, вряд ли чародейка сумела бы спасти свой плод от гибели, но гнев часто затмевает разум. Не скрывая грохота гневного шага, бежал фараон по гулким плитам дворца. Вслед за ним спешила многочисленная свита.

– Он сейчас будет здесь! – в страхе закричала царица своей преданной служанке.

Та метнулась к колыбели младенца и, не зная, что с ним делать, прижала дитя к своей груди.

– Дай сюда! – прошипела царица.

Она подняла мальчика перед своим лицом и дохнула на него. Ее волшебное дыхание усыпило ребенка. Он улыбался во сне. Царица бережно опустила его в огромную вазу с розовыми пионами, которые украшали спальные покои.

Младенец не издал ни звука, он мирно спал. Затем хладнокровная женщина выкинула приготовленную колыбель с балкона. В этот момент двери распахнулись, и вбежал разгневанный фараон.

– Где ты его прячешь?! – взревел оскорбленный правитель.

– О чем вы изволите спрашивать, мой господин? – поклонилась ему чародейка, опустив голову.

Но ни ее покорный тон, ни безупречно прибранная зала не обманули повелителя.

– Где твое поганое отродье? – прогрохотал фараон.

У царицы лихорадочно горели глаза, а на щеках пылал румянец, но она справилась со своим голосом и спокойно отвечала бросившему ее супругу:

– Мой господин ошибся. Здесь нет никого, кроме тех, кого видят его ясные очи. Клянусь богами.

– Ты лжешь. – Фараон приблизился к женщине. – Не смей клясться милостью богов.

Он приподнял ее лицо за подбородок и пристально поглядел в темные глаза. Царица не отвела взгляда. Тогда фараон разорвал на груди жены одежду. Жесткими пальцами схватил он грудь царицы и сжал сосок. Струйки молока брызнули ему в лицо. От неожиданности фараон отпрянул и, выхватив меч, ударил вероломную супругу по шее. Пока еще жизнь не покинула ее, царица закричала изо всех сил:

– Сата! Сата!

Она уже лежала мертвая, изрубленная на куски рассвирепевшим правителем, а эхо под сводами дворца все еще вторило:

– Сата!.. Сата!..

Синий дракон явился из ниоткуда.

Пески поглотили город со всеми жителями. Никто не знал, что за несчастье уничтожило великий град, название которого стерлось из памяти тех, кто корпел над летописями.

* * *

«Морок... Это морок! – пульсировала тоненькая синяя жилка на виске у Юстинианы. – Еще немного, и будет поздно».

Мо Ши положил широкую влажную ладонь на живот девушки, и горячая волна едва не подкосила ее ноги. Она застонала.

– Так, моя девочка, – убаюкивающим голосом одобрил Мо Ши.

Юстиниана подтянула руки и расстегнула застежку, удерживающую на шее шелковое платье. Оно скользнуло вниз, открыв высокую грудь, но заколка на талии задержала падение. Мо Ши с восхищением глядел на Юстиниану.

– Ты прекрасна, как античная дева. Ты – моя королева...

Взгляд Юстинианы отвечал ему взаимностью. Зеленые звезды глаз манили в самую глубину омута желаний.

Мо Ши наклонился, собираясь отколоть сверкающую заколку и отпустить шелковые декорации платья, но в этот момент получил оглушающий удар по ушам. Он на какое-то мгновение стал совершенно беспомощным и потерялся в пространстве. Вероятно, у Юстинианы были бы необходимые секунды, чтобы попытаться уйти, но, падая, огромное тело Мо Ши повалилось на столик, и многочисленные предметы сервировки создали многоголосый предательский грохот.

Вбежали слуги, преграждая путь. Юстиниана метнулась к стене, стремясь схватить хотя бы светильник, чтобы использовать

его как оружие, но Мо Ши на удивление быстро пришел в себя. Юстиниана, несколько мгновений назад ощущавшая его силу, поняла: как только он распрямится, она будет обречена. Шанса уйти не было ни одного.

Мо Ши выпрямился и закричал:

– А! Мерзкая тварь! Ты!.. – Он задохнулся от негодования.

Юстиниана не могла сбежать, но она сделала то единственное, что могла сделать и чего Мо Ши от нее не ожидал. Она вызвала заклинанием хрустальную сферу, внутрь которой просочилась, как солнечный лучик. Безупречный шар плыл над коврами, а внутри его, погрузившись во внутреннее созерцание, в совершенном покое восседала Юстиниана в позе лотоса. Эту сферу она создавала все долгие пять лет как единственный путь к спасению от Сати. Но Хельга опередила ее, выдернув из плена самым примитивным образом. Теперь Юстиниана ушла от Мо Ши. Тот силился проломить шар ударами молний, которые бросал, словно языческий бог. Но шар отражал разряды, и слуги метались по залу, один за другим ликвидируя очаги возгорания. Видя тщетность попыток расколоть шар молниями, Мо Ши обратился в огромного синего дракона. Дракон раскрыл смердящую пасть, и алмазные зубы засверкали, преломляя теплый свет огня. Его зубы скрежетали и визжали, но сфера оставалась невредимой.

Юстиниана медитировала: «В моей душе – только песчаные дюны, штрихи нечеткого змеиного следа, ускользающего в серые колючки. В глазах моих – пустынное море, застывшее в штиле. В моих ушах – стон дудука. Я слышу, как расцветает абрикосовое дерево, ощущаю прохладу лунной ночи. Свежий запах морских водорослей не перебивает ни одна струя аромата цветов и берега. Я могу слышать то, что я захочу. Я могу обонять те запахи, которые мне нужны. Я могу видеть то, что даст мне возможность сохранить память. В моей душе...»

Наконец безуспешные попытки вскрыть шар утомили Мо Ши, и он стал с интересом разглядывать заключенную в сфере Юстиниану.

– Ты решила меня немножко подразнить, моя королева? – проговорил он мурлыкающим тоном. – Мне нравятся твои игры! Я буду любоваться тобой и желать тебя все сильней!

Мо Ши скинул с себя халат, выпрямился во весь свой громадный рост и сквозь зубы процедил:

– И берегись! Когда я доберусь до тебя – пощады не будет!

* * *

Войска вокруг злополучных врат собрались на удивление быстро. Армия Софинии встала лагерем с северной стороны опасного поля отчуждения, ограждая от возможной угрозы свою столицу – розовокаменный Софьянград. Розовокаменным город прозвали заезжие купцы за цвет мрамора, из которого было построено большинство зданий министерств и прочих административных сооружений, включая дворец самого императора. Городская знать, не имеющая возможности строить из дорогостоящего камня, старалась облицовывать свои особняки розовым же или белым мрамором. Поэтому в солнечную погоду город просто сиял и искрился. А когда на улицах шел дождь, стены городских строений радовали глаз теплым нежно-розовым цветом.

Отряды, которые смогли собрать герцогства, присоединившись к армии Софинской империи, расположились восточнее и западнее врат. Таким образом, поле оказалось в плотном кольце войск. Без охраны остался лишь небольшой промежуток, прилегающий к Выхиной топи. Император, который ныне стал еще и главнокомандующим объединенной армии, справедливо посчитал, что если демоны и попрут в сторону болот, то там же и потонут, ведь болота близ Выхны считаются непроходимыми. Даже местные жители в самое засушливое лето редко рискуют там появляться.

– Оперативно сработали, – одобрительно покивал Шторм, рассматривая войска с небольшого холма.

Поле отчуждения, где умирали люди, вокруг врат, которые уже приняли для всех видимую форму переливчатой черной, вязкой, текучей пентаграммы, обнесли реденьким заборчиком. Для защиты от демонов он не подходил, зато никто из воинов, даже случайно, уже не переступит невидимую черту, за которой ждет неминуемая смерть. Воины опасались даже близко подходить к пустяковой преграде. Почти все из них видели, как староста Выхны привез к казармам пустые, с остатками праха, доспехи их друзей, отправленных императором на разведку. А тем, кто ничего не видел и не знал, рассказали остальные, поэтому весь лагерь был в курсе, что за беда их ждет по ту сторону штакетника.

Старослужащие чистили и точили оружие возле уже поставленных походных палаток, травя солдатские байки. Более молодые воины, успевшие пройти лишь курс обучения, разинув рты, слушали рассказы бывалых вояк. Над кострами поднимался дымок, в котелках бурлила каша и похлебка. Предприимчивые селянки с большими корзинами в руках обходили солдат и офицеров, предлагая хлеб, фрукты и нехитрые деревенские

сладости.

– Всех этих людей скоро не станет, – обреченно вздохнула Хельга, стоя рядом со Штормом. Она вглядывалась в лица людей, которые не доживут и до следующей весны.

– Ты была за Гранью, по ту сторону миров. Ты встречалась с Бесконечностью и знаешь, что все в руках Создателя, – напомнил ей жених.

– Иногда мне кажется, что он забывает про нас. – Хельга поежилась от неприятного прохладного ветерка.

– С чего такое несправедливо негативное суждение о деяниях Творца Миров?

– Не знаю. – Девушка пожала плечами. – От осознания, что столько жизней прервется из-за меня, становится больно.

– У тебя завышенное самомнение, – не поддержал трагизма Дракон. – В данной конкретной заварушке ты совершенно ни при чем.

– Отец же сказал, что Мо Ши мстит за смерть сына, а убила его я. – Голос Хельги почти сорвался на плач.

– Но врата готовились задолго до твоей встречи с Растой, – взывал к здравому смыслу Шторм.

– Столько усилий, и все напрасно! – никак не могла унять рвущуюся изнутри обиду девушка, выплескивая ее на возлюбленного. – Один раз мы остановили войну, грозящую уничтожить людской род. Потом этот Августо с его грандиозными планами. Вот опять зло поднимает голову, и я теперь вижу, что война, которую мы столько лет предотвращали, неизбежна. Когда закончится это безумие с завоеванием миров?!

– Никогда, – грустно улыбнулся Шторм, выслушав тираду возлюбленной. Он теперь часто вот так грустно улыбался. Хельге очень хотелось прочесть его мысли в такие минуты. – Это и есть бытие. Постоянная борьба добра со злом, жизни со смертью, и наоборот. На всех уровнях, начиная с каждой человеческой души и заканчивая целыми армиями и мирами.

– Неужели не бывает мирной и спокойной жизни? – немного успокаиваясь от правильных слов любимого, спросила Хельга.

– А тебе оно нужно? – хитро прищурился Дракон.

– Что «оно»?

– Спокойствие.

– Наверное, это нужно всем, – задумалась молодая магичка.

– Что-то в течение всех лет, проведенных в цитадели, ты вовсе не восхищалась спокойствием, а постоянно рвалась воевать и совершать подвиги во имя добра и справедливости.

– Ты прав, мирная жизнь достаточно скучна и однообразна. Но война – это кровь, боль и смерть, наконец!

– Для этого мира война неизбежна, так суждено. А пять лет назад мы лишь немного отсрочили ее.

– Опять происки Судьбы?

– У Судьбы нет происков, ей незнакомо такое понятие. Она намного более справедливая и мудрая, чем порой кажется, – с укором напомнил Хельге Шторм.

– Ты, как всегда, прав, – вынуждена была согласиться чародейка. – Значит, мой родной мир должен был погибнуть еще пять лет назад и сейчас это все-таки произойдет? – со спокойствием обреченной коровы, ведомой хозяином на бойню, спросила она.

– Это значит лишь то, что твой родной мир должен сам отстоять свое право на существование и дальнейшее благоденствие. Эта битва покажет, достоин он этого или нет.

– Слишком жестоко.

– Но необходимо. Когда в вашем магическом мире люди отгородили себя от магов, по сути таких же людей, только с более развитыми магическими способностями, они встали на путь детоубийства. Думаю, именно тогда чаша весов Судьбы качнула ваш мир в сторону зла и приблизила его к нижним мирам. Возникновение монастыря несколько разрядило ситуацию, но не решило проблему в целом. Внутри мира тоже немало жестокости, ты видишь это сама.

– Что же делать?

– Мы постараемся помочь твоему миру выжить. – Шторм ласково повернул лицо Хельги, взирающей на людской военный лагерь, к себе и заглянул ей в глаза. – Мы выиграем или погибнем вместе.

– А как же твое обещание, данное Алену? – тепло улыбнулась несостоявшаяся невеста.

– Если хочешь, я выполню его прямо сейчас и мы больше никогда не появимся здесь. – Взгляд Шторма стал серьезным, он ждал ответа, от которого зависела их дальнейшая жизнь.

– Без нас у них будет шанс выжить? – Хельга кивнула на людской лагерь под холмом.

– Один на миллион, – честно ответил Шторм.

– Тогда ты знаешь мой ответ.

– Знаю. Поэтому прошу не напоминать мне больше о невыполненном обещании.

– Скоро соберется Совет, – меняя тему, напомнила Хельга Шторму.

– Да, старейшины уже прибыли. Ты пойдешь со мной?

– И еще раз встретиться с отцом? Нет уж.

– По-моему, когда мы с тобой были у него три дня назад, вы

расстались достаточно тепло.

– Ты называешь «теплом» то, что я не выцарапала ему глаза?

– Ты же знаешь – он давно раскаялся и сожалеет о тех бедах, что принес тебе, Юстинне и остальным. Может, пора простить?

– Мне известно о его раскаянии только с твоих слов.

– Но я читал в его душе, я знаю…

– А я знаю, что он вполне мог найти способ обмануть и заставить тебя поверить в то, что раскаивается!

– Если ты в этом уверена, то давай расскажем обо всем императору, – предложил Шторм.

– Не вижу в этом смысла, – призналась Хельга. – Император сразу казнит его, и круг старейшин опять разомкнется. Пока круг замкнут, у нас больше шансов на победу. Я буду за ним приглядывать. Как думаешь, скоро начнется?

– Сейчас на Совете получу более конкретную информацию, нежели просто домыслы. Там будут пятеро старейшин, которые наблюдают за вратами с момента их обнаружения. Послушаю, что они скажут.

– Буду ждать тебя, наши как раз лагерь разбивают.

Шторм направился в шатер императора, служивший одновременно местом военных совещаний. Хельга же решила в свободное время помочь товарищам по боевому Братству, которые изъявили желание воевать в составе объединенной армии, ставить походные палатки.

– Кого они привели? – возмущался Тиджикх, глядя на войска софинских городов и провинций. – Большинство из них погибнет от одного вида тех тварей, что живут в нижних мирах.

Эту же мысль попытался донести Шторм до старейшин и императора, собравшихся на военный совет.

– Большинство низших демонов обладают ужасающей наружностью, люди впадают в панику от одного вида этих чудищ, – убеждал он. – Я уже не говорю о том, что монстры имеют зубы, когти, шипастые хвосты и другие приспособления для убийства.

– Но они тоже должны погибнуть в поле, которое жрет все живое, – предположил один из пяти старейшин, наблюдавших за вратами. – Мы запускали туда разную нежить. Упыря, волколака и даже двух зомби специально создали. Всех их поле превратило в прах, высосав силы, дающие жизнь и магию, которую мы в них вложили.

– Могу предположить, – взял слово настоятель монастыря, – что тот, кто активировал врата и перенастроил их на самостоятельную добычу жертв, к открытию прибудет самолично. И станет контролировать поведение демонов, а также обеспечит

необходимые жертвы. – Отец Хельги и Юстинны выразительно посмотрел на Шторма, и этот взгляд не ушел от внимания императора.

– Что вам удалось выяснить, граф Шторм? – спросил главнокомандующий объединенной армией. – Думаю, для вновь прибывших стоит уточнить, что граф Шторм является представителем боевого Братства Дракона, которое все время своего существования только и делает, что борется с демонами.

– И с чернокнижниками, их вызывающими, – дополнил Шторм. – Всегда лучше предотвратить катастрофу, чем расхлебывать ее последствия.

– В нашем случае этот совет слегка запоздал, – скривился от неприятного напоминания о своей ошибке Иола Мудрый.

– Вы правы, – слегка поклонился Шторм. – Итак, как уже сказал председатель Совета старейшин, высший демон, перенастроивший врата на себя, обязательно прибудет лично и будет управлять открытием. Нам удалось выяснить его имя – Мо Ши. Двойная составляющая говорит об очень высоком положении, которое он занимает в иерархии себе подобных. Это третья или четвертая ступень высших демонов. Низшие демоны, подконтрольные ему, находятся сразу в нескольких мирах, это своеобразные плантации, необходимые для выживания и поддержания статуса и авторитета. Он может выращивать демонов и самостоятельно, такие экземпляры обладают интеллектом и тоже находятся на высокой ступени развития.

– Откуда такие познания? – прозвучал недоверчивый голос одного из старейшин.

– Я посвятил борьбе с этими тварями всю свою жизнь, – строго ответил Дракон, грозно блеснув глазами. – Они, кстати, имеют иммунитет к магии. К вашей стихийной магии.

Расширившиеся от услышанного глаза архимагов империи говорили об охватившем их ужасе намного лучше слов. Шторм продолжал:

– Всю вашу энергию и могущество следует обратить на защиту живой силы. Вы должны наложить хорошие, стойкие заклятия на обмундирование воинов. Еще считаю необходимым показать войскам пару иллюзий, чтобы они хотя бы примерно представляли, с чем столкнутся. Обычно при виде чудовища бойцы впадали в ступор, и это самым плачевным образом решает их участь.

Старейшины закивали, поддерживая предложения представителя Братства, которые посчитали весьма разумными.

– Цвет врат поменялся на фиолетовый! – В шатер без доклада ворвался молодой офицер, которому, впрочем, тут же простили

неподобающее поведение.

– На одном участке?

– Или на всем рисунке?

– Цвет яркий и светящийся? – посыпались на воина вопросы чародеев, но тот лишь развел руками.

– Пошли сами посмотрим, – наконец не выдержал председатель Совета.

Возражающих не нашлось, архимаги высыпали из шатра и шумной толпой направились к вратам. Воины торопливо расступались перед торопящимися старейшинами, стараясь не попасться им на пути.

Врата, точнее пентаграмма, в центре которой и должен был открыться проход в нижние миры, действительно поменяли цвет. Из черного они стали ярко-фиолетовыми. Изменения, видимые глазу, происходили постепенно, цвета плавно перетекали из одного в другой. Похожие метаморфозы происходили и на магическом уровне. Подоспевшие старейшины во главе с императором сразу обратили внимание на столб черной энергии, вырывающийся из-под земли.

– Строиться! К бою! – крикнул Иола Мудрый, который по праву считался не только самым сильным магом, но и быстро соображающим правителем.

Повторение приказа главнокомандующего эхом прокатилось по лагерю объединенной армии. Его выкрикивали генералы, за ними – командующие провинциальных отрядов и, наконец, сотники и десятники. Лагерь, и до того не выглядевший тихим и мирным, тотчас превратился в огромный муравейник, развороченный палкой недобросовестного грибника. Воины торопились присоединиться к своим отрядам, бойцы спешно облачались в кольчуги и шлемы, рыцари надевали тяжелые доспехи.

– Вы уверены, что Мо Ши сам явится для открытия врат? – спросил император у Дракона.

– Если вы арестовали всех чернокнижников, способных на столь серьезные манипуляции с чужеродной энергетикой.

– Всех, на кого указал магистр Луций.

– Тогда у Мо Ши просто не будет выбора, – пожал плечами Дракон и отправился инструктировать своих людей.

Отряд боевого Братства насчитывал пятьсот человек и, ввиду своего малого числа, вызывал шутки и смешки воинов из объединенной армии. Облаченные в серые тонкие кольчуги из специального магического сплава, с боевыми шестами, окованными железом, в руках и бесчисленным количеством разнокалиберного холодного оружия в потайных карманах,

поясах и за плечами, члены Братства самые первые из всех отрядов выстроились перед Драконом. У каждого на плече горела алым огнем магическая татуировка в виде дракона, обвившего хвостом меч.

– Ваша цель – сберечь свои жизни! – наставлял Дракон дорогих его сердцу людей, вампиров, орков, гномов и эльфов.

– А защита невинных гражданских?

– Здесь нет гражданских, – отрезал Шторм. – Если вы сложите свои жизни у этих проклятых врат и демоны доберутся до городов, вот тогда точно некому будет защитить невинных.

– Вам нужно время, чтобы закрыть врата? – догадалась Хризастелия, стоящая плечом к плечу со своим законным супругом.

– Ты правильно выразилась, нам нужно время, – утвердительно кивнул Дракон. – Вот только я не знаю, сколько нам его понадобится.

– С кем придется иметь дело? – с предвкушением азарта грядущего боя спросил Дарвингиль, в глазах которого еще не успел погаснуть веселый огонек счастливого молодожена.

– Скорее всего, демоны будут из разных миров и различных видов. Они для Мо Ши – рабы. Он сам создает демонов высшего уровня и считает их своими детьми. Их он будет беречь и выпустит только после того, как будет уничтожена основная часть войска.

– Этот Мо Ши – серьезный враг, – нахмурилась Хельга, стоящая в строю вместе с остальными братьями.

– Да, он действительно опасен. И если кто-то из вас вдруг окажется возле него, то не нужно пытаться его убить. Это невозможно без магической поддержки, только зря погибнете.

Воины Братства стояли в строю и не верили своим ушам. В первый раз за все время существования Братства Дракона предводитель отдавал такие странные приказы.

– Будь готова эвакуировать ребят, если понадобится, – велел Шторм Хельге, когда они вдвоем подошли ближе, чтобы получше рассмотреть изменения, происходящие внутри пентаграммы.

– Ты прикажешь бежать с поля боя? – возмутилась магичка.

– Не бежать, а отступать, – поправил Шторм. – Надо сохранить братьям жизни. Если демоны прорвут оборону и уничтожат армию императора, но удастся закрыть врата, нам понадобятся все силы, чтобы очищать твой мир и возвращать его к жизни. А для этого нужно укрыться в цитадели, накопить силы и частыми вылазками косить тварей.

– Ясно, – коротко кивнула Хельга. – Только я решила встать рядом с магистрами из монастыря. Если демоны прорвут

оборону, мечом помахать я точно успею, а специальное магическое прикрытие никто, кроме меня, обеспечить не сможет. Местные маги работают только с энергиями стихий, а она на демонов не действует. Я могу подсказать им, как работать с энергиями межмировых пространств.

– Не слишком ли поздно начинать переучивать твоих учителей?

– Надо попробовать, – пожала плечами чародейка. – Как я уже говорила, мечом помахать всегда успеем.

* * *

Хельга стояла на холме между мастером Регином и астрофизиком Леонардо. У подножия холма стояла армия, объединенная под рукой императора и окружившая злополучные врата. Блестящие шлемы и доспехи рыцарей сверкали золотом в лучах яркого солнца, кольчуги и шлемы рядовых солдат отливали серебром. Рыцари, правители провинций, выделялись перьями на шлемах, блестящими острыми копьями и доспехами своих коней. Послушники монастыря среди общего числа войск маячили черным пятном из-за цвета формы. Воины Братства почти затерялись серыми мышками среди огромной многотысячной толпы императорской армии.

Маги Совета старейшин, согласно инструкциям, полученным от Шторма, сновали среди конных и пеших отрядов и в спешном порядке накладывали защитные чары на облачения воинов. Хельга, как и остальные чародеи, стоящие на холме, прекрасно видела, насколько быстро истощается энергетический запас архимагов. У многих в дело пошли накопительные амулеты. Старейшины понимали, что от качества и долговечности наложенных ими чар зависит судьба воинов, а значит, и исход битвы, поэтому старались на совесть, не жалея собственных сил.

К моменту появления Мо Ши практически все архимаги были выжаты магически до последней капли. Многих из них (даже тех, кто некогда вышел из стен Чародейского монастыря с дипломом об окончании), почти бездыханных, слуги унесли в шатры за холмом, на котором собрались монастырские магистры.

– Вот он! – раздалось около императора сразу несколько возгласов.

В центре пентаграммы, которая в момент появления своего хозяина перевернулась, зависла в воздухе и стала напоминать огромное светящееся колесо, стоял крупный лысый человек в ярких цветастых одеждах. Все, конечно, понимали, что это один

из высших иерархов демонов, но уж слишком он напоминал человека. Особенно своей грузностью и толстой шеей в складках с залежами подкожного жира, столь характерными для людей, злоупотребляющих мучным, сладостями и жирной пищей.

Шторм взвился в воздух в драконьей ипостаси, взмахнув стальными крыльями, но предусмотрительный демон появился лишь на несколько мгновений, только чтобы активировать врата и снять поле, ограждающее их.

В тот момент, когда защита была снята и Дракон полыхнул синим магическим пламенем, Мо Ши исчез, а вместо него на поле боя повалили орды низших голодных демонов. Вид их был настолько ужасен и отвратителен, что несколько юных, особо впечатлительных новобранцев хлопнулись в обморок, словно придворные барышни.

А ужасаться было чему. Первыми из пентаграммы вырвались волкоподобные монстры с несколькими рядами зубов, с которых капала слюна, восемью мощными когтистыми лапами и длинными шипастыми хвостами.

– Вперед! – проревел император и, подавая пример подданным, ринулся на голодных демонов.

Возглас императора привел в чувство тех, кого объял ужас при взгляде на монстров. За правителем Софинии, подгоняя лошадей, устремились войска объединенной армии. Ужас схлынул с воинов, уступая место отвращению и азарту боя. Глядя на завязавшееся сражение с холма, Хельга не смогла остаться в стороне и запрыгнула на оседланную Зару.

– Ты куда? – перехватила уздечку мастер Регина.

– Я там нужнее, может, нам удастся сдержать этих тварей возле врат. Тогда и магическая помощь не понадобится, – ласково, но твердо убирая руки магистра от упряжи своей лошади, проговорила Хельга.

Хельга врезалась в гущу боя у самых врат, ловко орудуя двумя мечами сразу. Ноги надежно стоят в стременах, а умная Зара не пытается сбросить, ведь ей тоже нравится горячность схватки. Зара быстро приноровилась бодаться и резать покушающихся на нее и хозяйку зубастых волков-переростков. Новая уздечка с наточенным серпом во лбу давала возможность лихой лошадке сражаться, не только кусаясь и лягаясь.

Еще даже не были задействованы все войска, когда стало понятно, что атака отбита. Хорошо продуманный план обороны принес плоды: на тех демонов, которые только выходили из врат, Шторм обрушивал огонь, те же, кому удалось избежать пламени, попадали на копья и мечи имперских воинов. И уж совсем единицам удавалось прогрызть себе дорогу сквозь побоище, но

там их встречали послушники монастыря. Так что до четвертой линии обороны магов никому из демонов прорваться пока не удалось.

Император покинул поле боя и вернулся в свой шатер.

– Мы успешно сдерживаем этих тварей, теперь нужно решать, как захлопнуть эти проклятые врата, – не без удовольствия сказал он.

– И решать надо быстро, я думаю, что Мо Ши подготовил нам еще какие-нибудь сюрпризы, – подпортил императору радость настоятель Чародейского монастыря.

– Это может сделать граф Шторм, – напомнил император.

– Не может, – покачал головой настоятель. – Он сейчас уничтожает добрую половину демонов и если перестанет это делать, то ситуация резко изменится в худшую сторону.

– Зовите магов с полным резервом, пусть быстренько проанализируют структуру пламени и создадут нечто подобное, – скомандовал император. Двое старейшин тут же помчались выполнять приказ. – Шторм нужен мне здесь.

Веление императора исполнили достаточно быстро, вот тут и нашлась работа для магов. Мастер Регина послала за Хельгой, ведь ее опыт в данной ситуации был весьма ценен. Да и свой энергозапас чародейка еще не успела израсходовать.

– Мы можем закрыть врата? – Император задал главный вопрос, едва Дракон шагнул внутрь шатра.

– Закрыть – нет. – Шторм немного запыхался, но выглядел вполне бодрым. – Исходя из того, что я видел, могу сказать: для закрытия врат нужен целый цикл жертвоприношений. В определенное время, определенных рас и существ.

– Вы изволите шутить? – злобно спросил один из старейшин.

– Нисколько, – опроверг его слова Шторм. – Но мне видится другой вариант решения проблемы.

– Орки перешли Живицу и напали на нас! – выкрикнул деревенский мальчик, вбежавший к совещающимся.

– Что им нужно? И как не вовремя! – стукнул кулаком по столу главнокомандующий.

– Смотря для кого, – покачал головой настоятель монастыря. – Я предупреждал, что Мо Ши приготовит нам еще не один сюрприз.

– Как он смог договориться с Урук-Тхадом? – удивился император.

– Думаю, обманом, запугиванием, обещанием власти. Как всегда, ничего нового, – ответил Шторм. – Демоны лживы, они умеют ловко играть на страхах и желаниях всех разумных существ. Теперь понятно, почему Урук-Тхад не присутствовал

лично в начале вторжения.

Военный совет вновь был прерван, все поспешили покинуть походные покои правителя империи и своими глазами посмотреть на происходящее. С возвышенности, на которой находилась четвертая линия обороны, было все прекрасно видно. С юго-запада стройными рядами надвигались отряды орков, первые из них уже ударили с тыла по императорской армии и успели изрядно ее проредить, пользуясь внезапностью нападения. Их никто не ждал, тем более в качестве врагов, способных ударить в спину.

А из врат в это время появился первый высший демон – один из генералов Мо Ши. Человекообразный, с четырьмя огромными клыками и впадиной вместо носа, в высоких железных сапогах с огромными шпорами, он восседал верхом на коне с львиной головой и медвежьими лапами. Туловище коня было заковано в черный металл. Магический огонь, которым поливали маги всех выходящих из врат, не причинил ему ни малейшего вреда.

Генерал-демон одним ударом булавы, щедро снабженной острыми шипами, снес сразу несколько людских голов и направил свое войско к болотам, туда, где охранение было самым слабым. Низшие демоны с готовностью домашних собачек последовали за своим господином, раздирая клыками и когтями всех, кто пытался им помешать. Не прошло и часа, как орки и демоны, пройдя по людским трупам, прорвали имперскую оборону и заняли деревню Выхна.

Император велел перегруппироваться и вновь замкнуть кольцо вокруг врат, чтобы прекратить поток монстров на свою землю, но выполнить его приказ не удалось. Демоны нескончаемой рекой вливались через врата и двигались к своему генералу. Их прорыв перестал быть хаотичным, он стал направленным и обрел цель. Низшие демоны уже не стремились разорвать всех и каждого вокруг себя, они продвигались согласно зову старшего. Тех, что двигались по краям, старались достать и убить имперцы, но, несмотря на множество убитых тварей, поток не прерывался. Вслед за волкоподобными потянулись другие чудища, с щупальцами и присосками. Потом еще и еще. От многообразия монстров рябило в глазах, но воины бились упорно, стараясь не обращать внимания на кровожадных чудовищ.

– Потери? – Император задавал этот вопрос уже не в первый раз.

– Почти половина воинов Софинии, мой император, – с поклоном докладывал один из старейшин. – Две трети – из отрядов вассальных герцогств, одна треть – послушники монастыря.

– А воины Братства живы?

– Да, ваше императорское величество, среди них пока потерь нет. Это странно. – Он перешел на тихий шепот: – Может быть, они воюют лишь для отвода глаз, а сами заодно с Мо Ши?

– Ничего странного, просто воины Братства намного лучше подготовлены. И оставьте эти нелепые предположения в отношении них, – скривил недовольную гримасу император. – Если мы не будем доверять им, то можно сразу идти на погост и начинать себя закапывать.

– Вы правы, ваше величество, – снова поклонился старейшина.

* * *

В то время, пока демоны переходили из своего нижнего мира на отвоеванную территорию, воины объединенной армии безуспешно пытались им помешать, а великий и ужасный Мо Ши в оккупированной деревеньке держал совет со своим генералом, на поле боя опустилась ночь.

Под покровом темноты имперцы постарались вынести с поля сражения раненых и убитых товарищей. В Софьянград потянулись телеги, груженные мертвыми телами, а после – и наспех перевязанными, получившими не очень сложные ранения бойцами. Тем, кого из-за тяжелых ран нельзя было перевозить, тут же на месте старались излечить маги-целители монастыря.

Император собрал очередной военный совет все с тем же вопросом: что делать?

– Я пытался спалить захваченную деревню, – доложил усталый Шторм, – но Мо Ши поставил надежную защиту. Мне не удалось ее пробить.

– Вы говорили, граф Шторм, что у вас есть идеи, как закрыть врата, – напомнил император.

– Не закрыть, а обезвредить, – поправил правителя Шторм. – Но это будет возможно лишь тогда, когда мы сможем пресечь переход оттуда демонов.

– Если мы пресечем переход демонов, врата перестанут быть опасными, – фыркнул один из старейшин.

– Врата в нижние миры никогда не перестанут быть опасными, – поддержал Шторма настоятель. – Что вы имели в виду, граф? Поясните.

– Если на несколько минут удастся перекрыть проход через врата, то мы с братьями сможем выпихнуть демонов из этого мира.

– Каким образом?

– Мы создадим пространственную аномалию, – принялся объяснять Шторм, – поместим в нее врата, и они перестанут быть опасными. Но для этого врата должны остаться без влияния Мо Ши хотя бы на короткое время.

– Как такое возможно?

– А вот этого, извините, я объяснить не смогу. По крайней мере, не сейчас. На обучение таким вещам уйдет не одно десятилетие, а времени у нас нет и может не быть вообще.

– Идея интересная, только сложно выполнимая, – проговорил император.

– Другой все равно нет, – покачал головой настоятель, – а Мо Ши уже получил для себя плацдарм в Выхне. И скоро эти врата перестанут иметь для него решающее значение. Он сможет создать новые на отвоеванных территориях.

– Делайте, граф, все, что считаете нужным, – принял решение император под давлением настоятеля и его аргументов. – Мы постараемся сдержать этих тварей, насколько сможем.

* * *

Хельгу вытащили из-под мертвых тел благодаря ее кобыле. Верная Зара, не обращая внимания на снующих вокруг воинов, стояла рядом с грудой мертвецов и рыла копытом землю. А когда бездыханную Хельгу погрузили на телегу вместе с убитыми, крепко укусила возницу за плечо и стала стаскивать хозяйку, ухватив зубами за ботинок, через борт на землю. Неглупый деревенский дедок, повидавший за жизнь животных, которые были намного умнее людей, сразу понял, в чем дело, и определил Хельгу в полевой лазарет, где лечили тяжелых раненых монастырские маги-целители.

Придя в себя, Хельга не сразу поняла, где находится. Оглядев серый потолок из непромокаемой ткани, она уже собиралась подняться на ноги, но к ней сразу подскочил целитель.

– Тебе нужно лежать, – возвращая чародейку в горизонтальное положение, мягко, но настойчиво проговорил он.

Хельга послушалась. Она пригляделась к целителю, и в ее памяти всплыли события многолетней давности, когда она надела на голову пристающему к ней практиканту ведерко со смесью негодных для использования зелий. Практикант тогда в результате неконтролируемого заглатывания и впитывания в кожу дикого коктейля из помойного ведерка обрел рога, женскую грудь и еще несколько неприятных новинок в своем организме.

Естественно, практикант, который ныне являлся целителем с дипломом и долгосрочной практикой за плечами, не смог узнать в израненной чародейке из боевого Братства Дракона ту наглую послушницу монастыря, которая мало того что посмела его продинамить, но еще и жестоко посмеялась, превратив в учебное пособие для всего целительского факультета. Воспоминания тех событий были далекими, они уже не вызывали на лице самодовольную улыбку, как раньше. Теперь все неважно.

– Мы живы, значит, мы победили? – задала Хельга главный вопрос.

– Я ничего не знаю, – признался целитель. – Нам приносят тяжелораненых, мы стараемся спасти их. Работы столько, что даже шагу из лазарета сделать не можем.

– Мне нужно поговорить с кем-то из императорского военного совета.

– Не могу в этом помочь, – развел руками пострадавший когда-то от шалостей Хельги практикант. – Меня ждут пациенты.

– Тогда пошлите кого-нибудь за мастером Регионой, магистром боевых искусств из монастыря. Это вы можете сделать?! – почти рявкнула Хельга, снова предпринимая попытку встать.

– Это я могу сделать, – примирительно согласился целитель. – Только не надо вставать.

Когда целитель отошел от ее носилок, девушка проследила за его движением и увидела, как тот, показывая на Хельгу, объясняет что-то деревенскому мальчику, крутившемуся возле раненых: кому воды подать, кому покрывало поправить. Мальчик внимательно выслушал, кивнул и убежал прочь. Хельга немного успокоилась и вновь опустила отяжелевшую голову на носилки. Вокруг лежали такие же раненые, как и она сама, – зрелище не из самых приятных. Мощное поле целительской магии, приторный запах целебных трав, стоны тех, на кого не хватило средств или не подействовали обезболивающие заклинания, противный привкус крови во рту, тяжесть и ломота в теле. Все эти прелести не способствовали созданию хорошего настроения. Чародейка закрыла глаза и постаралась отвлечься на что-нибудь приятное и родное. Вспомнила Шторма, его крепкие ласковые руки, друзей, никогда не оставлявших в трудную минуту, счастливую Хризастелию… И погрузилась в сон.

Пробуждение пришло от нежного прикосновения. Кто-то аккуратно гладил Хельгу по голове. Учитывая снившиеся сны, сомнений в том, кто это, не возникло.

– Шторм, – прошептала Хельга, накрывая гладящую ее руку своей ладошкой.

– Да, здорово тебе мозги повредили, – раздался голос мастера Регины.

Хельга открыла глаза:

– Я за вами посылала, спасибо, что пришли.

– И я рада, что ты жива. Думала, не увижу тебя больше, – призналась магистр.

Грязь, кровь и дыры на ее походной форме красноречиво говорили о том, что и ей пришлось повоевать.

– Мы победили? – Хельга повторила самый волнующий ее вопрос, на который не смог ответить целитель.

– Нет, – глядя в глаза воспитаннице, ответила мастер.

– Тогда почему мы живы?

– В союз с Мо Ши вступили орки, они прорвали нашу оборону, соединились с демонами и заняли Выхну.

– Теперь наша смерть – лишь вопрос времени.

– Это всегда лишь вопрос времени, – философски высказалась мастер Регина.

– Получается, зря я вернула Юстинну в наш мир, – грустно вздохнула Хельга.

– Ты вернула Юстиниану из мира мертвых?! – ужаснулась преподаватель.

– Не совсем так, магистр Регина. Это длинная история. Юстинна была жива все эти годы, и сын Мо Ши использовал ее как источник энергии. А я его убила и забрала Юську обратно.

– Ладно, потом как-нибудь расскажешь.

– Если у нас будет это «потом».

– Твой там что-то с императором придумывает. Вдруг да получится, – постаралась обнадежить воспитанницу магистр.

– Мой – кто? Жених или отец?

– Да оба они там, – махнула рукой магистр. – Настоятель не зря место председателя Совета занимает, может, что путное и решат.

– Мне бы выбраться отсюда. – Хельга жалобно посмотрела на магистра. – Терпеть не могу лазареты и целителей.

– Ты сначала поправься, – не согласилась с ней Регина.

– Я даже не знаю, куда меня ранили, у меня не болит ничего!

– Тебя ранили в голову, сразу видно – мозг поврежден.

– Это у меня врожденное, – поддержала шутку Хельга.

– С этим нельзя не согласиться, – хмыкнула мастер Регина и направилась к целителям.

– У тебя рваные раны на обеих ногах, гематомы на груди – спасла кольчуга – и пробит затылок. Зря мы шутили на эту тему, – вернувшись к постели больной, поведала мастер магистр.

– Всего-то?! – воскликнула Хельга.

– Этого достаточно, чтобы лежать и не вякать.

– Ну, положим, затылочную кость зарастили в первую очередь, как самую опасную травму, и об этом можно вообще забыть, – начала перечеркивать свои недуги чародейка. – Синяки пройдут, вы с ними на тренировки выгоняли будь здоров! – напомнила Хельга, и преподаватель вынужденно кивнула. – И мышцы наверняка уже срастили, иначе бы я кровью истекла давно! – победно закончила она. – Заберите меня отсюда, пожалуйста. – Снова обезоруживающая мольба во взгляде.

Целитель, дающий одному из пациентов лекарственную настойку и прекрасно слышащий этот разговор, тут же подскочил к ним:

– Вы не понимаете всех последствий!

– Я забираю ее под свою ответственность.

– Тогда ставлю вас в известность, что у пациентки, если она нарушит постельный режим, будут головокружения, могут быть обмороки, о постоянной хромоте я вообще не говорю.

– Мы все понимаем, – ответила за обеих пациентка и снова бросила на мастера Регину просящий взгляд несчастного щенка.

– Под мою ответственность, – повторила магистр.

– Я буду вынужден доложить начальнику лазарета, – заявил целитель, понимая, что помешать двум сумасбродным воительницам, пусть даже одна из них покалечена, он не может.

Женщины прошли через ряды носилок с ранеными, которым, казалось, нет конца и края. Несколько шатров, выделенных под лазарет, соединили между собой тонкими завесами. Все чаще они слышали стоны и видели растекающиеся по покрывалам кровавые пятна. Это означало, что у целителей не хватает ни сил, ни энергии для нормального лечения всех нуждающихся в помощи.

– Скоро рассвет! – заключила мастер, глядя, как малая луна плывет к горизонту.

– Ага, – вдыхая полной грудью приятный ночной воздух, согласилась Хельга и закашлялась.

– Тебе нужно вернуться в лазарет, – сказала магистр, замечая, как воспитанница сплевывает кровавые сгустки и капли попадают на белоснежное одеяние, выданное в лазарете.

– Ерунда! – отмахнулась Хельга. – Идемте хоть что-нибудь разузнаем.

Женщины поднялись на холм, который отгораживал лазарет от поля боя.

– Вот и твой суженый, – показала мастер в сторону пламени, летящего с неба на демонов, выползающих из врат.

На фоне темного звездного неба огонь выглядел особенно эффектно.

– Как красиво! – восхитилась Хельга.

– Мы пробовали воссоздать структуру его пламени, но не сильно преуспели, – призналась магистр.

– Это неудивительно, ведь он на несколько ступеней превосходит нас в развитии. И физически, и магически. Он снова занят, – вздохнула девушка.

– Он дает нам шанс на спасение, – напомнила мастер. – Куда теперь?

– Надо к императору, только я не могу появиться в таком виде.

– Так уж и быть, поделюсь с тобой. Монастырской формой не брезгуешь?

Хельга улыбнулась, показывая, что оценила шутку. Несмотря на разницу в телосложении, запасной комплект одежды мастера Регины Хельге оказался впору. Чуть-чуть длинноват, а так вполне нормально.

– А куда девают лошадей убитых и раненых?

– Наверное, в общий загон отправляют, – предположила Регина.

– Сейчас узнаем, – пробурчала Хельга, набрала побольше воздуха в легкие и оглушительно свистнула, чтобы через несколько секунд снова закашляться и сплюнуть противную кровь.

Конский топот позади показал, что она не ошиблась, и заставил улыбнуться окровавленными губами.

– Зара, умница моя. – Хельга ласково поглаживала верную подругу по гладкой морде.

Кобыла доверчиво ткнулась носом в плечо хозяйки, позволяя себя гладить. Учитывая непростой характер лошади, это было с ее стороны наивысшим проявлением радости.

– Что, милая, повоюем еще? – все еще поглаживая лошадь, спросила у нее Хельга.

Зара фыркнула: «Что за вопрос? Конечно!»

* * *

Гулкий зов рога сообщил лагерю имперцев о том, что случилась новая беда.

Регина бегом, а Хельга прихрамывая, но не отставая, добрались до шатра императора.

– Что происходит?! – Растолкав охрану, Хельга, словно фурия, ворвалась в шатер.

– Демоны пошли в атаку. Они кромсают и пожирают наше

окружение, – усталым голосом сказал император, даже не указав женщинам на неприемлемое в обществе царственной особы поведение. – Граф Шторм сдерживает новые потоки этих тварей, насколько может, иначе нас уже давно смели бы.

– Ваши готовят пространственную аномалию, чтобы вытолкнуть туда врата, – подал голос настоятель монастыря.

– Где они? – вскинула голову Хельга, глаза ее лихорадочно загорелись.

– Восточнее врат, – выходя из шатра, указал направление император. – Но не нужно зря обнадеживаться, они не успеют.

И будто в подтверждение его слов, к шатру подскакал юный воин.

– Окружение прорвано, мой император, мы не смогли сдержать этих тварей, их слишком много, – соскакивая с коня, сразу начал докладывать он. – Мы держали южный рубеж, я один выжил. Армии Иленкарского графства больше не существует.

Воин стянул с себя кольчужную шапку и заревел, словно малый ребенок. А он и был еще, по сути, совсем юнцом, именно поэтому вассальный граф, когда понял, что им уже не выбраться, послал к императору именно его – самого младшего из своего войска, чтобы сохранить ему жизнь.

– Я должна встать на защиту братьев, пока они не закончат работу над аномалией, – сказала Хельга мастеру Регине, вскакивая в седло Зары.

– Ты зря погибнешь! – крикнула ей вслед магистр, а сама отняла поводья у гонца Иленкара и направилась вслед за Хельгой.

Солнце уже тронуло верхушки сосен, а от объединенной армии остались лишь жалкие разрозненные отряды усталых, израненных воинов. Маги пытались противостоять новой угрозе, но у демонов был полный иммунитет к стихийным заклятиям.

Хельга и Регина встали на защиту Дарвингиля и еще пяти избранных братьев, способных манипулировать пространством. Тут же рядом бились все оставшиеся в живых послушники монастыря. Демоны озверело кидались на людей. Первые ряды нижнемирских тварей натыкались на выставленные копья и погибали. Остальные продолжали напирать. Вторые ряды пали, рассеченные мечами, топорами и кинжалами. Остальные продолжали лезть по трупам, стараясь достать людей клыками, когтями и щупальцами.

Горстка защитников держала круговую оборону, хотя все уже понимали, что времени закончить спасительную аномалию нет. Слишком много врагов, которые кровожадны и четко видят трепыхающуюся цель.

Хельга в который раз занесла для удара взятый у убитого

воина меч и поняла, что волкоподобный демон долетит до нее в прыжке задолго до того, как она опустит ему на голову свое оружие. Огромная волчья пасть, измалеванная кровью жертв, с пятью рядами острых кривых зубов – вот что увидела чародейка перед падением.

– …а если мы проиграем и мир погибнет? – спрашивала Хельга у возлюбленного после беседы с отцом.

– Он не погибнет совсем, он станет другим, опустится на нижний виток спирали. Пройдут столетия, и он снова станет таким, каким его увидела ты.

– Только меня в нем уже не будет… – с грустью отвечала Хельга.

Звон натягиваемой тетивы никто не слышал. Полет стрелы тоже никто не видел. Но саму стрелу, пронзившую тело мерзкой твари, которая, падая, погребла под собой Хельгу, вместо того чтобы откусить чародейке голову, увидели все. И, проследив направление полета, радостно поприветствовали отряд эльфов в белоснежных доспехах, сверкающих в лучах восходящего солнца. Спускаясь с холма, эльфийский отряд непрерывно расстреливал монстров, которые уже чуяли близкую победу. Каждая стрела четко попадала в цель, количество убитых демонов неумолимо росло. Бьющиеся в окружении воины приветствовали нежданную помощь громкими возгласами и с удвоенной ожесточенностью бросились убивать омерзительных врагов.

Снова протрубил рог. На этот раз это была трель, подающая надежду. А подоспевший с поля боя к императору очередной гонец сообщил, что на место погибшей армии Иленкара пришло многотысячное войско Шаурана. Черные воины клана Самри не дали демонам перейти Живицу и уничтожили предавшие империю войска Урук-Тхада.

– Аномалия готова, – ближе к полудню сообщил Дарвингиль. – Нужно вызвать Шторма, он сможет на время перекрыть доступ к воротам.

– На мой зов он не отвечает, – вынуждена была признать Хризастелия. Принцесса, как и многие члены Братства, под прикрытием эльфийских лучников залечивала раны.

– Пошлите гонца к императору, – предложила Хельга, которую вытащили из-под мертвого демона, и теперь мастер Регина старалась облегчить ей боль от ран.

* * *

– Гонец от Братства принес новую весть, – с поклоном

сообщал офицер императору. – Ловушка для врат готова.

– Приятно слышать, – с облегчением вздохнул Иола Мудрый.

– Но графа Шторма с нами больше нет. И, по словам членов Братства, пока они будут расправляться с вратами, некому загородить проход демонам, – перекрыл гонец приятное известие неприятным.

– Он погиб?! – воскликнул император и вместе с ним все присутствующие.

– Тело никто не видел.

– Погибая, он мог снова превратиться в человека. Демоны могли растерзать его, – нахмурился настоятель.

– У нас снова нет шансов? – Император обвел тяжелым взглядом оставшихся в живых старейшин.

– Думаю, шанс есть, – снова сказал настоятель. – Я могу попробовать перекрыть ход, но не уверен в успехе. Надо приблизиться к вратам вплотную.

– Ты там погибнешь, – констатировал Иола Мудрый.

– Если не попробую, мы все погибнем, и намного быстрее, чем хотелось бы, – хмыкнул отец Хельги и Юстинны.

Решение было принято. Все, кто был способен держать оружие, отправились вместе с настоятелем пробивать ему дорогу к вратам. Кровь, вой, оскаленные морды и выдергивающие воинов щупальца мелькали перед глазами людей, врубившихся в орду демонов. К самим вратам из пятидесяти человек пробились только трое, включая самого настоятеля.

Отряд, прикрывающий Дарвингиля, который удерживал не видимую никому, кроме членов Братства, аномалию, тоже продвинулся в непосредственную близость к вратам. Многие эльфы, сменив луки на мечи, показали, что они мастера не только пострелять, но и покромсать врага в капусту.

Пока демоны раздирали двоих последних защитников настоятеля, сам он тратил время и всю доступную ему энергию, включая припасенные амулеты, на создание мощнейшей защиты, на которую он, архимаг и председатель Совета старейшин, был только способен. Окутавшись ею, словно коконом, настоятель шагнул в проем пентаграммы и что было сил вцепился пальцами в края врат. Демоны накинулись на него с обеих сторон, из обоих миров, и защита, поставленная им, не стала для монстров серьезным препятствием.

Но прежде чем демоны добрались когтями и клыками до тела настоятеля, Дарвингиль при помощи соратников сумел замкнуть пространственную аномалию вокруг врат. Для всех окружающих это выглядело как чудо: вот врата с выползающими из них чудовищами стоят посреди поля, и в следующий момент их

просто не стало. Они пропали, оставив чистым, без крови и трупов, небольшой кусок земли.

– Мы победили! – прыгал и кричал император, не стесняясь присутствия подданных.

– Мы сделали это! – радовалась мастер Регина.

– Настоятелю – памятник! – требовали два выживших старейшины.

– Бешеные Самри очищают от демонов Выхну! – доложил очередной гонец.

После окончания битвы Дарвингиль спросил у предводителя эльфийского отряда:

– Почему вы пришли нам помочь? Эльфы не вмешиваются в дела людей.

– Мы не могли оставить принца и принцессу совсем без помощи.

– Благодарим, – поклонились молодожены.

– Если вы не против, мы еще поохотимся в этих местах на иномирцев, – предложил глава лучников.

– Да, их тут множество разбежалось, придется не один месяц охотиться, – согласилась Хризастелия.

Все праздновали победу – тут же, на поле боя. Потому что никто в нее не верил, а она взяла да и почтила несчастных своим присутствием. Победа!

Похороны, встречи с близкими погибших, передел земель и назначение пенсий семьям павших героев – все это будет потом, а сейчас все праздновали победу. Всем было хорошо и легко на душе. Мир отвоевал свое право на дальнейшее существование.

Лишь один человек, женщина, сейчас готов был умереть от горя. Для нее мир рухнул, и победа была ничего не значащим событием. Она умирала от боли в груди и в душе, выплевывая с рыданиями сгустки крови.

– Шторм! Отзовись! – выла Хельга, молотя кулаками по безвинной земле. – Как ты мог так поступить! Мне не нужен без тебя этот мир, проклятый мир!

– Я был очень занят, – через некоторое время рыданий и стенаний услышала Хельга у себя в голове спокойный, как всегда, голос возлюбленного.

– Он жив, – поднимая Хельгу с земли на руки, сказал ей Дарвингиль, да она уже и сама это поняла, но рыдания никак не хотели униматься.

* * *

Отряд Тимура остановился в ближайшей кленовой роще, вплотную подступавшей к старинному замку. Листва давно облетела и охряно-желтым ковром укрывала влажную землю. Голые стволы четко и уверенно тянулись к вечернему небу, подчеркивая приближение неминуемого холода и угасания. Черные ветки могучих деревьев светились миллиардами сверкающих в закатном солнце капель недавно прошедшего дождя. Тимур на серебристом Тритоне выглядел как сказочный рыцарь со старинной гравюры. Нерку захотелось как-нибудь подколоть своего соратника, но им предстояла сложнейшая операция. Поэтому он лишь саркастически хмыкнул, и они приступили к обсуждению.

– Штурмовать эту цитадель, не имея ни малейшего представления о силах и возможностях противника, глупо. Поэтому я полечу на разведку, а вы будете терпеливо дожидаться меня.

Нерк был прав. Тимур полностью с ним согласился, но все-таки не удержался и спросил:

– Чего ты все время лыбишься, глядя на меня?

Нерк хотел сказать, что он вовсе не улыбается, но в этот момент его губы предательски расплылись в улыбке.

– В другой раз, приятель, – уже широко улыбнулся Нерканн и, обернувшись нетопырем, полетел в сторону замка.

Тимур оглядел себя, пожал плечами и приказал отряду спешиться. Он привалился к стволу огромного клена и закрыл глаза.

Замок был защищен очень серьезно. Но кровля сторожевых башен во многих местах прогнила, и почти ежедневно старинная черепица осыпалась, прорывая тончайшие нити защиты. Используя сонар, Нерканн легко нашел лазейку. Как ни странно, замок пустовал. Заселено было только западное крыло, где сосредоточилось не более двадцати человек челяди. Они же, по всей видимости, выполняли и функции охраны.

На псарне оказалось полтора десятка охотничьих собак, с которыми отряду уже приходилось иметь дело. Это было неприятное открытие, но радовало одно: тому, кто решит выпустить псов, предстоит пробежать через весь двор. А значит, надо помешать ему это сделать. Для начала – хотя бы заклинить засовы. Подлетать к собакам Нерк не стал, зато основной засов претерпел всевозможные конструктивные изменения. «Тут в спокойной обстановке работы минут на двадцать!» – радовался Нерк.

Четверть часа спустя летучая мышь уселась на плечо к спящему Тимуру. Тот мгновенно открыл глаза.

– Сейчас! – проговорил запыхавшийся нетопырь.

Он подробно рассказал Тимуру о внутреннем устройстве замка и сосредоточении сил противника. Тимур определил действие каждого из бойцов, а также вероятные замены в случае потерь. Воины выслушали молча.

В момент штурма Нерк должен был оказаться внутри и блокировать псарню.

К воротам замка подъехал один Тимур. Он восседал на серебристом коне, укрытом дорогой попоной.

– Могу я попроситься на ночлег в ваш замок? – И Тимур представился, назвав длиннейшее имя, указывающее на знатность его рода.

– Я позову старшего, – пролепетал парень, открывший смотровое окно.

Тимур церемонно кивнул и выказал скуку. Про себя же он отметил, что молодой страж вряд ли даст серьезный отпор при прорыве. Наконец подошел старший. Они встретились глазами, и тот моментально захлопнул окно. За воротами замка затрубили тревогу.

– Лим! Демоны тебя побери! – заорал Тимур, разворачивая коня.

В этот момент Тритон показал такое, чего нападавшие и сами не могли ожидать. Он встал на дыбы и передними ногами ударил по бревенчатым воротам. Ворота разлетелись в щепки. Вода в радиусе полутора миль почему-то взбудоражилась, и водонапорную башню разнесло, словно ее разорвало изнутри.

Отряд Тимура, не заставив себя ждать, ринулся в проем разбитых ворот. Бой был коротким. Охрана Мо Ши, учитывая то, что он регулярно менял ее, не смогла оказать серьезного сопротивления отряду Тимура, предназначенному для выполнения спецопераций. Годами шлифующие мастерство и не новички в своем деле, они перерезали охранников Мо Ши, как ягнят.

Нерк не позволил выпустить собак, и резерв Мо Ши жалобно скулил, запертый в сарае.

А Тимур тем временем сшибся с опытным противником. Они моментально узнали друг друга: когда-то Лим был боевым товарищем Тимура. Оба хорошо знали возможности и любимые приемы противника.

– Лим! У тебя нет шансов! – Краем глаза Тимур отметил, что основное сражение закончено. – Остановись и уходи!

Лим только стиснул зубы и нанес Тимуру сокрушительный удар сверху. Тимур блокировал его.

– Лим! – опять позвал Тимур человека, которого считал своим

другом. – Это не твое дело! Что с тобой?

– Да не лезь ты ко мне в душу! – не выдержал наконец Лим. Он попытался нанести Тимуру рубящий удар слева направо. – Не видишь – ПРОДАНО!

В этот самый момент из его рта вытекла широкая струя крови. Лим рухнул на колени. Рог стоял позади Лима и высвобождал клинок. Не глядя Тимуру в глаза, он сказал:

– Не на турнире, командир! Пойдем зачем пришли. – Потом сплюнул на распростертое тело Лима. – Неплохой был парень в прежние времена.

Юстиниана покоилась, заключенная в хрустальную сферу. Тимур кинулся к ней. Но сфера была тверда, а Юстиниана, сидевшая там в причудливой позе, сплетя ноги и положив на разведенные колени руки ладонями вверх, хоть и держала спину прямой, казалась погруженной в глубокий сон.

– И что с ней? – взвыл Тимур.

– Целая и живая по крайней мере, – грустно проговорил Нерк.

За ширмами послышалась возня, чей-то голос запричитал:

– Не убивайте, не убивайте!

Ерич выволок трясущегося старика. Он упал Нерканну в ноги, приняв его за начальника:

– Я все скажу, господин!

– Еще как скажешь, – пообещал Тимур и приподнял старика за шкирку.

Он протащил его через полкомнаты и кинул на пол перед хрустальной сферой.

– Да-да, – закивал старик. – Это невеста моего господина!

– Я не спрашиваю, кто она! – заревел Тимур. – Я спрашиваю: как ее отсюда достать и кто ее туда посадил?

Старик не мог справиться с трясущейся нижней челюстью, но Тимур ткнул его в бок, и, как ни странно, этот тычок привел слугу Мо Ши в чувство.

– Это она сама! Клянусь, она сама! – Старик всхлипнул. – Она ударила господина и спряталась в шаре!

– Как ее достать, спрашиваю? – орал Тимур, не давая старику опомниться.

Тот с мольбой посмотрел на Нерканна. Но вампир шелковым платочком чистил свой фамильный перстень и не выказывал никакого сочувствия.

– Слеза... – проговорил старик обреченным голосом. – Искренняя слеза может найти путь в лабиринте безмятежности.

– Что за чушь он мелет? – Тимур обратился к Нерку, потом еще раз тряхнул плачущего старика: – Ты что, свихнулся, старый?

Тот затрясся с новой силой, но ничего больше не сказал.

Нерк с грустью посмотрел на шар и обернулся к Тимуру:

– Если бы не ты вспомнил ее имя, а я... – Нерк вздохнул. – Начинай! Но помни: во второй раз я тебе не уступлю!

– Ну и что мне делать? – спросил Тимур.

– Что делать? – переспросил Нерк. – Поплачь!

– Я, наверное, не смогу, – серьезно сказал Тимур.

– Давай я тебе соли в глаза брошу!

Нерк уже привык к постоянным пикировкам с Тимуром, однако тот так серьезно посмотрел на него, что вампиру показалось – воин не исключает и такой возможности.

Тимур подошел к шару, достал свой меч и с силой сжал ладонью клинок.

Он положил окровавленную ладонь на вершину сферы, и вдруг по каким-то невидимым трещинкам, как по капиллярам, его кровь начала проникать в шар, приближаясь к центру.

Капелька крови, собравшись, капнула Юстиниане на нос. Она смешно им дернула и открыла глаза. Обняв сферу, на девушку глядели радостные Тимур и Нерк.

За их спинами фыркал и всхрапывал Тритон. Юстиниана подняла руки с колен, отвела их в стороны, и сфера исчезла. Они обнялись, все трое.

– А где Мо Ши? – с тревогой спросила Юстиниана.

– Он улетел к вратам, госпожа! – отвечал старик, понимая, что на этот вопрос больше никто ответить не сможет.

– Надо срочно уходить! Мы с ним не справимся! – сообщила Юстинна.

Они повернулись к выходу, как вдруг старик взмолился, обращаясь к Нерку:

– Господин! Возьми меня с собой!

Увидев отрицательный ответ в глазах вампира, старик добавил:

– Я могу быть преданным слугой.

– Нет, – покачал головой Нерк. – Я не хочу быть преданным господином!

Но он пожалел старика, обернулся к нему и напоследок добавил:

– Посмотри, как много здесь добра! Возьми сколько унесешь. Уйди и научись быть свободным.

Старик остался один. Оглядев мутным взглядом разрушенные покои своего хозяина, он поднял голову и завыл, посылая зов.

Волчий вой был быстрее скорости звука. Он достиг ушей Мо Ши. Тот вздрогнул, принял облик синего дракона и поднялся в ночное небо.

* * *

Отряд уже начал выезд из разбитых ворот, и в этот момент им преградил путь огромный синий дракон.

Юстиниана узнала в нем Мо Ши.

Не было произнесено ни одного слова. Началась битва.

Дракон был страшен, но его сгубила чрезмерная ярость. Он был остановлен в проеме ворот. Отряд всеми силами удерживал его на месте, лишая возможности маневра. Нерканн и Тритон, перемахнув через ворота, не позволяли Мо Ши дать задний ход. Хотя дракон и не видел их, все равно взмахи его хвоста были смертельно опасны. Отряд истекал кровью, силы убывали на глазах.

Юстиниана успевала ставить магические щиты и останавливать кровь своим израненным товарищам. Раны Мо Ши тут же запекались густой синей слизью, выступавшей на поверхности искрящейся чешуи. Дракон подался назад. Нерк с Тритоном изо всех сил сражались со слепой яростью хвоста Мо Ши. В какой-то момент режущие гребни хвоста подсекли Тритону ноги. Голубая кровь струей брызнула из ран благородного коня. Он упал как подкошенный, и в этот момент над ним подобно гильотине поднялся зубчатый хвост синего дракона.

– Ложись! – крикнул Нерк и метнулся в сторону упавшего Тритона.

Он успел подставить меч и погасить силу удара. Острый гребень только скользнул по клинку, но тяжелый хвост обрушился на голову несчастного Нерка. Он потерял сознание. Если бы Мо Ши видел их, то обязательно бы добил поверженных. Но на их счастье, голова дракона в этот момент сражалась с отрядом Тимура.

Юстиниана не могла противопоставить силе врага заклятия, которые бы ему серьезно повредили. Но ядовитый туман, разъедающий ноздри, смерчи из золотистого песка, засыпающие глаза, немало досаждали Мо Ши. Он попытался плюнуть огнем, что является излюбленным приемом драконов, но поперхнулся мощной струей воды, посланной магичкой. Погасив очередной огненный залп, Юстиниана рухнула. Лаз, находящийся рядом, оттащил ее под защиту выступа стены.

– Юста, что с тобой? – тряс обескровленную девушку молодой воин.

Она едва могла говорить:

– Энергия иссякла.

Лаз увидел, что помочь ей ничем не может, и, оставив лежать у стены, снова вступил в бой.

Тимур понимал, что так долго продолжаться не может.

– Прикрой! – показал он знаком Рогу и подкатился под челюсть разъяренного Мо Ши. Удар, который нанес Тимур, мог убить и более крупное существо, но древний дракон лишь взревел и на какое-то мгновение потерял способность двигаться. Тимур занес меч, чтобы довершить удачную атаку, как в этот момент из полуотрезанной шеи вылезла новая голова, измазанная синей слизью. Она разинула пасть, Тимур попробовал увернуться, но, однако, уйдя от зубов, оказался прижатым к стене.

Воины ринулись в атаку, спеша на выручку своему командиру. Мо Ши начинали надоедать эти мухи, он прижал Тимура лапой и стал втягивать голову, стремясь обманом подманить людей к себе. Рог с Еричем попытались поднырнуть под голову чудовища, чтобы вытащить Тимура и повторить его успешный удар.

Внезапно отряд накрыла тень.

Рог поднял глаза, и тут же прозвучал сигнал, означающий нападение сверху. Воины, свернувшись клубками, раскатились кто вправо, кто влево.

Серебряный дракон опустился на площадь замка перед разинутой пастью синего дракона. Какое-то время они глядели друг на друга. Древний дракон зла и серебряный дракон справедливости.

Юстиниана, Тимур и его воины стали свидетелями великой битвы.

Мо Ши не ожидал появления столь серьезного противника. Он услышал зов слуги и решил отлучиться на мгновение, чтобы восстановить порядок в своем гнезде. То, что в его отсутствие армия императора потеснит демонов и орков, Мо Ши не беспокоило. Пока есть врата, эта сила неисчерпаема. Но он не хотел мириться с тем, что его шахматная партия будет разыграна фигурами самостоятельно. Азарт игрока и приступ ярости затмил расчетливый разум Мо Ши, и высший демон не учел одну маленькую деталь.

Зов услышал не только он. Шторм обладал достаточно ясным умом: услышав зов и ощутив, как разрывается воздух, открывая пространственный коридор, он понял, что это единственный шанс встретиться с Мо Ши один на один. Времени предупреждать кого-либо у него не было. Шторм рванул в горячий поток образовавшегося коридора.

«Нежданный гость», – сказали глаза Мо Ши, и темная энергия потекла из глубины его зрачков в глаза серебряного дракона.

«Это ты – незваный гость», – спокойно ответили глаза серебряного дракона. Переливаясь невероятными цветами, бездна

встретила синий поток и растворила его в себе.

«Это мой мир!» – Густой фиолетовый поток, как чернила каракатицы, брызнул в душу Шторма.

«Мир не может быть твоим! – Золотые лучи пронзили чернильные потоки Мо Ши, разгоняя их, как утреннее солнце разгоняет сумрак. – Твой удел – война!»

Мо Ши открыл пасть, но серебряный штормовой ветер смел злую энергию древнего дракона. Казалось, он загнал обратно в глубину черной глотки ту ужасающую тьму, которую Мо Ши собрался излить на серебряного дракона. Мо Ши захлебнулся собственной яростью.

Неуловимым движением серебряный дракон сделал рывок вперед и откусил синему дракону голову. Раздался визг, из горла хлынула синяя слизь. Тело Мо Ши забилось в агонии, и еще через мгновение он затих.

Серебряный дракон поспешил принять человеческий облик. Он подошел к Тимуру, с трудом освобождавшемуся от мертвой хватки Мо Ши.

– Ты в порядке? – Шторм протянул руку, помогая воину подняться.

– Живой! – констатировал Тимур, все еще приходя в себя.

– На тебе знак Бесконечности, – улыбнулся Шторм. – Это хорошая броня.

Тимур не стал выяснять, о чем говорит серебряный дракон, он задал вопрос, который волновал его больше всего после победы:

– Наши потери?..

Шторм оглядел площадь перед замком.

– Похоже, все живы. А вот и… – Он шагнул навстречу девушке, которая едва держалась на ногах, и приветствовал ее: – Привет тебе, Юстиниана, я рад, что у моей невесты такая чудесная и смелая сестра.

Та ответила тихим голосом:

– Приветствую тебя, Шторм. Я рада за вас с Хельгой.

Опытный Ерич, поддерживая обессиленную магичку, поднес к ее губам флягу с напитком, восстанавливающим силы. Тимур поднял бледную руку девушки и приложил к своей груди. Это единственное выражение эмоций, которые он мог сейчас себе позволить. Юстиниана лишь слабо улыбнулась ему в ответ, и на ее щеки тонкой вуалью лег едва различимый румянец.

Шторм обратился к Тимуру:

– Мы незнакомы, но я благодарен тебе за совет, данный моей невесте.

– Ну, теперь я не сомневаюсь в его правильности, – ответил

Тимур, скрывая за улыбкой боль.

Обеспокоенный судьбой вампира, Тимур направился к воротам. В это же время в полузаваленном проеме ворот показался Тритон. Держась за гриву коня, рядом ковылял Нерк.

– Что тут произошло? – хриплым голосом спросил он, с изумлением разглядывая обезглавленное тело Мо Ши.

– Что произошло? Ты, как всегда, вовремя, – поддел его Тимур. – Пока ты эту тварь под хвост тыкал, мы отрубили ей голову.

Дракон, смеясь, протянул руку Нерку:

– Я вижу, вы нашли друг друга.

– Вроде того. – Вампир искоса посмотрел на Тимура. – Можно сказать, летняя практика прошла успешно и эти ребята сдали кандидатский минимум.

– Похоже, у нас точно есть один контуженный, – парировал Тимур.

Нерк улыбнулся, и все рассмеялись.

Верный Рог подставил Тимуру плечо, чтобы он мог устоять на ногах.

Эпилог

Белоснежное платье, как у принцессы. Древний город, средоточие пяти религий и дремлющей всемогущей силы, возведенный стараниями самого Создателя Миров. Преданный мужчина, любящий больше жизни и любимый всем сердцем. Что еще нужно девушке для настоящей свадьбы?

Правильно! Много чего еще нужно! В нашем случае этот список продолжили: наблюдательный совет из трехсот эльфов во главе с королем Сорвенго; все наставники Братства, коих насчиталось больше пяти сотен; три человека, не состоящие в наших рядах: владыка Милителии Варг и благословляющая наш союз венценосная пара Дарвингиль и Хризастелия. И конечно, моя семья. Юстиниана в роскошном серебристом платье, с легкой загадочной улыбкой на губах. Тенью за ней стоял Тимур, как надежная стена и друг. Отец… Какую бы сложную жизнь он ни прожил, закончить ее он сумел как подобает герою. Не знаю, чувствовали ли мы обе, что потеряли отца, но в любом случае эта скорбь была светлой.

Когда местный священник с длинной окладистой бородой, держащий в руках святой крест, увидел наших разношерстных гостей, заполнивших площадь, лицо его сильно побледнело, а пальцы стали подрагивать.

– Не надо бояться, святой отец, – обратился к нему Шторм. – Я ведь не раз говорил вам, что миров, созданных Всевышним, великое множество и не все населяющие их существа похожи на людей.

Священник таращился на эльфов, орки держали волосатые лапы на рукоятях ятаганов, заткнутых за пояс, вампиры старательно не показывали клыков, а все остальные немного жалели, что так открыто выставили свое оружие. Но другой мир – это не шутки, может случиться все, что угодно или не всегда угодно Всевышнему.

Мой Дракон между тем продолжал успокаивать нервы священнослужителя, который должен был провести обряд нашего венчания:

– Здесь собрались наши друзья, они никому не причинят вреда.

– Ты появлялся, когда я был еще безусым отроком, только готовящимся стать служителем Господа нашего. Почему ты не изменился за прошедшие восемьдесят лет? Происки Сатаны? – немного придя в себя, подозрительно прищурился священник.

– Вы видите во мне и моих спутниках зло?

– Нет, – честно признался старик. – Но ты не изменился почти за столетие!

– Я не изменился с момента встречи с апостолом Петром, а уж он бы точно не отпустил живым слугу Сатаны, – ответил ему Шторм.

– Это верно. – Кивнув своим мыслям, священник окончательно взял себя в руки и пригласил нас войти в храм для венчания.

– Просто удивительно, какое совпадение, – продолжил говорить он. – Именно сегодня объявлено перемирие, и наконец Иерусалим сможет вздохнуть свободно.

Шторм неопределенно хмыкнул при этих словах.

– Вы какой веры, дитя мое? – спросил священник, обращаясь ко мне уже в дверях храма.

– Я знаю о Всевышнем Создателе Миров, который послал в ваш мир своего сына, чтобы тот искупил грехи ваших предков, – честно ответила я.

– Вы всей душой верите в это? – снова спросил священник.

– Я знаю, что так было. Как можно верить или не верить в неоспоримый факт? – искренне удивилась я, вопросительно глядя на Шторма.

Тот улыбался.

– Интересная у вас избранница, – проговорил священник. – К какому же вероисповеданию она принадлежит?

– К христианскому, – подсказал Дракон.

– Все не так просто. В христианстве множество течений: католики, православные, адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы, протестанты… Христианство многообразно. Я не знаю, имею ли право венчать вас. К какой из христианских церквей принадлежите вы?

– А разве это важно? – весело прищурившись, спросил Шторм.

Священник вновь задумался.

– Наверное, нет, – наконец изрек он и полушепотом добавил: – Надеюсь, патриарх меня сейчас не слышал.

– Могу вас успокоить, он точно ничего не слышал, – заверил его Шторм. – Но скажу вам по секрету: ему самому приходят такие же умозаключения.

Священнослужитель приободрился, услышав слова Дракона о своем начальстве, и приступил к обряду.

Я почти ничего не поняла из древней речи на непонятном языке, но выплеск дремлющей силы по окончании венчания не оставил равнодушным никого. Священник упал на колени, увидев загоревшиеся факелы на стенах и свечи перед распятием; члены боевого Братства ощетинились мечами и ятаганами; эльфы

обнажили кинжалы в поисках вероятного врага.

Волна проснувшейся древней магии, заложенной самим Создателем, била из-под земли золотистым потоком, вырываясь сквозь желтовато-коричневые стены храма тоненькими ручейками.

Основной удар достался Шторму. Золотой столб прошил его насквозь, выгнув тело дугой, вырвался наружу через крышу храма, поднялся сквозь атмосферу планеты и зажег в далекой галактике новую звезду, которую сегодня ночью откроют астрономы этого мира. Я обняла супруга (да, уже супруга), прижалась к нему, забирая себе часть боли, дарованной благословением священной земли. Все кончилось спустя секунды. Магия Создателя Миров, дарованная им этому миру, снова задремала и ушла ждать своего часа.

Воины убрали оружие, не найдя ни единого врага. Эльфы засвидетельствовали наш союз, несмотря на существенные расхождения в церемониях. А священник из древнего города Иерусалима с планеты Земля был по-настоящему счастлив, потому что ему, как он сам сказал, довелось при жизни узреть чудо Господне.

Мы вышли из храма на просторную площадь. Улицы древнего города центрального мира, самого близкого к Создателю, были безлюдны. Вот и состоялась моя свадьба, я была самым счастливым человеком на свете. Не хватало только мамы, разделяющей со мной радость.

Но когда большая сова средь бела дня пронеслась над церемониальной площадью, я утвердилась в мысли, что мы еще обязательно увидимся.